

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2023 / ТОМ 14 / НОМЕР 1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

под редакцией Е.Я. Араповой и Н.В. Юровой

2023 / VOLUME 14 / No. 1

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshchev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Dmitry N. Tkach
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2023 / ТОМ 14 / № 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал.

В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.

Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272

ISSN (print) 2587-8476

ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Дмитрий Николаевич Ткач
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Политико-экономическая диалектика С.М. МАРКЕДОНОВ	7
--	---

Политическая экономия и международные отношения сегодня Е.Я. АРАПОВА, Н.В. ЮРОВА	9
---	---

ИНТЕРВЬЮ

Это все не экономика, дурачок! Или нелинейные эффекты санкций А.Б. ЛИХАЧЕВА	14
--	----

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования И.Н. ТИМОФЕЕВ	22
---	----

Новые модальности глобальной санкционной политики Е.Я. АРАПОВА	37
---	----

Киберсанкции как инструмент конкуренции в глобальном киберпространстве С.И. БАЛАХОНОВА	52
---	----

Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе Н.А. КОЖАНОВ	72
---	----

Экономическое развитие как способ компенсации внешнеполитических рисков: пример Армении Н.А. ДУНАМАЛЯН, В.С. ДАВТЯН, А.А. ТАВАДЯН	92
---	----

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Влияние односторонних принудительных мер на реализацию Повестки – 2030 в Республике Беларусь О.Н. ЛЕШЕНЮК	111
---	-----

Эффективность санкционной политики. Кейс Союзной Республики Югославии (1991– 2001 гг.) Е.Г. ЭНТИНА, А. ЖИВОТИЧ	123
--	-----

БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении Я.Д. ЛИСОВОЛИК	138
--	-----

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

The Political-Economic Dialectic	7
S. MARKEDONOV	

Political Economy and International Relations	9
E. ARAPOVA, N. YUROVA	

INTERVIEW

It's Not the Economy, Stupid. Or the Nonlinear Effects of Sanctions	14
A. LIKHACHEVA	
Economic Development as a Method of Foreign Policy Risk Compensation: The Case of Armenia	92
N. DUNAMALYAN, V. DAVTYAN, A. TAVADYAN	

RESEARCH ARTICLES

How to Study the Policy of Sanctions? The Vision of Empirical Research	22
I. TIMOFEEV	
New Modalities of the Global Sanctions Policy	37
E. ARAPOVA	
Cyber Sanctions as a Tool of Competition in Global Cyberspace	52
S. BALAKHONOVA	
Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development	72
N. KOZHANOV	
Impact of Unilateral Coercive Measures on Implementation of the 2030 Agenda in the Republic of Belarus	111
O. LESHENYUK	
The Efficiency of Sanctions Policy. The Case of the Federal Republic of Yugoslavia (1991- 2001).	123
E. ENTINA, A. ŽIVOTIĆ	
BRICS-Plus: the New Force in Global Governance	138
Y. LISSOVOLIK	

Политико-экономическая диалектика

«Политика есть концентрированное выражение экономики». Эту знаменитую ленинскую формулу часто цитируют, когда стремятся показать обусловленность политических процессов экономическими интересами. Однако и сам автор этой метафоры (причем в том же тексте) предостерегал против жесткого противопоставления политики и «хозяйственных подходов». По его словам, без «правильного политического подхода» невозможно решить и «производственных задач»¹.

Споры о примате экономики над политикой (и наоборот) продолжается многие годы. Однако тезис об их тесной взаимосвязи разделяют как представители «буржуазного», так и марксистского общественнознания. По словам «отца-основателя» Чикагской школы политических наук Чарльза Мерриама, «в действительности политика и экономика никогда не были отделены друг от друга. Практически нет такого политического движения, в котором не отражались бы экономические интересы, или такой экономической системы, в сохранении которой политический порядок не выступал бы важнейшим фактором»². Ему вторит выдающийся французский политический социолог Морис Дюверже, утверждая, что «экономическое принуждение очень близко по своему происхождению к физическому. Тот, кто может лишить человека средств к существованию, легко добивается его повиновения. К тому же политическая власть и экономическое принуждение тесно связаны»³.

Первый номер «Международной аналитики» в 2023 году посвящен международной политической экономии. Он выходит в формате специального выпуска под редакцией Екатерины Араповой и Натальи Юровой, авторитетных специалистов, исследующих «пограничное поле» экономических процессов и мировой политики. В новом номере выйдут разноплановые тексты. В них будут представлены, как теоретико-методологические сюжеты, связанные с новым инструментарием изучения санкционной политики, определением ее модальностей в современном мире, так и исследование отдельных страновых кейсов (Иран, Югославия и республики бывшей СФРЮ, Армения, Беларусь). Санкции и механизмы адаптации к новой (не)нормальности, использование санкционного дав-

1 Ленин, В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. М., 1970. – Т. 42. – С. 279.

2 Мерриам, Ч. Новые аспекты политики // Политология: хрестоматия. – М.: Гардарики, 2000. – С. 46.

3 Дюверже, М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: – М., 1997. – Т. 2. – С. 644–655.

ления на Россию третьими странами в своих политических целях, особенности применения механизмов санкционного давления в киберсфере, а также через интеграционные объединения – вот круг рассматриваемых в представляемом номере вопросов.

Все публикуемые материалы объединяет одно: они рассматривают сложную диалектику взаимовлияния политики и экономики, объясняют, как (и почему) бизнес-интересы уступают место политической целесообразности, которая, в свою очередь, диктуется стремлением не упустить выгоду из углубляющейся конфронтации.

Редакция очень рассчитывает на то, что материалы, опубликованные в «Международной аналитике», заинтересуют не только авторов внутри России, но и в других государствах мира, включая и западные страны, привлекут внимание, прежде всего, исследователей. Тех, кто сможет взглянуть на российский научный дискурс в новых условиях взглядом ученых, а не рыцарей нового глобального противостояния. Мы были бы заинтересованы в предметной дискуссии по вопросам международной политэкономии в дальнейшем. Есть основания полагать, что эта проблема для всех нас «всерьез и надолго».

Сергей Маркедонов, главный редактор

Политическая экономия и международные отношения сегодня

Эксперты в области международной политической экономии изучают процесс глобализации и его проявления на протяжении многих десятилетий. Еще основоположники классической школы политэкономии в лице А. Смита, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэя, Дж. Ст. Милля, Т. Мальтуса впервые возвели интересы промышленности в статус основной движущей силы государственного развития, противопоставив принципы экономического либерализма – неограниченную конкуренцию предпринимателей и действие «невидимой руки рынка» – доминировавшей идее государственного вмешательства в экономику.

В течение многих лет в концепциях политэкономистов политика выполняла «подчиненную функцию» по отношению к экономическим интересам. Глобализация, следствием которой стала возросшая взаимозависимость мира, усилила роль внешнеполитической составляющей экономической политики как на уровне национальных государств, так и на уровне наднациональных структур и привела к размыванию последовательной зависимости причины и следствия – росту взаимообусловленности экономики и политики.

Вся современная политэкономическая исследовательская рамка строится вокруг трех фундаментальных тезисов¹: (1) политическая и экономическая сферы неотделимы друг от друга; (2) политическое взаимодействие является одной из основных сил, под действием которых происходит становление и трансформация экономических структур рынка; (3) существует тесная связь между внутренними и международными процессами, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены, а особенности развития мировой экономики находят отражение в изменении государственной политики².

За последние годы резко возросло число последователей идеи деглобализации. Во многом это связано с тем, что господство финансового капитала наносит серьезный удар не только по социально-экономическому развитию, но и по политической культуре, да и обществу в целом³. Технологические изменения в сочетании с изменениями в политике, ориентированной на рынок, формируют эффект

1 Underhill, Geoffrey R.D. "Conceptualizing the Changing Global Order." In *Political Economy and the Changing Global Order*, edited by Richard Stubbs, and G. Underhill, 4-5. Oxford: Oxford University Press, 2000.

2 Cooper, Richard N. *The Economics of Interdependence*. New York: McGraw-Hill, 1968.

3 Gilens, Martin. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton: Princeton University Press, 2012.

«созидательного разрушения»¹, когда более высокая интеграция общества благодаря либерализации торговли, потоков капитала и информационным технологиям ведет к повышению диверсифицированности потребляемых товаров и услуг, но одновременно обостряет конкуренцию (как на внутреннем, так и на международном уровнях), снижает гарантии занятости, бросает вызов традиционным ценностям и экологическому балансу, обостряет глобальное социальное неравенство², способствует нарастанию социальной и этнической напряженности.

Принятие внутриполитических и экономических решений, а также выстраивание внешнеполитического и внешнеэкономического курса определяются не классическими теориями оптимального выбора и достижения равновесия в интересах общества, а ожиданиями электората или лоббистским ресурсом отдельных групп, преследующих частные узкоотраслевые интересы и концентрирующих в своих руках экономические блага и политическую власть. К их числу относятся бизнес-элиты и промышленность, крупные банки и корпорации, некоммерческие организации и профсоюзы. При этом бенефициары проводимой политики не заинтересованы в перераспределении накопленных богатств в пользу более уязвимых отраслей и групп населения. Соответственно, экономический курс, способный максимизировать экономические выгоды для общества и экономики, может оказаться политически неосуществимым.

Многонациональные корпорации и международные банки мира зависят от свободного потока товаров и капитала, лоббируя продвижение принципов экономической глобализации и либеральной рыночной идеологии за пределами государств их происхождения. Это обуславливает и системную политику распространения западной системы ценностей, их навязывание иным государствам, стремящимся сохранить собственную этническую и культурную идентичность, историческую память, автономию и независимость в проведении экономического и политического курса. Это провоцирует и ответную реакцию. На фоне стремительного развития альтернативных центров силы в лице крупных развивающихся экономик (Китая, Индии, стран Ближнего Востока и Латинской Америки) запрос на установление полицентричного мироустройства растет. Концентрированные интересы, как известно, побеждают рассеянные интересы³, и сейчас мир как никогда прежде переживает этап масштабирования этого классического принципа политической экономии до системы глобального мироустройства.

Неизбежная смена парадигмы геоэкономического порядка привела к беспрецедентной активности стран Запада. В условиях обострения конкуренции как на межгосударственном, так и на транснациональном уровнях одним из инструментов борьбы за сохранение собственного глобального доминирования становятся санкции. Почвой для их тиражирования стали, по сути, неэффективность существующей системы глобального управления и кризис доверия к системе международных институтов.

- 1 Schumpeter, Joseph. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. Taylor & Francis e-Library, 2003. (First Published in 1942). <https://periferiaactiva.files.wordpress.com/2015/08/joseph-schumpeter-capitalism-socialism-and-democracy-2006.pdf>.
- 2 Polychroniou, C.J. "Toward a Post-Keynesian Political Economy for the 21st Century." *Policy Note*, no. 2 (2013): 1–5. https://www.levy-institute.org/pubs/pn_13_2.pdf.
- 3 Jeffrey Frieden, "The Political Economy of Economic Policy," IMF, June 20, 2022, accessed February 20, 2022, <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2020/06/political-economy-of-economic-policy-jeff-frieden>.

Использование санкций для навязывания своих «правил игры» – явление не новое. США, нарастившие с момента окончания Второй мировой войны, краха Бреттон-Вудской системы с последующим закреплением принципов Вашингтонского консенсуса мощный экономический потенциал, дающий возможность осуществлять мониторинг и оказывать влияние на расчеты других государств и накопленные ими активы, широко используют санкции в качестве инструмента внешней политики.

Однако продвигаемые на протяжении многих десятилетий либеральные экономические принципы имеют и оборотную сторону. Помимо расширения ресурса экономического влияния и принуждения со стороны США и прочих адептов санкционного давления, глобализационные процессы и расширение альтернативных каналов поставок товаров, услуг и технологий повышают и маневренность подсанкционных акторов, создают опору для разветвленной сети прагматично настроенных партнеров, демонстрирующих разный уровень санкционного комплаенса.

Сравнительно низкая эффективность санкций в достижении политических целей вынуждает инициаторов выходить на новый уровень санкционного регулирования. Обострение борьбы за глобальное доминирование придало импульс оформлению и стремительному распространению практики вторичных санкций, ужесточению ответственности за несоблюдение санкционных режимов и использование инструментов обхода санкций, санкционной консолидации адептов применения инструментов принуждения под руководством США. Масштабная санкционная практика, в т.ч. санкции, введенные против России как страны с большой открытой экономикой, привели к слому привычных механизмов реализации международных экономических отношений и тотальному кризису основополагающих рыночных принципов свободного ценообразования, защиты прав частной и интеллектуальной собственности. В ответ подсанкционный экспорт начинает уходить в «серую зону», в динамично развивающихся экономиках (в первую очередь Азии и Ближнего Востока) начинают формироваться мощные самостоятельные кластеры, ориентированные на работу исключительно с рынками, находящимися под санкциями. По сути, происходит формирование двухконтурной глобальной системы «прямого» и «параллельного» экономического взаимодействия, а санкционному сближению западной коалиции противопоставляется формирование антисанкционных альянсов (в лице России, Китая, Белоруссии, Ирана и проч.) и укрепление многосторонних платформ сотрудничества (БРИКС, ШОС с перспективами расширения до БРИКС+ и ШОС+).

Специальный выпуск журнала «Международная аналитика» сфокусирован на политэкономических аспектах международного взаимодействия государств в условиях нарастающей глобальной неопределенности и конфликта экономических интересов стран-лидеров мировой экономики. Философия данного специального выпуска строится вокруг анализа эволюции экономических инструментов политического давления и эффектов западных санкций в отношении «неудобных» режимов, определяющих их внутреннее политическое и экономическое развитие, а также архитектуру глобального и регионального сотрудничества.

Разнообразие санкций, международный опыт их применения, а также современное санкционное давление и его последствия стали открывающими темами

специального выпуска. Авторы объединяет общее стремление развить научное представление о санкциях и механизмах их применения, отразить современные тенденции развития санкционного давления в международной практике с учетом цифровизации, особенности проявления эффектов первичных и вторичных санкций в отношении стран-объектов, влияние санкционной политики на развитие интеграционных инициатив на постсоветском пространстве и достижение Целей устойчивого развития в контексте Повестки 2030. Систематизация уже существующих исследовательских подходов, новые научные выводы и в целом приращение научного знания о природе и последствиях санкций выделяют статьи данного специального выпуска.

Номер открывает интервью главного редактора журнала *Сергея Маркедонова* с деканом Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ *Анастасией Лихачевой*. В центре обсуждения – санкционное цунами против России, масштабы санкций, их уникальность, алгоритмы, направления и характер влияния на российскую экономику и внешнеполитический курс.

Статья *Норайра Дунамаляна, Ваге Давтяня и Агаси Тавадяня* построена вокруг анализа взаимосвязи экономики и внешней политики Республики Армения в последние десятилетия в контексте глобальных и региональных изменений, в т.ч. с учетом баланса политических рисков и новых возможностей роста в условиях нынешней геополитической неопределенности.

Иван Тимофеев ставит в своей статье важные концептуально-методологические вопросы выработки наиболее эффективных подходов к исследованию политики санкций в условиях новой реальности, подчеркивая значение объективных эмпирических исследований, базирующихся как на сборе и анализе баз данных по тематике односторонних ограничительных мер, так и на изучении отдельных случаев (кейсов). *Екатерина Арапова* поднимает проблему новых модальностей глобальной санкционной политики, раскрывает особенности подходов США, стран ЕС и других к применению качественно новой санкционной политики и ее строгому соблюдению другими странами в отношении Ирана, России, Китая. *Светлана Балахонова* показывает неизбежность перехода санкционного противостояния в киберпространство на фоне растущей роли информационно-коммуникационных технологий.

Екатерина Энтина и Александр Животич доказывают довольно низкую эффективность экономических санкций для достижения смены политического режима на примере Союзной Республики Югославии. Исторический экскурс в период 1991–2001 гг. позволяет переосмыслить происходящее и получить ответ о последствиях международного санкционного давления для достижения конкретных политических целей. *Николай Кожанов* анализирует тенденции экономического развития Ирана в условиях многолетнего жесточайшего санкционного давления. Анализ автора построен вокруг тезиса о пересмотре базовых принципов «экономики сопротивления» правительством Э. Раиси по сравнению с политикой предыдущих правительств, статья развивает дискуссию о значении санкционного фактора в успешности проводимых реформ.

Олег Лешенюк поднимает проблему влияния односторонних принудительных мер на реализацию Повестки 2030 в Республике Беларусь. Исследование

показало, что устойчивое развитие страны зависит от активного и успешного многостороннего сотрудничества с партнерами, которое в данный момент ограничено введением санкций и требует смены традиционных торговых путей, но в то же время такая ситуация открывает новые горизонты сотрудничества при помощи объединения усилий в рамках евразийского региона и углубления интеграции Союзного государства.

Особое место в структуре специального выпуска занимает статья *Ярослава Лисоволика*, посвященная перспективам институционализации формата БРИКС Плюс, анализу ее модальностей и концептуализации в качестве платформы консолидации Глобального Юга.

Безусловно, тема санкций и неизбежного укрепления альтернативных Западу центров силы очень остро стоит в международной повестке. Зеркальный эффект от введения антироссийских санкций показал непредсказуемость последствий для ряда стран-инициаторов. Данный выпуск поможет читателям разобраться во множестве переменных факторов, которые влияют на результат применения санкций, докажет бесперспективность приверженности западных стран политике односторонних ограничений, объяснит негативные последствия для мировой экономики и возможные пути выхода из-под санкционного давления.

Екатерина Арапова и Наталья Юрова, приглашенные редакторы

Это все не экономика, дурачок! Или нелинейные эффекты санкций*

Интервью с Анастасией Лихачевой

А.Б. Лихачева – декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, кандидат политических наук. С 2018 по 2021 г. – директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. В 2012 г. – приглашенный исследователь Гарвардского университета, в 2018 г. – приглашенный исследователь Северо-Западного университета в г. Сиань (КНР), с 2017 г. – доцент департамента международных отношений НИУ ВШЭ. Основные научные интересы связаны с геоэкономическими аспектами международных отношений и российской внешней политикой. Автор и соавтор более 40 научных публикаций, 100 аналитических материалов для органов государственной власти, участник более 60 международных и российских конференций. Руководитель программы санкционных исследований ФМЭИМП с 2016 г.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В сегодняшнем политэкономическом глоссарии понятие «санкции» без всякого преувеличения стало одним из ключевых терминов. В феврале 2022 г. президент США Джозеф Байден в интервью с блогером Брайаном Т. Коэном заявил, что санкции против России едва ли не единственная альтернатива «физическому началу» третьей мировой войны. Как Вы считаете, становятся ли санкции главным инструментом достижения эффективных результатов в международных отношениях? Или их значение переоценено государственными деятелями и публицистами? Достигают ли санкции тактических и стратегических целей? И если нет, то почему?

Анастасия Лихачева: Сразу оговорюсь, что мы различаем два вида санкций: санкции Совета Безопасности ООН и односторонние санкции, или односторонние дискриминационные меры, которые такие страны, как Россия и Китай, не признают. За апелляциями к Совету Безопасности, к единственному уполномоченному санкционировать другие страны органу, стоит вполне понятная логи-

* Парафраз знаменитого слогана предвыборной кампании Билла Клинтона «Это все экономика, дурачок», с которым он выиграл выборы у президента-победителя в холодной войне, Дж.Буша-Старшего

ка. Сам термин «санкции» предполагает иерархичность и допущение иерархичности между странами (а не через Совбез), что автоматически переворачивает нашу картину международной системы, в которой вместо привычной нам с Вестфальского мира анархии, то есть отсутствия высшей власти у отдельной страны, допускается иерархия. Это не соотносится ни с внешнеполитической культурой, ни с воззрениями России, Китая или стран Латинской Америки. У санкций ООН долгая история, которой больше полувека, и она знает как локальные успехи, так и весьма безрезультатные кампании. Однако в рамках нашего интервью предлагаю в основном сконцентрироваться на односторонних санкциях – с ними гораздо больше неясного. Именно в этой сфере за последние 10 лет произошли серьезные преобразования, и, безусловно, для России или Китая именно они имеют ключевое значение. Предположить неприменение права вето Москвой или Пекином в отношении подобных пакетов санкций на площадке Совбеза весьма затруднительно.

Итак, односторонние санкции как внешнеполитический инструмент, безусловно, в моде. Они применяются все чаще, становятся «новым черным» во внешнеполитическом инструментарии. Их безальтернативность несколько преувеличена, но другой вопрос – в эффективности этого инструмента и все большем размывании его границ.

Вопрос об эффективности санкций – самый острый в академической литературе по данной проблематике. Наиболее взвешенный подход был предложен Дэвидом Болдуином в 1999 г. и предполагает не изолированную оценку санкций, а учет относительных издержек: как в сравнении с применением альтернативных инструментов внешней политики, так и с точки зрения критериев успеха (во избежание «пирровой победы») ¹.

Работы Роберта Пэйпа² подтверждают неэффективность санкций, понимая под эффективностью достижение декларируемых политических целей. В своих системных работах Гэри Хафбауэр³ и его коллеги подходят более диверсифицированно. Они считают, что эффективность санкций прямо коррелирует с темпами падения ВВП подсанкционного государства. О результативных санкциях они говорят только при падении ВВП не менее 6–6,5%. В то время как большинство санкционных программ приводят к падению в коридоре 1,3–1,7%. Есть более нюансированные подходы, которые уточняют, что, например, санкции можно считать эффективными, когда они являются прелюдией или аккомпанементом к военной кампании. Также вопрос касается целевой аудитории. Дэниел Дрезнер⁴ доказывает еще в конце 1990-х гг., что санкции против союзников куда более эффективны. Подходы к оценке эффективности весьма разнообразны: это и оценки корреляции эффективности и политического режима подсанкционного государства (демократии более чувствительны, чем автократии), и сопоставление альтернатив. В этом случае санкции несколько более эффективны, чем

1 Baldwin, David A. "The Sanctions Debate and the Logic of Choice." *International Security* 24, no. 3 (January 2000): 80–107.

2 Pape, Robert A. "Why Economic Sanctions Do Not Work." *International Security* 22, no. 2 (October 1997): 90–136.

3 Hufbauer, Gary Clyde, ed. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed., Expanded ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

4 Drezner, Daniel W. *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge Studies in International Relations 65. Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 1999.

дипломатическое сигнализирование, однако они проигрывают военным кампаниям по результативности.

Пока можно сказать достаточно уверенно, что на текущем этапе санкции не достигают заявленных политических целей. Однако это не мешает им стать крайне эффективным инструментом для решения внутривнутриполитических задач: консолидация элит (к примеру, при администрации Дональда Трампа только антироссийский санкционный пакет CAATSA был принят в Сенате в раскладке 98 за и 2 против) или консолидация государств (имея в виду антироссийскую санкционную программу как новую «точку сборки» интеграции).

Важно отметить, что санкции были подвержены активным изменениям. Даже не учитывая период холодной войны, когда они были одним из наименее заметных на политическом ландшафте «орудий» политической борьбы (хотя и применявшихся в полной мере против советского блока), с 1991 г. можно выделить четыре разных этапа в развитии санкций в качестве политического инструмента.

В период после завершения холодной войны и до терактов 11 сентября 2001 г. санкции – это, по сути, точечный инструмент дисциплинарного взыскания: по отношению к малым странам-изгоям, наркоторговцам и их соучастникам в банковской и корпоративной сферах. Наиболее известной санкционной инициативой США 1990-х гг., направленной на борьбу с наркотрафиком и легализацией доходов от него, стало создание *La Lista Clinton*. Введение санкций, как правило, является компетенцией исполнительной власти, и большие карьеры в конгрессе не строятся на санкционных актах. Акты, как, например, *Iran-Libya Sanctions Act (ILSA)*¹, принимаются, но не всегда достигают своих целей. Санкционные программы, ранее введенные против Ирана, Кубы, Ливии и других стран Латинской Америки, а также санкционные программы Совета Безопасности, продолжают свое существование, но точно не являются политическим мейнстримом.

Все меняется после 11 сентября 2001 г. В рамках международной коалиции силовые решения были дополнены значительными усилиями по обнаружению и прерыванию финансирования Аль-Каиды. Впервые активно применяются финансовые санкции, Федеральная служба финансовой разведки США была реформирована и расширена, а система *SWIFT* впервые предоставила разведывательной службе доступ для системного мониторинга и работы с транзакциями внутри системы, фактически в режиме зеркала. Эти изменения были подробно описаны в книге Хуана Зарате²). Санкции перестали быть лишь режимом технического дисциплинарного взыскания и стали ключевым инструментом борьбы с универсальным злом при поддержке участников международной антитеррористической коалиции, включая Россию.

Однако затем в США, флагмане санкционных трендов, решают экстраполировать механизм борьбы с террористическими организациями на борьбу со стра-

1 Согласно *Iran-Libya Sanctions Act (ILSA)*, санкции налагались на международные компании, которые инвестировали более 20 млн долларов США в энергетический сектор Ирана, что фактически закрыло для них американский рынок. Кроме того, Президент Клинтон издал исполнительный указ №13059, запрещающий американским гражданам и компаниям участвовать в любых экспортных операциях с третьими странами, если есть основания предполагать, что конечным получателем товаров, услуг или технологий станет Иран или иранское правительство.

2 Zarate, Juan Carlos. *Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*. First Edition. New York: Public Affairs, 2013.

ной – Ираном. Универсальность зла по-прежнему необходима для партнеров, и только после принятия Резолюции Совета Безопасности № 1929 от 2010 г. США удается убедить европейские страны ввести масштабные финансовые санкции с отключением большинства банков Ирана от систем международных расчетов, а также сократить добычу нефти для крупнейших импортеров иранской нефти – Китая и Индии. Десятки международных корпораций, в том числе американских, работавших в Иране до 2011 г., покинули рынок. Сочетание экономического шока (падение ВВП доходило до 9%) и внутривластной борьбы привело Иран за стол переговоров и к заключению Ядерной сделки. Инициаторы санкций считают этот пример успехом санкций, переговорщики от России – успехом дипломатии. На Иране впервые был опробован механизм масштабных финансовых санкций, нацеленных на изоляцию крупной страны от международной системы, и государства-инициаторы санкций сочли этот опыт успешным.

После этого начинается четвертый этап, в котором мы находимся сейчас: масштабирование иранского опыта в отношении России и, постепенно, Китая. Резолюции Совета Безопасности уже нет, издержки для государств-инициаторов санкций существенно возросли и плохо прогнозируемы, а целый ряд стран, в отсутствие консенсуса в Совете Безопасности, не спешат присоединяться к санкционным программам, порой весьма открыто нарушая введенные США и еще 40 странами ограничения.

В целом, чем более многообразной и мозаичной становится мировая система, тем ниже оказывается эффективность санкций как внешнеполитического инструмента. И здесь принципиальна не перспектива «краха доллара», а само наличие альтернативы. Сегодня международная система такова, что выживать в условиях санкций в ней гораздо проще, чем 20 лет назад, но – дороже сотрудничать. Массовое применение санкций и шантаж доступом к общественным благам глобализации системно снизили уровень доверия в международной системе, что автоматически привело к росту издержек кооперации между странами.

С.М.: После 24 февраля 2022 г. в отношении России было инициировано несколько раундов санкций. Однако еще до военной эскалации Украинского кризиса Россия подверглась санкционному давлению. В чем уникальность санкций сегодняшнего дня? Насколько корректно их сравнение с опытом Советской России и СССР? Можем ли мы говорить о неких общих алгоритмах, или, напротив, практики военной интервенции 1917–1922 гг. и противостояния времен холодной войны неактуальны в современных условиях?

А.Л.: Есть ряд очевидных отличий по сравнению с ситуацией до 24 февраля – это широта отраслевого охвата, глубина финансовых ограничений и ограничений в сфере услуг и, конечно, это феномен *Cancel Russia*, на который я предлагаю посмотреть через добровольные, легально не обязательные уходы ряда американских, европейских и азиатских компаний с российского рынка и дискриминационные меры по отношению к российским участникам на международных государственных и негосударственных площадках. Взрыв на Северных потоках показывает, что санкции сегодня работают «не в одиночку», инструментарий противостояния носит куда более комплексный характер, и мы в общем ближе к третьей мировой войне, чем к битве «белых воротничков» из надзорных финансовых структур с одной стороны и банкиров и таможенных брокеров – с другой. Но возвращаясь

к геоэкономическому аспекту нынешней конфронтации, важно отметить еще ряд особенностей.

Если говорить об исторических параллелях, ситуация противоречива. Роль коалиции государств-инициаторов санкций против России значительно возросла, несмотря на то что их действия не подкреплены санкциями Совета Безопасности. Это больше похоже на логику холодной войны, нежели на последние 30 лет санкционных практик. Однако новая роль третьих стран привела к более сложным практикам принуждения стран и компаний, не попавших под американское или европейское санкционное законодательство, соблюдать санкционные режимы. Мы видим повышение ставок в сфере надзора – от штрафов до уголовного преследования. Высокопоставленные чиновники регулярно совершают визиты в нейтральные для России страны, нацеленные на убеждение или принуждение к соблюдению тех или иных ограничений в отношении России. Это отличает ситуацию от 1917 г. или холодной войны. В то время никто серьезно не работал с нейтральными странами таким образом, а блоковый характер конфронтации отрезал еще десятки стран советской части международной системы от дискуссии.

С.М.: Россия и Запад становятся все более удалены друг от друга не только из-за разногласий в перспективах мирового порядка: разрушаются социально-экономические и научные связи. Какие последствия возникают для обеих сторон в результате этого разрыва? Каковы риски для Запада и в чем опасность для России? Вы видите возможности для восстановления полноценного и взаимовыгодного взаимодействия?

А.Л.: Разрыв культурных и социально-гуманитарных связей несет вполне понятные риски для обеих сторон. Тем не менее для Запада эта проблема может иметь глубокий характер, поскольку такая политика подрывает фундаментальные принципы развития академического сообщества, игравшего неопределимую роль в развитии, лидерстве и привлекательности Запада. Я убеждена, что в скором времени произойдут определенные изменения: Соединенные Штаты и государства Европейского Союза предпримут ряд шагов для приглашения на работу наиболее востребованных и талантливых ученых из России, продолжая ограничивать контакты с теми, кто предпочитает работать на Родине.

С учетом опыта холодной войны вероятно, что восстановление культурно-гуманитарных связей будет начато с повестки общих угроз, как это происходило в прошлом. Случится это не завтра, однако Россия играет важную роль в глобальной климатической повестке, продовольственной и водной безопасности, а также в поддержании системы стратегической стабильности. Тем для разговора меньше не станет. Ситуация в Арктическом совете показательна: семь постоянных членов пытаются бойкотировать страну, владеющую 53% береговой линией Арктики, в результате чего возникает недоумение и раздражение у всех остальных участников, осознающих политическую конъюнктуру такого подхода. Да и вечная мерзлота не собирается ждать политического урегулирования и продолжает таять.

С.М.: В последние годы в академической науке и публицистике много обсуждают российский «поворот на Восток». Не возникает ли опасности, что этот курс станет «вестернизацией наизнанку»? Как сделать так, чтобы развитие экономи-

ческих связей с КНР, Индией и азиатскими «драконами» не стало лишь реактивной линией, вызванной конфронтацией с Западом? Возможно ли в «повороте» достичь некоей самооценности, лишенной стремления «действовать от обратного»? В чем позитивный смысл поворота, так как с негативным все более или менее ясно?

А.Л.: Тот факт, что мы до сих пор настороженно относимся к одному из наиболее динамично развивающихся регионов мира, свидетельствует о нашем инертном восприятии. За 20 лет, пока мы обдумывали целесообразность, многие страны уже сделали свои повороты: сегодня Восток, а также Юг и Африка являются высококонкурентными рынками для российских поставщиков и инвесторов. Мы пропустили множество возможностей. Если говорить о том, что важно делать сегодня, то мы не должны сворачивать на Восток только в отношении одной страны региона. Мы должны стремиться к многосторонним форматам, начиная с «2+1».

Необходимо перестроить и выстроить логистику: коридор Север – Юг – уже трагикомичный проект с учетом сроков его реализации. Нам нужно больше ворот и проводников в Азию и Африку. Для достижения наилучших результатов в развитии экономических отношений с международными партнерами нам необходимы полноценные экономики второго контура и многосторонние системы для расчетов, страхования, торговли, внедрения независимых систем сертификации и стандартизации. Экономика второго контура как ответ на санкционный вызов требует наличия как минимум одного банка, одного брокера и одного страховщика для каждой приоритетной для России страны. Ожидать, что глобальные компании, китайские и индийские, будут игнорировать американские санкции и начнут открыто работать с нами, наивно. В худшем случае такое суждение может привести к потере времени. Локальные компании и решения среднего уровня – это области, с которыми мы не умеем работать, и нам предстоит изучать их дальше.

Привнести мы туда можем – без ложной скромности – наиболее востребованную повестку развития: энергетическую и продовольственную безопасность, урегулирование водных конфликтов, доступ на выгодных условиях к ряду цифровых решений, которыми обладают всего несколько стран. Если не сводить своим свою роль к объемам баррелей и бушелей, понимать, что экспорт сегодня – это не только товар, но и предсказуемость его поставок, то у России масса конкурентных преимуществ в регионе. В странах, где императив развития базовый, мы можем быть крайне востребованным партнером.

С.М.: Мобилизационная модель экономики – еще одно словосочетание, быстро входящее в наш активный словарь. Каковы ее выгоды? И какими рисками она сопровождается? Несет ли она риски укрепления авторитарных порядков и автаркии, чреватой технологическим отставанием? Или данное утверждение – «либеральный миф»?

А.Л.: Копирование инструментов, которые были успешны в противостоянии другой эпохи, может привести к неоднозначным результатам. Говоря о санкциях, которые действительно наносят стратегический ущерб, следует отметить, что это санкции, связанные с технологическим развитием и модернизацией экономики. Без решения этой проблемы «выиграть мир» будет

невозможно в долгосрочной перспективе. Следовательно, ключевой тип мобилизации, необходимый в таком противостоянии, должен быть сосредоточен на создании наиболее благоприятных условий для развития технологического сотрудничества с теми партнерами, которые готовы работать, убеждении тех, кто колеблется, и развитии критических компетенций внутри страны. Можно ли сегодня достичь этого через полную централизацию науки и инноваций? Нет. Можно ли направить значительные усилия государства на создание условий для этой сферы? Безусловно, да. Однако мобилизационная экономика 1940-х гг. не сможет решить тех задач, которые стоят перед нашей страной в настоящее время.

Следует помнить, что наш институциональный ландшафт сегодня радикально отличается от ландшафта XX в.: это наличие и устойчивой финансовой системы (несмотря на шоки в 2022), и институтов развития (вопрос о том, как сделать их более эффективными, является более простым, чем вопрос о том, как создать их в принципе). Наконец, это совершенно другая экосистема международных связей и возможных точек опоры вовне. Поэтому, по моему мнению, рецептом на сегодня является сочетание опыта Китая, оказавшегося под санкциями после событий на площади Тяньаньмэнь, Ирана в его «экономике сопротивления» (с заметной долей среднего бизнеса) и поддержки имеющихся научно-технологических активов внутри страны (и это далеко не только и не столько Москва: выдающиеся технологические наработки и устойчивая экосистема инноваций сегодня выстроена в Сибири). В противном случае риски автаркизации и неэффективности слишком высоки.

С.М.: Фактор силы из политики никуда не исчез, напротив, его значение выросло. Единый экономический мир также кажется труднодостижимым. В этой связи, как Вы рассматриваете перспективы глобализации? Или, используя известную метафору Николая Бердяева, мы вступаем в «новое Средневековье»?

А.Л.: Мне ближе метафора «калейдоскопа» – она хорошо отражает растущий динамизм связей внутри макрорегионов и укрепление барьеров между ними. Однако отмечу, что опора на базовые показатели здесь скорее обманчива: несмотря на рекордный товарооборот КНР и США в 2022 г., отрицать фрагментацию связей наивно. Здесь главный маркер не только санкции (они – на поверхности), а системные решения и доктринальные документы, направленные на достижение технологического лидерства Вашингтона и Пекина в «индустрии будущего», такие как «Закон о чипах» или решения XX съезда ЦК КПК.

Безусловно, процесс фрагментации неоднороден. Если говорить о глобализации данных, то накопленная инерция крайне высока, и если товары, услуги и технологии проще переходят в режим калейдоскопа, то с большими данными ситуация пока больше отвечает устоявшимся представлениям о глобальности, но и здесь постепенно государства как ключевой регулятор начинают возводить барьеры.

В целом санкционное цунами, по меткому выражению Ивана Тимофеева, введенное против России, существенно снизило терпимость государств к открытости. Многие страны мира, начиная с США и Китая, продолжая Турцией, Саудовской Аравией, Чили и Израилем, пересматривают свой ответ на вопрос, какие связи они считают безопасными, что понимают под безопасностью и ка-

кую степень уязвимости от международного сотрудничества считают приемлемой. Большинство стран больше не устраивает стратегическая перспектива безальтернативного участия в системе с монополией на «рубильник». Это не означает их выхода с хлопанием дверьми из долларовых расчетов или доступных механизмов страхования. Речь идет именно о работе над альтернативами, пусть менее масштабными, но доступными. Они априори будут менее эффективны в традиционном смысле первое время: одна валюта, правда, удобнее десятков валютных свопов и сложных клиринговых многосторонних систем. Но санкции последнего десятилетия показывают, что такое удобство работает все более избирательно.

Цитирование

Лихачева, А.Б. Это все не экономика, дурачок! Или нелинейные эффекты санкций // Международная аналитика. – 2023. – Том 14 (1). – С. 14–21.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-14-21>

For citation

Likhacheva, Anastasia B. "It's Not the Economy, Stupid. Or the Nonlinear Effects of Sanctions."
Journal of International Analytics 14, no. 1 (2023): 14–21.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-14-21>

Как исследовать политику санкций?

Стратегия эмпирического исследования

Тимофеев Иван Николаевич, Российский совет
по международным делам, Москва

Контактный адрес: itimofeev@russiancouncil.ru

АННОТАЦИЯ

В мировой исследовательской практике накоплен значительный опыт исследования политики санкций. В России внимание к данной тематике существенно возросло на фоне масштабного применения санкций в отношении отечественной экономики. В практическом плане возросла потребность в объективных эмпирических исследованиях, базирующихся как на сборе и анализе баз данных по тематике односторонних ограничительных мер, так и на изучении отдельных случаев (кейсов). Потребность в таких исследованиях ставит целый ряд эпистемологических вопросов. Как именно выстроить эмпирический анализ политики санкций? Каким может быть оптимальный алгоритм выстраивания сбора и анализа информации в данной области? О чем говорит уже существующий опыт отдельных элементов подобных исследований? В статье рассматривается стратегия эмпирического исследования санкций. Ключевой тезис состоит в том, что оптимальной стратегией является движение от баз данных множества событий в области санкций к изучению отдельных кейсов. Наряду с количественной информацией, база данных позволяет выявлять типичные и аномальные случаи, подтверждая или опровергая отдельные рабочие гипотезы. Тезис раскрывается на примерах авторских баз данных – базы данных санкционных событий, базы штрафов Министерства финансов США в отношении бизнеса, базы данных законопроектов по санкциям Конгресса США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

санкции, политика санкций, методология, эмпирическое исследование, база данных, кейс-стади

Масштабные экономические санкции против России значительно увеличили актуальность их объективного и непредвзятого исследования. Потребность в таких исследованиях ставит целый ряд эпистемологических вопросов. Как именно выстроить эмпирический анализ политики санкций? Каким может быть оптимальный алгоритм выстраивания сбора и анализа информации в данной области? О чем говорит уже существующий опыт отдельных элементов подобных исследований?

Основной тезис предлагаемой статьи состоит в том, что эмпирическое изучение политики санкций следует вести от общих баз данных в области санкций к более нюансированному анализу отдельных кейсов. Такой подход дает больше гибкости в выборе кейсов, позволяет отбирать их, не теряя из вида общей картины. Наоборот, движение от отдельных кейсов даст лишь ограниченные возможности обобщений без понимания канвы событий. Само по себе такое движение не снижает ценности изучения отдельных случаев. Кейс-стади должны оставаться составной частью исследования: концентрация на одной лишь базе событий без глубокой оценки кейсов чревата тривиальными выводами и наблюдениями. Данный тезис будет раскрыт на примере серии эмпирических исследований политики санкций против России и зарубежных государств, в том числе проводимых автором на протяжении нескольких лет.

Под санкциями будем понимать ограничительные меры в области финансов, торговли, транспорта и в иных сферах, которые страна-инициатор (или группа таких стран) применяет в отношении страны-мишени (или нескольких стран), а также отдельных лиц и организаций. Ключевая цель санкций – повлиять на внешнюю и/или внутреннюю политику страны-мишени в пользу ожиданий инициатора. Речь также может идти о влиянии на поведение иных акторов, таких как частные и государственные корпорации. Например, санкции могут принуждать их отказываться от сделок со странами-мишенями или отдельными лицами. Другая важная цель санкций – нанесение ущерба стране-мишени. Ущерб может быть целью сам по себе, решая задачу ослабления страны-мишени. Или же он может служить мотивацией к изменению ее поведения. Введение или отмена санкций нередко служат и средством политической коммуникации, посылая «сигналы» об эскалации или деэскалации конфликтной ситуации¹.

Очевидно, что научная рефлексия политики санкций должна быть междисциплинарной, учитывая такие области знаний, как право и экономика. Однако исследование санкций как политической проблемы требует проработки аппарата именно политологического исследования. Экономические санкции являются политической проблемой, поскольку, во-первых, представляют собой инструмент господства и принуждения в международных отношениях и, во-вторых, являются набором определенных бюрократических и институциональных практик. Использование санкций зачастую представляет собой институционализированный политический процесс. В распоряжении ряда крупных держав имеются отработанные нормы национального права, регламентирующие использование

1 Giumelli 2016.

санкций. Созданы специальные ведомства, департаменты или отделы, отвечающие за их применение. Ограничительные меры прочно укоренились в жизни парламентских структур. Свои институты образуются и в бизнес-среде, ключевым из которых можно считать институт «санкционного комплаенса», то есть соблюдения существующих режимов санкций и выстраивания отношений с правительственными структурами.

Иными словами, эмпирическое исследование санкций в политической науке представляет собой, прежде всего, изучение политического поведения – разнообразных решений и действий по использованию ограничительных мер или контрмер, а также – изучение институтов, то есть бюрократических правил в данной области. Мы говорим о политике санкций и как о совокупности решений многообразных игроков на стороне стран-инициаторов и стран-мишеней, и как о совокупности институтов, с помощью которых принимаются и исполняются принятые решения. Политика санкций может изучаться в терминах как минимум двух крупных парадигм политической науки – бихевиорализма и институционализма в их многочисленных вариациях. Сбор, анализ и оценка фактов, отражающих применение санкций и адаптацию к ним, могут осуществляться с помощью разнообразного инструментария эмпирических методов, методик и техник, широко используемых политической наукой и смежными дисциплинами.

Спор о том, вести ли изучение явления от частных случаев к общим наблюдениям (методологический номинализм) или же от наблюдений множества случаев к тщательному анализу отдельных кейсов (методологический холизм), – «вечен» для многих направлений научного поиска. Изучение политики санкций вряд ли является исключением. В истории науки известны случаи, когда анализ одного или нескольких кейсов сам по себе задавал контуры теории среднего уровня или даже новой научной парадигмы. В иных ситуациях к прорывам приходили в результате «просеивания» тысячи наблюдений и частных случаев. Ниже мы рассмотрим то, как увязываются эти два уровня познания в изучении политики санкций, и то, каким может быть алгоритм их сочетания.

Политика санкций: базы данных и пределы их возможностей

Создание баз данных о применении санкций имеет множество вариаций и обладает значительной познавательной ценностью. База данных подразумевает прежде всего кодирование информации о тех или иных сторонах, явлениях или событиях политики санкций в виде переменных. Обычно такие базы охватывают множество случаев, образуя совокупность из сотен и тысяч единиц наблюдения. Такой подход можно назвать холистским, поскольку он позволяет охватить значительное число случаев и выявить закономерности, которые были бы вряд ли видны, если наблюдаемые случаи рассматривались бы по отдельности, изолированно друг друга, или если информация о них не кодировалась бы в виде переменных.

Можно выделить целый ряд прорывных исследований политики санкций, основой которых стало создание баз данных. Прежде всего, речь об уже ставшем классическим труде Г. Хафбауэра и его коллег. Ими была собрана база данных из

более чем 170 случаев применения санкций в XX и начале XXI в¹. Знаменитым стал один из их выводов о том, что только в трети случаев применение санкций достигало своих целей. На основе базы данных была проведена масштабная теоретическая работа по классификации ограничительных мер и особенностям их применения. Другая крупная база данных – TIES – учитывала как случаи использования санкций, так и угрозы их применения. Особенностью этой базы стал учет широкого набора факторов, определяющих эффективность санкций. Она позволила протестировать множество гипотез, включая взаимосвязь результативности санкций и таких факторов, как экономический ущерб для стран-мишеней, наличие коалиции инициаторов санкций, участие международных институтов, соотношение объемов экономик стран-инициаторов и стран-мишеней, особенности политических режимов таких стран и многое другое. Для проверки гипотез использовался регрессионный анализ². Еще один – недавний – пример создания новых баз данных – исследование Ф. Джумелли и его коллег, объединившее случаи применения санкций Европейским Союзом³. Похожий подход был применен группой ученых по отношению к ограничительным мерам Совета Безопасности ООН. Количественная база данных была дополнена масштабным изучением основных проблем принятия решений о санкциях и их применении⁴. Сходные исследования проводились и ранее, объясняя, в частности, почему отдельные члены Совета Безопасности ООН достраивают режимы ограничительных мер СБ ООН своими собственными односторонними мерами⁵.

Проблема с упомянутыми базами состояла в том, что единицей их анализа выступает отдельный крупный случай применения санкций. Между тем распространение т.н. точечных санкций, то есть ограничительных мер, направленных против отдельных лиц и организаций, а не стран в целом, потребовало более тонкой настройки инструментария. Списки таких лиц формировались на сайтах государственных ведомств, осуществляющих политику санкций. Закономерными стали попытки объединить эти разрозненные данные в единые базы. Такая потребность диктовалась главным образом крупным бизнесом, который использует подобные базы данных для проверки своих контрагентов. В России настоящим прорывом стало появление базы данных *X-Compliance* группы «Интерфакс». Российская база позволяет в считанные секунды найти лиц, которые числятся в санкционных списках, а также обнаружить связанные с ними активы. Она дает интересную описательную статистику, отражающую число лиц под санкциями, их характеристики, а также динамику происходящих изменений. Но ее недостаточно для более глубоких эмпирических обобщений. К тому же они зачастую ограничиваются информацией из отдельных списков лиц под санкциями, оставляя за своими пределами ряд важных фактов. Например, они не фиксируют пока информацию о торговых санкциях, экспортном и импортном контроле, – тогда как в отношении России такие санкции активно применяются.

1 Hufbauer et al. 2009.

2 Morgan et al. 2013; 2014.

3 Giumelli 2020.

4 Beirsteker et al. 2016.

5 Brzoska 2015.

Попытка преодолеть ограничения «классических» баз и современных баз данных для бизнеса была предпринята в Российском совете по международным делам (РСМД). Здесь была создана «База данных санкционных событий» (БДСС). Ее цель в том, чтобы фиксировать, с одной стороны, отдельные решения о санкциях, а с другой – специфику их имплементации. Например, правовой рамкой для большого числа санкций США против России является исполнительный указ президента США № 14024 от 14 апреля 2021 г. Публикация указа образовала новый режим санкций против России. В логике «классических» баз данных фиксации данного события было бы достаточно – оно показывает начало очередного этапа (эпизода) в рамках крупного кейса санкций против России. Однако во исполнение данного указа органы исполнительной власти США предпринимают множество действий – расширяют списки лиц под санкциями, выдают исключения применительно к отдельным сделкам или сферам, осуществляют меры административного или уголовного преследования нарушителей режимов санкций, а иногда исключают тех или иных лиц из санкционных списков. То есть за широкой рамкой всего лишь одного нормативно-правового документа кроется широкая гамма действий органов власти. Вся эта информация, собранная в виде базы данных, дает представление о специфике работы отдельных ведомств и тенденциях применения ограничительных мер.

Дизайн БДСС достаточно прост. Прежде всего фиксируется дата события. Затем отражается инициатор события. Им могут быть государство, группа государств или международная организация. В случае отдельных государств в виде переменной отражается ведомство или ведомства, которые инициировали событие. Важно отметить, что база включает действия как тех, кто вводит санкции, так и тех, кто применяет контрмеры в виде встречных санкций. Следующая переменная фиксирует страну-мишень или группу таких стран. В тех случаях, когда санкции вводятся в отношении отдельных лиц по той или иной функциональной проблеме (противодействие терроризму, нераспространение ОМУ, борьба с наркобизнесом, противодействие организованной преступности), вместо страны-мишени отражается данная проблема. Либо она выводится в отдельную переменную, если функциональная проблема увязывается инициатором с той или иной страной (например, в отношении Китая, России, Ирана и ряда других стран применяются санкции США, связанные с предполагаемыми нарушениями прав человека). Следующая переменная показывает, какие именно ограничительные меры применяет инициатор. Это могут быть блокирующие санкции, меры экспортного контроля, транспортные ограничения и т.п. В случае их комбинации используется несколько переменных, каждая из которых показывает конкретное ограничение. В случае точечных санкций фиксируется число физических и юридических лиц, а также морских и воздушных судов, в отношении которых применяется данная мера. Отдельные переменные раскрывают повод введения санкций, а также правовой механизм, на основе которого принято решение (например, номер указа, закона, постановления и т.п.). Важной переменной является оценка события как положительного, отрицательного или нейтрального. Событие фиксируется как положительное, если его смысл состоит в отмене или смягчении санкций, а также предоставлении отдельных исключений из санкционного режима. Событие определяется как отрицательное, если оно предполага-

ет введение санкций, их продление, расширение, а также связанные с режимом санкций принудительные меры – штрафы, уголовные обвинения и приговоры и т.п. Нейтральные события включают в себя заявления, декларации, руководства и иные действия, не влекущие изменения характера санкций в ту или иную сторону. Наконец, база включает в себя источники событий, которые дублируются на случай изменений электронных ссылок. Так, например, ссылки на исполнительные указы президента США могут меняться после истечения президентского срока, поэтому ссылка на портал Белого дома требует дублирования ссылкой на Свод законодательства США или иной источник.

При обработке данных информация БДСС может сегментироваться в зависимости от конкретной исследовательской задачи. Таким образом, БДСС представляет собой гибкий инструмент, который может использоваться либо для целей мониторинга, либо для решения более узких исследовательских задач.

Вместе с тем по отдельным направлениям политики санкций целесообразно вести базы данных, сфокусированные на той или иной специфической области. Так, например, серьезным риском для бизнеса является угроза административного и уголовного преследования со стороны властей стран-инициаторов за нарушение их режимов санкций. Страх перед такими мерами привел к появлению феномена «избыточного комплаенса», когда зарубежный бизнес отказывается работать с российскими контрагентами из-за риска намеренного или ненамеренного нарушения законодательства стран-инициаторов даже в тех областях, которые не затрагивались санкциями. Так возникла прикладная задача анализа закономерностей применения принудительных мер – как часто их применяют, кто становится ключевыми «жертвами», почему происходят нарушения? На основе материалов административных расследований Министерства финансов США в отношении нарушителей режимов санкций была создана база данных применения штрафных мер. Единицей анализа стали прецеденты штрафов против отдельных компаний и физических лиц. За последние 14 лет таких штрафов набралось почти три сотни. Материалы расследований давали информацию, которую можно было организовать в виде ряда стандартизированных переменных. Среди них – дата решения о штрафе, его размер, отраслевая принадлежность компании, национальная принадлежность, отягчающие обстоятельства (наличие умысла, попыток скрыть нарушения и т.п.), смягчающие обстоятельства (сотрудничество с расследованием, наличие попыток предотвратить нарушения и т.п.), меры, предпринимаемые компанией или лицом для исключения нарушений в будущем. Изучение базы показало, что большая часть нарушений по линии Минфина США совершалась непреднамеренно, а львиная доля штрафов пришлась на банки Великобритании и ЕС, а не на американские компании¹. Указанная база продолжает обновляться. Похожие проекты ведутся и за рубежом. Масштабное исследование провели американцы Б. Эли и К. Прибл, создав свою базу за период с 2003 г. по настоящее время².

1 Timofeev 2019.

2 Early, Prible 2018.

Еще один пример сфокусированной базы данных – изучение санкционных законопроектов в Конгрессе США. Создание такой базы также было вызвано прикладными задачами. Появление законопроектов приводило к движениям на российском фондовом рынке, и нужно было понять, какой процент законопроектов становится законами, по каким странам такой процент выше, при каких условиях шансы на прохождение законопроекта увеличиваются. Однако собранная база позволила решать более амбициозные и нетривиальные задачи. Она стала стимулом к ревизии исследований об отношениях Конгресса и Администрации, распределении их полномочий и специфики их взаимодействия. Наряду с российским сегментом законопроектов были получены любопытные данные о законодательных инициативах по санкциям в отношении Китая, Саудовской Аравии, Турции и других стран. Была выявлена специфика республиканских, демократических и двухпартийных законопроектов по санкциям¹.

В российской политической науке идет работа и над другими базами. А.Б. Лихачева возглавляет масштабный проект по сбору нормативно-правовых документов по санкциям, результаты которого находятся в процессе обработки. Е.Я. Арапова комбинирует анализ нормативных правовых документов с изучением событийной канвы². Новаторские исследования проводятся и за рубежом. Например, Дж. Дарси и А. Сталберг в качестве основы для изучения взяли массив публикаций академических журналов и СМИ о санкциях. Проведя их семантический анализ, они обнаружили существенные различия в понимании санкций россиянами и американцами³. Другое эмпирическое исследование показало взаимосвязь между влиянием санкций на стабильность правительства страны-мишени и уровнем применяемых данным правительством репрессий⁴. Своими базами оперируют экономисты. Они фиксируют динамику показателей экономики и торговли в зависимости от введения новых санкций. Такие исследования дают ценную информацию об экономическом ущербе от санкций для отдельных стран и отраслей экономики⁵.

Возможности и ограничения баз данных в области политики санкций сходны с похожими холистскими подходами к изучению других политических проблем. Они позволяют вести мониторинг изучаемого явления, делать выводы о его структуре, выявлять закономерности, доступные только при изучении множества случаев. Большим преимуществом является возможность стандартизировать информацию, представить ее в виде конкретных цифр и статистических наблюдений. Главный недостаток такого подхода состоит в невозможности детального анализа отдельного случая. Информация о каждом таком случае будет ограничиваться лишь параметрами базы данных, что зачастую недостаточно для глубокого изучения отдельного кейса. Однако базы данных незаменимы для процедуры выбора кейсов для последующего углубленного анализа. Например, база может показать аномальный, выделяющийся из общей закономерности случай. Или, наоборот, выявить типичный случай, который также требует свое-

1 Тимофеев forthcoming.

2 Арапова, Кудинов 2022.

3 Darsey, Stulberg 2019.

4 Grauvogel, Soest 2014.

5 Fritz et al. 2017.

го изучения. В упомянутой базе данных штрафов Минфина США за нарушение санкций явно выделяются «аномалии» в виде преднамеренных обходов режима санкций США и «обычные» для наблюдаемой совокупности случаи непреднамеренных нарушений из-за ошибок персонала или сбоя программного обеспечения. И те, и другие случаи заслуживают глубокого изучения, однако их аргументированное выделение в качестве объекта анализа было бы более сложным и менее очевидным без предварительного холистского исследования обобщенных характеристик множества иных случаев.

«Его величество» кейс

Критика «классической» базы данных Г. Хафбауэра и его коллеги со стороны Р. Пейпа показала силу детального исследования отдельных случаев. Число единиц наблюдения в указанной базе было невелико, что давало возможность Р. Пейпу досконально перепроверить ее. Он подробно описал те кейсы, которые, по его мнению, были примерами неэффективного применения санкций, тогда как в базе Г. Хафбауэра они значились как результативные случаи¹.

Вместе с тем исследования отдельных кейсов часто ведутся без привязки к существующим базам данных. Наиболее распространенным направлением изучения отдельных случаев можно считать концентрацию научной работы на отдельном страновом казусе. Как правило, объектом изучения является та или иная страна-мишень, а предметом – применение санкций странами-инициаторами, их влияние на политику и экономику страны-мишени, действия страны-мишени по адаптации к санкциям и контр-мерам, внутривнутриполитические процессы в странах-инициаторах и странах-мишенях, связанные с принятием решений о санкциях и контрсанкциях, а также внешнеполитические результаты их применения. По числу опубликованных работ такой подход, по всей видимости, является наиболее распространенным. Хрестоматийной и классической можно считать работу Дж. Гальтунга о санкциях в отношении Родезии², хотя точкой отсчета его исследование явно не является. Так, например, советский ученый Д. Борисов еще в середине 1930-х гг. провел детальный анализ применения экономических ограничений, введенных Лигой наций, а также отдельными западными державами³. Сегодня количество научных работ, посвященных отдельным кейсам, исчисляется десятками. К числу крупных работ можно отнести недавние монографии Р. Нефью о политике санкций против Ирана⁴, Р. Коннолли о санкциях против России⁵, С. Хаггарда и М. Ноланда об ограничениях в отношении Северной Кореи⁶, масштабный доклад Э. Розенберг и ее коллег о санкциях США в отношении Китая⁷, монографию Т. Дорфлера, объединившую серию кейсов применения ограничительных мер со стороны СБ ООН⁸. Российские ученые широко исполь-

1 Pape 1997.

2 Galtung 1967.

3 Борисов 1936.

4 Nephew 2018.

5 Connolly 2018.

6 Haggard, Noland 2017.

7 Rozenberg et al. 2020.

8 Dorfler 2019.

зуют подобный подход, изучая также случаи Ирана¹, Северной Кореи², Китая³, Венесуэлы⁴, Сирии⁵ и, конечно, России⁶. В некоторых академических и прикладных исследованиях изучение страновых случаев сужается до определенной сферы. В числе примеров – изучение влияния санкций на нефтяную отрасль Ирана⁷, анализ экспортного контроля США в области высоких технологий в отношении КНР⁸, влияние санкций на финансовый сектор ряда стран-мишеней⁹. Доклады специального докладчика ООН о влиянии односторонних ограничительных мер на реализацию прав человека делают акценты на гуманитарных последствиях использования санкций¹⁰. Отдельные работы концентрируются на ревизии инструментов ограничительных мер тех или иных стран и международных объединений. В частности, такие работы готовились о политике санкций Великобритании¹¹, ЕС¹², США¹³ и России¹⁴.

Большая работа по исследованию отдельных кейсов ведется учеными и практикам в области юриспруденции и международного права. Здесь единицей анализа зачастую являются случаи судебного оспаривания санкций, уголовных дел или административных расследований. Отдельные публикации были посвящены таким резонансным делам, как иск российского бизнесмена О. Дерипаски против Минфина США с целью оспаривания введенных против него санкций¹⁵, уголовные дела против российских граждан за попытки обхода режимов санкций США¹⁶, расследование властей США в отношении банка *HSBC* за нарушение санкционного законодательства¹⁷ и т.п. Зачастую исследования юристов не получают должного внимания в работах политологов и международных экспертов. Между тем они дают представление о специфике деятельности государственных ведомств стран-инициаторов и показывают степень эффективности принуждения к исполнению режимов санкций.

Общей проблемой страновых исследований и анализа отдельных юридических кейсов является сложность их обобщения. Они дают глубокий анализ

1 Кожанов, Исаев 2019.

2 Коргун, Толорая 2022.

3 *Кашин, В.Б., Тимофеев, И.Н.* Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 3 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/amerika-kitai-novaya-kholodnaya/?ysclid=lelom3chzl47917625> (дата обращения: 14.03.2023).

4 *Розенталь, Д.* Венесуэла при Николасе Мадуро: тест на прочность // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/venesuela-pri-nikolase-maduro-test-na-prochnost/?ysclid=lelozbbjm678850600> (дата обращения: 14.03.2023).

5 Матвеев 2022a; 2022b.

6 Тимофеев 2022c.

7 Graaf 2013.

8 Fuller 2021.

9 Hatipoglu, Peksen 2018.

10 Alena Douhan, "Preliminary Findings of the Visit to the Bolivarian Republic of Venezuela by the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of the Human Rights," United Nations Human Rights Office of the High Commissioner, February 12, 2021, accessed March 14, 2023, <https://www.ohchr.org/en/statements/2021/02/preliminary-findings-visit-bolivarian-republic-venezuela-special-rapporteur?LangID=E&NewsID=26747>.

11 Chase et al. 2020.

12 Giumelli 2013.

13 Rosenberg et al. 2016.

14 Тимофеев 2021.

15 *Гландин, С.В.* Один против США. Как Олег Дерипаска санкции снимал // Закон.ру. 16 июня 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/6/16/odin_protiv_ssha_kak_oleg_deripaska_sankcii_snimal/?ysclid=lekfukshk4786498150 (дата обращения: 14.03.2023).

16 *Гландин, С.В.* Санкции и уголовное преследование за их нарушение // РСМД. 13 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-i-ugolovnye-posledstviya-za-ikh-narushenie/> (дата обращения: 14.03.2023).

17 Hardouin 2017.

отдельных случаев, которых зачастую не хватает для выстраивания теорий среднего уровня. Вместе с тем отдельные кейсы иногда заставляют пересматривать привычные аналитические схемы. Так, например, понятие точечных санкций в последние 20 лет превратилось в одну из центральных категорий исследования ограничительных мер с учетом широкого опыта их применения. Смысл точечных санкций заключается в том, что они применяются против отдельных лиц и организаций, которые, по мнению властей стран-инициаторов, причастны к той или иной политической проблеме, но не затрагивают экономику в целом. Способность таких санкций причинять масштабный вред всей экономике отмечалась и ранее¹, однако санкции против России после февраля 2022 г. дают основания для полного пересмотра концепции точечных санкций. По своей правовой форме их можно было считать точечными (финансовые блокирующие санкции и торговые ограничения в отношении отдельных лиц), однако они были направлены против целого ряда системообразующих для экономики компаний, поэтому ущерб от них сказался и на экономике в целом. Кроме того, они были дополнены широким набором мер экспортного и импортного контроля против страны в целом. Мультипликативные эффекты точечных санкций отмечались и ранее на примерах Ирана и Венесуэлы, но в российском случае их масштаб стал беспрецедентным, стирая границы между точечными и всеобъемлющими ограничениями. Российский случай вполне может сыграть роль триггера, который приведет к существенному пересмотру понятия точечных санкций.

От баз данных к кейсам. Принцип «матрешки»

Очевидно, что холистские исследования множества случаев и номиналистские работы по отдельным немногочисленным кейсам решают свои специфические задачи и занимают особые ниши в изучении политики санкций. Их нельзя рассматривать как взаимоисключающие. Напротив, их сочетание представляется вполне целесообразной задачей. Рассмотрим возможности такого сочетания на примере баз данных РСМД.

Так, за прошедшие три года (2020–2022) в БДСС зафиксировано 3090 событий, связанных с применением санкций. Это большая «матрешка», которую можно разукрупнять на множество других, постепенно сужая поиск до отдельных кейсов в зависимости от исследовательской задачи. Простейший частотный анализ показывает, что значительная доля событий связана с США. Они генерируют 1420 событий (45%) от общего числа. Для сравнения, ЕС (не считая отдельных государств-членов) – 448 событий (14,49%), Великобритания – 430 (13,91%), Россия – 131 (4,2%), Китай – лишь 36 (1,16%). Уже на данном этапе возникает множество развилок для дальнейшей фокусировки исследования. Например, его можно заострить исключительно на США. Здесь «матрешка» снова распадается на события, генерируемые уже отдельными ведомствами. Из 1420 событий 742 (49,79%) связаны с деятельностью Минфина США. Иными словами, Минфин явно опережает все остальные ведомства в своей санкционной активности,

1 Gordon 2019.

далеко оторвавшись от Госдепартамента (142 события, или 9,5%), Министерства торговли (140 событий, или 9,3%) и Министерства юстиции (116 событий, или 7,78%). На данном этапе возникает также множество вариантов разборки «матрешки». Можно исследовать специфику деятельности каждого ведомства или выбрать одно из них. Минюст генерирует, на первый взгляд, относительно небольшое количество событий. Но все они связаны с уголовным преследованием нарушителей режимов санкций, то есть по своим последствиям для фигурантов таких расследований они могут быть гораздо более существенными, чем действия иных органов власти. На данном этапе тоже можно вести дальнейшую фокусировку. Так, из 116 событий, связанных с деятельностью Минюста по тематике санкций, 19 относятся к России, к ее гражданам или обходу санкций в отношении России. Событий, относящихся к Ирану, насчитывается 36. Но можно предположить, что здесь есть эффект задержки. С учетом «санкционного цунами» против России будет расти и число попыток обойти санкции, а с ними число уголовных дел. Российский кластер можно разукрупнять на отдельные уголовные расследования. В результате мы доходим до последней «матрешки», когда имеет место детальное изучение отдельного дела уже в виде кейс-стади. Таковыми могут быть и дело против российских граждан и их итальянских партнеров за попытку поставки в Россию американской турбины, и дело о закупке для российских компаний чипов через болгарских лиц, и расследования в отношении попыток российских бизнесменов использовать замороженные активы, и т.п.

Логика разукрупнения большой «матрешки» на отдельные составляющие может быть самой разной. Не обязательно доходить до самого мелкого элемента. Отдельный кейс может быть промежуточным. Например, отдельные страновые или ведомственные случаи. Важно другое. Можно прийти от общей совокупности данных до отдельного кейса. Но значительно труднее из изучения отдельных кейсов сделать количественную базу данных. Поэтому дедуктивное движение «сверху вниз» представляется оптимальным.

Похожая логика реализуется и в других базах. Упомянутая выше база данных расследований Минфина США в отношении нарушителей режима санкций включает в себя 270 единиц наблюдения за 14 лет. Частотный анализ показывает, что в 78 случаях – это нарушения банков и платежных систем. За 14 лет они выплатили в виде штрафов 5,294 млрд долларов США, тогда как остальные 192 компании из других секторов выплатили лишь 417 млн долларов. Финансовый сектор оказывается наиболее уязвимым и заслуживает изучения уже хотя бы в силу масштабов своих потерь. Из 78 оштрафованных банков 33 оказываются американскими. Но эти 42% банков заплатили ничтожную долю штрафов – лишь 123,8 млн из 5,294 млрд, уплаченных банками в целом. Следующая «матрешка» показывает, что всего лишь 5 банков из 78 заплатили 3,3 млрд, то есть на них приходится значительно больше половины всего объема выплаченных средств. Оказывается, что среди них нет ни одного американского. Это банки из Великобритании, Германии, Нидерландов, Франции и Швейцарии. Здесь целесообразно переходить к детальному изучению отдельных случаев, то есть нарушений режима санкций США данными банками. Настройка «матрешек» опять же может быть различной. В зависимости от исследовательских и практических задач доступно изучение отдельных отраслевых кейсов или же, например, случаев, когда

нарушения носили преднамеренный, а не случайный характер. В таких случаях расследование Минфина шло в сотрудничестве с Минюстом и приводило к более серьезным потерям для компаний.

По такому же принципу «матрешки» деконструируется и база данных санкционных законопроектов Конгресса США, о которой говорилось выше. Наиболее очевидный путь ее разукрупнения – анализ специфики законопроектов в зависимости от стран-мишеней. Данные за 2019–2021 гг. показывают, что ключевыми мишенями законопроектов были Китай, Россия и Иран. С ними связано более трети всех законопроектов. Однако появлялись и неожиданные кластеры законопроектов против союзников США. Например, на Турцию приходится 4% санкционных законопроектов. Другой возможный вариант фокусировки базы данных – оценка тех законопроектов, которые стали законами. Первые результаты обработки данных показали низкую «выживаемость» законопроектов: законами становится лишь 4,3%. Почти все они предложены и демократами, и республиканцами, то есть являются предметом межпартийного консенсуса. Партийный признак может быть еще одним критерием настройки базы данных. Республиканцы более активны в деле выдвижения санкционных законопроектов. Они явно доминируют в предложении таких биллей в отношении Китая и Ирана, тогда как в отношении России очевидного крена не наблюдается. По тематике санкций за нарушение прав сексуальных меньшинств, наоборот, не наблюдается республиканских проектов. Здесь доминируют демократы. Наконец, еще один критерий фокусировки данных – деятельность отдельных конгрессменов. Можно выделить сенаторов и членов Палаты представителей, для которых санкционная тематика является «профильной». По всем обозначенным направлениям фокусировки данных в конечном итоге можно выходить на изучение отдельных законопроектов.

Сходный принцип «матрешки» целесообразно использовать и при обработке других баз данных. Растущее число таких баз в российской практике представляется обнадеживающим признаком появления эмпирических основ для объективного и непредвзятого изучения политики санкций.

Дедуктивное движение от анализа совокупности данных о множестве кейсов к тщательному изучению отдельных единиц наблюдения представляется оптимальной исследовательской стратегией для масштабных эмпирических исследований политики санкций. Такая исследовательская стратегия требует более существенных усилий в сравнении с привычными работами по изучению кейсов отдельных стран или компаний. Однако она дает значительно более высокую добавленную стоимость. Изучение совокупности кейсов на основе стандартизированных переменных позволяет получить информацию, которую невозможно выделить при последовательном изучении кейсов (*case by case*). Сегментирование баз данных по принципу «матрешки» дает возможность обоснованно выбрать те или иные кейсы для более подробного изучения. Это могут быть как типичные, так и аномальные случаи. Их изучение в контексте обобщенных данных о более широкой выборке кейсов также повышает добавленную стоимость полученных знаний. Кроме того, в арсенале политической науки остается множество

других стратегий эмпирического исследования вне логики «база данных – кейс». Например, существует большая ниша для применения качественных методов для оценки субъективных восприятий политики санкций отдельными акторами – бизнесменами, чиновниками, представителями силовых структур и т.п. Другое возможное направление – изучение активности в интернете по тематике санкций с точки зрения поисковых запросов, характеристик использования сайтов профильных ведомств, обсуждения санкций в социальных сетях и т.п. Соответствующие направления также обладают значительным потенциалом и требуют отдельных стратегий эмпирического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арапова, Е.Я., Кудинов, А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2022. – № 6. – С. 151–165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.11>.
- Arapova, Ekaterina Ya., and Aleksey S. Kudinov. "International Sanctions Legislation in the U.S., EU and UK: a Comparative Study." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2022): 151–165 [In Russian].
- Борисов, Д. Санкции. – М: Соцэкгиз, 1936. – 156 с.
- BorISOV, D. *Sanktsii*. Moscow: Sotsekiz, 1936 [In Russian].
- Кожанов, Н.А., Исаев, Л.М. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие // *Азия и Африка сегодня*. – 2019. – № 7. – С. 24–31. <https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3>.
- Kozhanov, Nikolay A., and Leonid M. Issaev. "Iran and Sanctions: Experience of Overcoming and Influence on Socio-Economic Development." *Asia and Africa Today*, no. 7 (July 2019): 24–31 [In Russian].
- Коргун, И.А., Толорая, Г.Д. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // *Полис. Политические исследования*. – 2022. – № 3. – С. 80–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07>.
- Korgun, Irina A., and Georgy D. Toloraya. "On the Question of Effectiveness of Sanctions against DPRK." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2022): 80–95 [In Russian].
- Матвеев И.А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 1: Битва за выживание / отв. ред. В.А. Кузнецов. – М.: ИВ РАН, 2022а. – 344 с. <https://doi.org/10.31696/978-5-907384804>.
- Matveev, Igor A. *The Political Economy of Syria in Conflict*, edited by V.A. Kuznetsov. Vol. 1: The Struggle for Survival. Moscow: IOS RAS, 2022a [In Russian].
- Матвеев, И.А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению / отв. ред. В.А. Кузнецов. – М.: ИВ РАН, 2022б. – 392 с. <https://doi.org/10.31696/978-5-907384811>.
- Matveev, Igor A. *The Political Economy of Syria in Conflict*, edited by V.A. Kuznetsov. Vol. 2: The Difficult Path to Reconstruction. Moscow: IOS RAS, 2022b [In Russian].
- Тимофеев, И.Н. Политика санкций в законопроектах Конгресса США: опыт эмпирического анализа // *Международные процессы*. – Принята к публикации.
- Timofeev, Ivan. N. "Politika sanktsii v zakonoproektakh Kongressa SSHA: opyt empiricheskogo analiza." *International trends*, (ahead-of-print) [In Russian].
- Тимофеев, И.Н. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт // *Финансовый журнал*. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 8–23. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23>.
- Timofeev, Ivan N. "Meeting the Challenge of Economic Sanctions: Russian Legislative and Institutional Perspective." *Financial Journal* 13, no. 4 (2021b): 8–23 [In Russian].
- Beirsteker, Thomas, Sue Eckert, Marcos Tourinho (eds). *Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Brzoska, Michael. "International Sanctions before and beyond UN Sanctions." *International Affairs* 91, no. 6 (2015): 1339–1349. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12449>.
- Chase, Isabella, Emil Dall, and Tom Keatinge. *Coordinating Sanctions After Brexit. Considerations for the Future of UK Sanctions Policy*. London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, 2020.
- Connolly, Richard. *Russia's Response to Sanctions. How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Darsey, Jonathan, and Adam Stulberg. "Deaf Ears and the U.S.-EU-Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment." *International Organisations Research Journal* 14, no. 3 (2019): 69–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-04>.
- Dorfler, Thomas. *Security Council Sanctions Governance*. London, New York: Routledge, 2019.
- Early, Bryan R., and Keith Preble. "Enforcing Economic Sanctions: Analyzing How OFAC Punishes Violators of U.S. Sanctions." *SSRN Electronic Journal*, (2018). <https://doi.org/10.2139/ssrn.3306653>.
- Fritsz, Oliver, Elisabeth Christen, Franz Sinabell, and Julian Hinz. *Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward*. Brussels: Directorate-General for External Policies, 2017. <https://doi.org/10.2861/658339>.
- Fuller, Douglas B. "China's Counter-Strategy to American Export Controls in Integrated Circuits." *China Leadership Monitor*, no. 67 (2021): 1–15. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3798291>.
- Galtung, Johan. "On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia." *World Politics* 19, no 3 (1967): 378–416. <https://doi.org/10.2307/2009785>.

Giumelli, Francesco, Fabian Hoffmann, and Anna Książczaková. "The When, What, Where and Why of European Union Sanctions." *European Security* 30, no. 1 (2021): 1–23. <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685>.

Giumelli, Francesco. *How EU Sanctions Work: A New Narrative*. Paris: EU Institute for Security Studies, 2013. <https://doi.org/10.2815/32791>.

Giumelli, Francesco. "The Purposes of Targeted Sanctions." In *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, edited by Thomas J. Biersteker, Sue E. Eckert, and Marcos Tourinho, 38–59. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290.003>.

Gordon, Joy. "The Not So Targeted Instrument of Asset Freezes." *Ethics and International Affairs* 33, no. 3 (2019): 303–314. <https://doi.org/10.1017/S0892679419000315>.

Graaf, Thijs Van de. "The 'Oil Weapon' Reversed? Sanctions Against Iran and U.S.-EU Structural Power." *Middle East Policy* 20, no. 3 (2013): 145–163. <https://doi.org/10.1111/mepo.12040>.

Grauvogel, Julia, and Christian von Soest. "Claims to Legitimacy Count: Why Sanctions Fail to Instigate Democratisation in Authoritarian Regimes." *European Journal of Political Research* 53, no. 4 (2014): 635–653. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12065>.

Haggard, Stephan, and Marcus Noland. *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford: Stanford University Press, 2017.

Hardouin, Patrick. "Too Big to Fail, Too Big to Jail: Restoring Liability a Lesson from HSBC Case." *Journal of Financial Crime* 24, no. 4 (2017): 513–519. <https://doi.org/10.1108/JFC-09-2016-0061>.

Hatipoglu, Emre, and Dursun Peksen. "Economic Sanctions and Banking Crises in Target Economies." *Defence and Peace Economics* 29, no. 2 (2018): 171–189. <https://doi.org/10.1080/10242694.2016.1245811>.

Hufbauer, Gary C., Jeffrey J. Schott, Kimberly A. Elliott, and Barbara Oegg. *Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition*. Washington, DC.: Peterson Institute for International Economics, 2009.

Morgan, T. Clifton, Navin Bapat, and Yoshiharu Kobayashi. "Threat and Imposition of Economic Sanctions 1945–2005: Updating the TIES Dataset." *Conflict Management and Peace Science* 31, no. 5 (2014): 541–558. <https://doi.org/10.1177/0738894213520379>.

Nephew, Richard. *The Art of Sanctions: A View from the Field*. New York: Columbia University Press, 2018.

Pape, Robert A. "Why Economic Sanctions Do Not Work." *International Security* 22, no. 2 (1997): 90–136.

Rosenberg, Elizabeth, Zachary K. Goldman, Daniel Drezner, and Julia Solomon-Strauss. *The New Tools of Economic Warfare: Effects and Effectiveness of Contemporary U.S. Financial Sanctions*. Washington, DC.: The Centre for a New American Security, 2016.

Rosenberg, Elizabeth, Peter E. Harrell, and Ashley Feng. *A New Arsenal for Competition: Coercive Economic Measures in the U.S.-China Relationship*. Washington, DC.: The Center for a New American Security, 2020.

Timofeev, Ivan N. "Sanctions on Russia: A New Chapter." *Russia in Global Affairs* 20, no. 4 (2022). <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>.

Timofeev, Ivan N. "Rethinking Sanctions Efficiency." *Russia in Global Affairs* 17, no. 3 (2019): 86–108. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108>.

Сведения об авторе

Иван Николаевич Тимофеев,

к. полит. н., генеральный директор РСМД, доцент кафедры политической теории,
МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского 76.

e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27 февраля 2023.

Переработана: 15 марта 2023.

Принята к публикации: 20 марта 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Тимофеев, И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. – 2023. – Том 14 (1). – С. 22–36.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>

How to Study the Policy of Sanctions? The Vision of Empirical Research

ABSTRACT

Scholars worldwide have amassed a wealth of knowledge on the use of economic sanctions, relying on either the analysis of large datasets or the examination of particular cases. The extensive sanctions levied against Russia have spurred research into their implementation and impact among Russian scholars, necessitating impartial empirical research. This demand raises a number of epistemological questions, such as what the strategy for understanding sanctions empirically should be, how to handle data and its processing, and what implications the existing literature, both domestically and abroad, has for approaching empirical research on sanctions. The crux of the matter is the generation of quantitative datasets of multiple sanctions events and cases, which serves as an essential starting point for empirical research. This approach helps to differentiate between “normal” and “deviant” cases, thereby justifying further sampling of cases for in-depth qualitative analysis. The article vividly illustrates this point by relying on the author's databases on sanctions events, U.S. government enforcement actions, and U.S. Congress legislation processes on sanctions.

KEYWORDS

sanctions, policy of sanctions, methodology, database, case study

Author

Ivan N. Timofeev,

PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Theory,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-university),
119454, Moscow, Prospect Vernadskogo 76.

e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru

Additional information

Received: February 27, 2023. Revised: March 15, 2023. Accepted: March 20, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Timofeev, Ivan N. “How to Study the Policy of Sanctions? The Vision of Empirical Research.”
Journal of International Analytics 14, no. 1 (2023): 22–36.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>

Новые модальности глобальной санкционной политики

Екатерина Яковлевна Арапова, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: e.arapova@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Актуальность и научная новизна исследования состоят в выявлении автором принципиально новых модальностей глобальной санкционной политики: постепенного расширения круга государств-инициаторов санкций, трансформации санкционного инструментария и тематических режимов санкций, тиражирования практики использования односторонних санкций в качестве инструментов достижения внешнеполитических целей в условиях кризиса системы одностороннего миропорядка и нарастания конкуренции и стратегического противостояния великих держав. Проведенный дискурс- и контент-анализ правовых документов, регламентирующих институционализацию санкционных режимов в государствах-инициаторах, позволил выявить ряд важных глобальных трендов последнего десятилетия в области санкционной политики. Во-первых, в условиях роста популярности финансовых ограничений в последнее десятилетие происходит их стремительное усложнение. Тиражируется практика введения санкций против Центральных банков и заморозки валютных резервов подсанкционных стран. От «заморозки» активов подсанкционных лиц (физических и юридических) инициаторы санкций все более активно переходят к практике их конфискации, формируя при этом соответствующие правовые механизмы. Во-вторых, происходят важные сдвиги в тематических режимах санкций: «коллективное» правовое оформление режимов киберсанкций, массовое внедрение в национальные законодательства ответственности за обход санкций и тиражирование опыта введения санкционных ограничений против операций с криптовалютой и альтернативных механизмов трансграничных расчетов. В-третьих, очевидно постепенное тиражирование инструментария вторичных санкций, которые начинают использоваться не только Соединенными Штатами, но и Великобританией и Китаем, что в долгосрочной перспективе (с учетом стратегического противостояния Китая и США) может создать принципиально новый феномен фактической конкуренции санкционной экстерриториальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

финансовые санкции, вторичные санкции, право собственности, киберсанкции, криптовалюты, конфискация активов

Введение

Распространение санкций не только как механизмов политического давления, но и как инструментов экономической конкуренции, передела рынков и стратегической борьбы за сферы влияния повышает общий уровень неопределенности и приводит к разбалансировке системы международных экономических отношений, усугубляя кризис системы международных институтов и глобально-го регулирования, в первую очередь – глобального торгового регулирования.

Большинство классических трудов по санкционной проблематике посвящены анализу применения санкций во второй половине XX в. – начале 2000-х гг., постепенной эволюции санкционного инструментария. Предметом изучения в ряде работ выступают соотношения экономической и политической составляющих санкционного механизма¹, а также факторы, влияющие на изменение внутренней политики государства-адресата в условиях санкционного давления². Центральным в серии фундаментальных трудов по санкционной тематике стал вопрос об эффективности санкций³ как инструмента политического давления. Большинство экспертов приходят к выводу об ограниченной эффективности санкций⁴, которая, по разным оценкам, варьируется от 4%⁵ до 34%⁶.

Осознание низкой эффективности санкций на фоне значительного ущерба для широких масс населения⁷ способствовало постепенному переходу от масштабных торговых санкций к использованию финансовых ограничений (заморозке активов, сокращению доступа к рынкам капитала и объемов финансовой помощи), а также концептуализации понятия «умных» санкций. Однако данная смена санкционной парадигмы породила еще больше дискуссий относительно их эффективности и «умного» воздействия⁸. По мнению одной группы исследователей, «умные» санкции действительно были призваны повысить эффективность ограничительных мер⁹, другие же скептически относятся к эффективности целевых санкций¹⁰, утверждая, что они не устранили гуманитарный ущерб и порождаемые им этические дилеммы¹¹.

По инерции труды последних лет также отталкиваются от традиционной парадигмы сопоставления эффектов полномасштабных торговых эмбарго и «умных» финансовых ограничений. При этом новые тренды, связанные с усложнением инструментария финансовых санкций, в силу их новизны находятся на низком уровне осмысления, равно как и анализ различий в эффективности отдельных инструментов внутри группы финансовых ограничений. Недостаточно изучен и феномен вторичных санкций, который зачастую сводится к анализу исключительно американской практики их применения¹². На выявление и структуриро-

1 Feaver, Lorber 2015; Cooper, Lorber 2016.

2 Baldwin, Pape 1998; Lektzian, Souva 2007.

3 Bapat, Kwon 2015; Biersteker et al. 2016.

4 Lindsay 1986; Pape 1997; Weiss 1999; Elliott 2002; Hufbauer et al. 2009.

5 Pape 1997.

6 Hufbauer et al. 2009.

7 Portela, 2014; Drezner 2015.

8 Drezner 2011; 2015.

9 Tostensen, Bull 2002; Shagabutdinova, Berejikian, 2007; Beirsteker et al 2016; Ahn and Ludema 2017.

10 Elliott 2002; Tierney 2005; Steil, Litan 2006; Brzoska 2008.

11 Lopez 2012; Gordon 2019.

12 Ryngaert 2008; Meyer 2009; Bechky 2018; Ruys, Ryngaert 2020.

вание подобных трендов в условиях нынешнего тиражирования санкционного инструментария и нацелена настоящая статья.

Торговые vs финансовые санкции

Санкционный инструментарий эволюционирует и меняется по мере развития международных экономических отношений, развития финансовых рынков и смены технологических парадигм. Глобальная экономическая среда определяет форму, которую могут принимать санкции, а также их эффект¹.

В 1950–1970-х гг. основным санкционным инструментом являлись торговые ограничения, главным образом – торговые эмбарго, распространявшиеся в том числе на поставки вооружений в подсанкционные юрисдикции. Финансовые же ограничения в большей степени играли второстепенную роль. Начиная с конца 1970-х гг., на фоне сохранения прежней интенсивности в применении торговых рестрикций, значительно более активно начали применяться финансовые ограничения, а по мере развития транспортной, коммуникационной инфраструктуры и глобального туристического рынка с 1990-х гг. в качестве санкционных мер стали набирать популярность ограничения на поездки (см. *Рисунки 1 и 2*).

Рисунок 1.

СТРУКТУРА ДЕЙСТВУЮЩИХ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ ПО ТИПУ STRUCTURE OF CURRENT SANCTIONS REGIMES BY TYPE

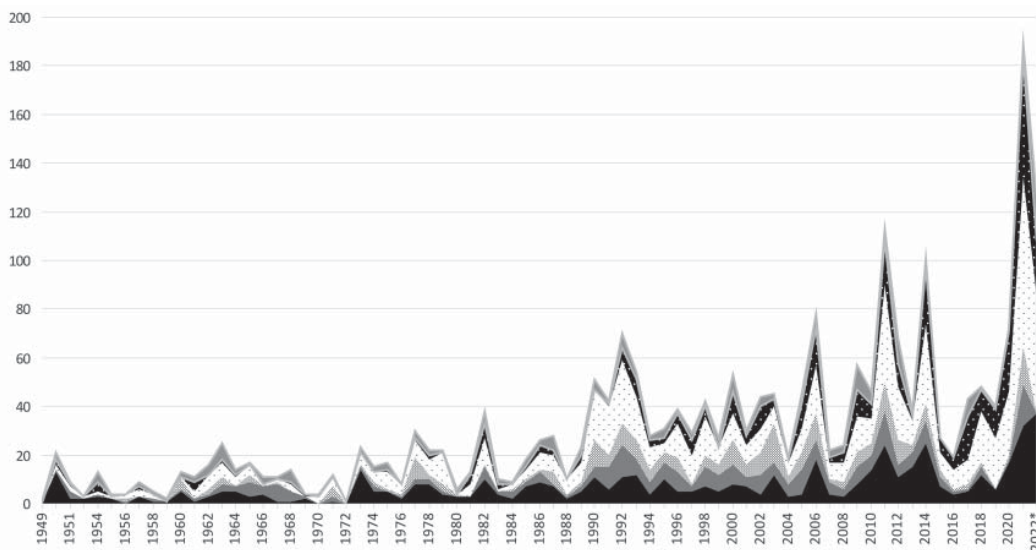

Источник: составлено автором на основе The Global Sanctions Database.

1 Nicholas Mulder, "The Sanctions Weapon. Finance and Development," International Monetary Fund, June, 2022, accessed January 18, 2023, <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2022/06/the-sanctions-weapon-mulder>.

Рисунок 2.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВНОВЬ ВВЕДЕННЫХ САНКЦИЙ ПО ТИПУ
DISTRIBUTION OF NEWLY INTRODUCED SANCTIONS BY TYPE

Источник: составлено автором на основе данных The Global Sanctions Database.

По мере диверсификации санкционного инструментария доля торговых санкционных режимов постепенно снижалась, а финансовых – росла (см. *Рисунок 3*). С одной стороны, это было связано со стремительным развитием глобального финансового рынка, высокой степенью интеграции глобальной финансовой системы, основанной на долларе США, постепенным укреплением глобального курса на либерализацию движения капиталов. Возросшая интеграция финансовых рынков в 1990–2000-х гг. сделала потоки капитала из стран с развитой экономикой решающим фактором роста и инвестиций в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах¹, что повышало финансовую зависимость последних от доллара и капиталов из развитых государств и, как следствие, расширяло потенциальную эффективность финансовых санкций и манипуляционный долларовый ресурс.

С другой стороны, становилось очевидным постепенное снижение эффективности торговых ограничений. Согласно одному исследованию 2009 г.², после первых двух лет с момента введения санкций их эффективность стремительно снижается. Кроме того, в отличие от дефляционных процессов 1960–1970-х гг., сегодня, в условиях значительно более высокой открытости экономик (соотношения торговли к ВВП), рынки сталкиваются с колоссальным инфляционным давлением, а высокие цены на сырьевые товары способствуют перетоку капитала от стран-импортеров сырья в пользу стран-экспортеров, соответственно, торговые ограничения влекут за собой существенно более высокие общие издержки для государств-инициаторов санкций и третьих государств при сравнительно непропорциональном ущербе странам, выступающим объектами санкций.

1 Nicholas Mulder, "The Sanctions Weapon. Finance and Development."

2 Hufbauer et al. 2009.

Рисунок 3.

Источник: составлено автором на основе данных The Global Sanctions Database.

В этих условиях тиражирование инструментария финансовых санкций позиционировалось государствами-инициаторами как способ обеспечения «точечности» санкционных мер, повышения их эффективности в отношении объектов санкционных атак при минимизации санкционного ущерба и рисков для третьих государств. Идея об относительно большей эффективности финансовых санкций по сравнению с широкомасштабными торговыми ограничениями была доминирующей в научном дискурсе с конца 1990-х гг.¹

Диверсификация инструментария финансовых санкций

Последние два десятилетия стали периодом стремительного расширения и усложнения как инструментов финансовых санкций, так и объектов санкционных атак. Во-первых, расширяется практика введения санкций против Центральных банков и заморозки валютных резервов подсанкционных стран. Если до недавнего времени единственным прецедентом были санкции против Центрального банка Ирана, которые запрещают компаниям США вести бизнес с ЦБ Ирана, то в последние годы объектами ограничений стали активы Центрального банка Сирии (декабрь 2020 г.), Афганистана (февраль 2022 г., которые, однако, позднее были отменены) и России (2022 г.).

Во-вторых, от «заморозки» активов подсанкционных лиц (физических и юридических) инициаторы санкций все более активно переходят к практике конфискации, которая получает правовое оформление в национальном законодательстве. Действия по конфискации активов несовместимы с нормами международного законодательства в области прав человека (нормами Протокола №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод)². Подобные

¹ Kirshner 1997; Brzoska 2003; Drezner 2007, 2011.

² Протокол №1 к Конвенции о защите прав и основных свобод ETS N 009 (Париж, 20 марта, 1952 г.), Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 14 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901704773> (дата обращения 14.03.2023)

решения должны быть предусмотрены законом и обоснованы как соразмерное средство достижения законной цели в интересах общества. Возникают парадоксальные прецеденты, когда правоприменительная практика опережает законодательное оформление. Для оправдания уже принятых решений о конфискации активов (в частности, российских физических и юридических лиц за рубежом) ускоренными темпами идет работа по приданию этим действиям статуса законности.

Инициатором данного процесса ожидаемо выступили США. Дж. Байден 28 апреля 2022 г. анонсировал создание упрощенной административной процедуры с участием министерств финансов и юстиции для конфискации имущества российских предпринимателей, находящихся под санкциями¹. Также Белый дом предложил ввести новое уголовное преступление, сделав незаконным сознательное или преднамеренное обладание доходами, полученными непосредственно от сделок с российским правительством. Администрация Дж. Байдена инициировала изменение так называемого «Закона RICO» (Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях)², добавляя в состав преступления рэкетирам действия по обходу санкций³. Позднее, 19 июля Министерство юстиции США запросило полномочия на передачу доходов от арестованного имущества российских подсанкционных лиц на возмещение ущерба Украине, а 22 декабря 2022 г. американский Сенат утвердил поправку, ранее внесенную республиканцем Л. Грэмом, которая позволяет передавать конфискованные активы российских бизнесменов украинской стороне⁴.

По аналогичному пути идет Европейский Союз. Законодательную основу для тиражирования практики конфискаций фактически составляет Регламент 269/2014⁵, предусматривающий разработку норм конфискации активов. Сейчас Еврокомиссия активно занимается подготовкой юридической базы для конфискации российских активов, в т.ч. обсуждается инициатива создания фонда из замороженных российских активов для предоставления помощи Украине.

Однако, несмотря на флагманскую роль США в формировании глобальной санкционной политики, единственной страной, которая на текущий момент имеет правовой механизм конфискации активов лиц, находящихся под блокирующими санкциями, является Канада. Новая редакция Закона о специальных экономических мерах предусматривает возможность изъятия собственности, принадлежащей иностранным физическим и юридическим лицам на территории Канады (основанием служит решение суда).

1 "Fact Sheet: President Biden's Comprehensive Proposal to Hold Russian Oligarchs and Elites Accountable," The White House, April 28, 2022, accessed March 7, 2023, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/28/fact-sheet-president-bidens-comprehensive-proposal-to-hold-russian-oligarchs-accountable/>.

2 "Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act (RICO)," GovInfo, accessed March 7, 2023, <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-84/pdf/STATUTE-84-Pg922-3.pdf>.

3 Лакстыгал, И., Мишутин Г. США создают упрощенный механизм конфискации российских активов // Ведомости. 29 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/29/920355-uproschennii-mehanizm-konfiskatsii> (дата обращения: 15.02.2023).

4 "Graham's Amendment to Transfer Liquidated Russian Oligarchs Assets to aid Ukraine," The White House, accessed March 7, 2023, <https://www.whitehouse.gov/news/release/whitehouse-graham-amendment-to-transfer-liquidated-russian-oligarchs-assets-to-aid-ukraine-clears-senate>.

5 "Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 Concerning Restrictive Measures in Respect of Actions Undermining or Threatening the Territorial Integrity, Sovereignty and Independence of Ukraine," accessed February 18, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20221114>.

В-третьих, в условиях расширения практики вторичных санкций последние становятся важным инструментом недобросовестной конкуренции на корпоративном уровне. В частности, попадание под санкции делает практически невозможным взыскание дебиторской задолженности у зарубежных контрагентов. Возникают правовые прецеденты невыплаты долгов организациям, находящимся под санкциями. В частности, британский суд признал законным решение британского банка *Synergy* заморозить выплату процентов по кредиту, полученному от компании *Lamesa Investment Limited*. Причина – санкции США за какое-либо взаимодействие с подсанкционной организацией.

Результатом торговой и финансовой глобализации становятся два противоположно направленных процесса. С одной стороны, в условиях высокой взаимозависимости экономик на уровне цепочек добавленной стоимости, транснационализации бизнеса и в особенности – институционализации, правового оформления, расширения и тиражирования режимов вторичных санкций, ограничительные меры могут нанести относительно более серьезный коммерческий ущерб. С другой стороны, высокая диверсифицированность торговых потоков и потоков капитала обеспечивает более высокую маневренность подсанкционных экономик и бизнеса, более широкие возможности переориентации на иные рынки и использование диверсифицированной палитры мер, направленных на обход санкций и снижение санкционных рисков. Особенно это касается крупных подсанкционных экономик, значительно вовлеченных в глобальные и региональные цепочки добавленной стоимости и способных определять уровень мировых цен на критически важные сырьевые, продовольственные и/или технологические товары.

В этих условиях новым трендом становится правовое оформление ответственности за обход санкций и введение санкций в отношении альтернативных доллару механизмов расчетов, в первую очередь – криптобанков и криптовалютных бирж.

Криптоактивы существуют уже более 10 лет, но лишь в последние несколько лет они перешли из разряда нишевых продуктов без определившейся цели к более массовому использованию для спекулятивных инвестиций, хеджирования рисков слабых валют и потенциально – в качестве платежных инструментов¹. Как отмечают эксперты МВФ, «внедрение криптоактивов и стейблкоинов способно ускорить рост рисков криптоизации и ослабить действенность существующих валютных ограничений и мер контроля над операциями с капиталом»².

Несмотря на высокорисковый характер (высокая волатильность криптоактивов³ вследствие их спекулятивной природы и накопления «пузырей»⁴), криптовалюты по-прежнему рассматриваются и населением, и бизнесом (мелким и средним) как альтернативный инструмент инвестирования, а расширение фи-

1 Aditya Narain, and Marina Moretti, "Regulating Crypto. The Right Rules Could Provide a Safe Space for Innovation. Finance and Development," International Monetary Fund, September 2022, accessed January 23, 2023, <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>.

2 "COVID-19, Crypto, and Climate: Navigating Challenging Transitions," International Monetary Fund, 2021, accessed January 23, 2023, <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021>.

3 Dong et al. 2020; Doumenis et al. 2021.

4 Bianchetti et al. 2018.

нансовых ограничений стимулирует риторику на уровне властей подсанкционных государств о целесообразности использования криптовалют в трансграничных платежах¹.

В сентябре 2021 г. США впервые ввели санкции против платформы по обмену криптовалют – *SUEX OTC, S.R.O.*, в ноябре того же года Минфин США ввел санкции против эстонского банка *Chatex*. Позднее (весной 2022 г.) Министерство финансов США ввело санкции против криптовалютной биржи *Garantex*, а также сервиса микширования виртуальных валют *Blender* и связанных с ним биткоин- и *Ethereum*-адресов.

Примечательно, что если в первых случаях обоснование введенных санкций фактически было связано с реализацией режимов киберсанкций (поименованные платформы обвинялись в содействии кибервымогательству и отмыванию денег), то в последние месяцы причиной санкционного обстрела криптобирж все больше становятся не подозрения в криминальном происхождении средств, а возможность использования виртуальных активов для обхода действующих санкционных режимов.

В докладе американского Министерства финансов криптобиржи названы одним из факторов «потенциального снижения эффективности санкций»², поскольку выступают альтернативным способом совершения транзакций и, как следствие, инструментом обхода санкций. В результате американские власти ужесточают контроль за торговыми площадками. В частности, власти США инициировали расследование против одной из крупнейших в мире криптобирж *Kraken* за нарушение действующих санкционных режимов против Ирана.

Криптовалютные ограничения легли и в основу антироссийских санкционных пакетов Европейского Союза. Первые ограничения были введены в рамках пятого санкционного пакета ЕС в апреле 2022 г., когда для российских пользователей были введены ограничения на европейских криптосчетах и кошельках суммой 10 000 евро. Восьмой пакет санкций (в октябре 2022 г.) установил полный запрет на обслуживание криптокошельков российских граждан и хранение криптовалюты вне зависимости от размера криптовалютных активов.

По мере развития информационных и телекоммуникационных технологий, особенно в контексте ускорения процесса цифровизации на фоне пандемии *COVID-19*, центр глобальной конкуренции великих держав постепенно смещается в направлении усиления геополитического противостояния в киберпространстве³. Это обуславливает и постепенный тренд в направлении правового оформления и тиражирования практики киберсанкций (цифровых санкций). До недавнего времени режимы киберсанкций практиковали только США. Основным объектом санкций стал Китай. США ввели ограничения на китайский сектор суперкомпьютеров, китайские компании больше не могут покупать чипы, сделанные в Тайване с использованием американских технологий. Институционализация и правовое оформление режимов санкций в связи с кибератаками

1 Санникова 2022; Международные расчеты в криптовалюте. Решение проблем или иллюзия // РБК. 5 сентября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6315f5bb9a79474bedda85db> (дата обращения: 15.02.2023).

2 "Sanctions Compliance Guidance for the Virtual Currency Industry," Office of Foreign Assets Control, October 2021, accessed January 13, 2023, https://home.treasury.gov/system/files/126/virtual_currency_guidance_brochure.pdf

3 Дегтерев et al. 2021.

становится ответом на «твердость и состоятельность амбиций КНР в области инновационных технологий»¹, его «ярко выраженный профиль лидерства, связанный с ускоренным экономическим и научно-технологическим развитием» (лидирующими позициями по числу научных публикаций и полученных патентов)².

В июле 2021 г. Министерство юстиции США заявило о конфискации 92 американских доменов, которые использовались иранским Корпусом Стражей Исламской революции. Интересно, что под предлогом кибератаки США ввели санкции против российского ЦНИИХМ – Центрального научно-исследовательского института химии и механики. В последние месяцы США переиздали законодательство о санкциях, связанных с киберпреступностью, ужесточив ответственность и легализовав блокировку всей собственности.

По мере развития санкционного законодательства США аналогичные санкционные пакеты начинают формировать ЕС и Великобритания. Санкции в связи с киберпреступлениями получали в ЕС (и в Великобритании, впоследствии вышедшей из состава ЕС) правовое оформление после периода их длительной апробации в США и во многом были обусловлены именно общемировыми санкционными трендами, сформированными политикой Соединенных Штатов³. Регламент Совета ЕС 2019/796 и Решение Совета (CFSP) 2019/797 об ограничительных мерах против кибератак, угрожающих Европейскому Союзу или его государствам-членам⁴, так же как и Постановление о санкциях против киберпреступлений Великобритании, были приняты лишь в 2019 г.

Вторичные санкции: практика тиражирования

Еще одним крайне важным феноменом последних лет становится постепенное тиражирование американской практики применения вторичных санкций. Отсутствие на глобальном уровне дееспособного инструмента противодействия использованию односторонних ограничительных мер по сути способствует этому процессу.

Принцип экстерриториальности начинает проявляться в подходе Великобритании. В отчете «Ответ правительства Великобритании на кризис в Мьянме» эксперты подчеркивают необходимость мониторинга британскими регуляторами соблюдения национальных санкционных режимов при проведении финансовых транзакций в фунтах стерлингов. По сути подход аналогичен американскому: пределы национальной юрисдикции распространяются на национальную валютную систему даже в тех случаях, когда сторонами сделки выступают физические и юридические лица третьих стран, не являющиеся налоговыми резидентами Британии. Параллельно практика Управления по финансовому регулированию и надзору Великобритании содержит призывы уведомлять о нарушении режимов санкций.

1 Богатуров 2019.

2 Артюшкин et al. 2021.

3 Арапова, Кудинов 2022.

4 “Council Regulation (EU) № 2019/796 and Council Decision (CFSP) № 2019/797 Concerning Restrictive Measures against Cyberattacks Threatening the Union or Its Member States,” EUR-LEX, 2019, accessed November 23, 2022, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:32019R0796>.

Кроме того, как правило, стандартные финансовые соглашения с британскими банками содержат обязательство следовать решениям, в том числе принимаемым Министерством экономики и финансов Великобритании. На этом основании компании из третьих стран, имеющие счета в британских банках, фактически вынуждены соблюдать санкционные режимы Великобритании, неся в противном случае риск расторжения действующих договоров банками в одностороннем порядке. Например, решение Финляндии о приостановке железнодорожного сообщения с Россией в марте 2022 г. и отказ финской *VR Group* от работы с российским контрагентом были во многом продиктованы именно опасениями компании возможной блокировки ее счетов в британских банках вследствие продолжения коммерческого сотрудничества с юридическим лицом, находящимся под санкциями. По своей сути подобная правовая практика мало чем отличается от режимов вторичных санкций, много лет практикуемых Соединенными Штатами.

По аналогичному пути начинает идти и Европейский Союз. Формально ЕС пока по-прежнему выступает против принципа экстерриториальности в применении санкционных режимов. По-прежнему в силе введенный еще в 1996 г. Блокирующий статут¹, направленный на защиту европейского бизнеса от ограничительных мер США против Кубы, Ирана и Ливии. На протяжении многих лет европейские власти вели системную работу по противодействию режимам вторичных санкций посредством расширения торговли в евро (сокращение долларовых расчетов), создания альтернативных платежных механизмов (в частности *INSTEX*), неподверженных влиянию извне². В интересах европейских компаний происходило формирование информационных баз данных о рисках экстерриториальных санкций, а также оказывалась системная юридическая помощь в отстаивании европейскими компаниями своих интересов в судах США и международных организациях (в частности, ВТО)³.

Тем не менее санкции ЕС против России представляют собой первые попытки внедрения практики вторичных санкций. Восьмой пакет санкций против России, закрепленный Регламентом Совета ЕС 2022/1905 и Решением Совета ЕС 1907, расширил число критериев, в соответствии с которыми могут применяться блокирующие санкции. В их число были внесены физические и юридические лица, содействующие обходу действующих санкционных режимов против России, хотя Европейская дипломатия по-прежнему продолжает подчеркивать, что «санкции не являются экстерриториальными, они работают исключительно на территории ЕС, распространяются на европейских граждан и компании... данная мера направлена на то, чтобы гарантировать полную имплементацию европейского санкционного режима, а также предотвратить его нарушение или обход»⁴.

1 "Council Regulation № 2271/96 Protecting against the Effects of the Extra-territorial Application of Legislation Adopted by a Third Country, and Actions Based Thereon or Resulting Therefrom," November 22, 1996, accessed January 23, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:01996R2271-20140220&from=EN>.

2 Тимофеев, И.Н. Что делать с экстерриториальными санкциями? Ответы ЕС // Валдайский клуб. 3 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chto-delat-s-eksterritorialnymi-sanktsiyami/> (дата обращения: 30.01.2023).

3 "Extraterritorial Sanctions on Trade and Investments and European Responses," Directorate-General for External Policies Policy Department, November, 2020, accessed May 21, 2022, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/653618/EXPO_STU\(2020\)653618_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/653618/EXPO_STU(2020)653618_EN.pdf).

4 Обход санкций тянет на срок // Коммерсантъ. 02 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5705371> (дата обращения: 28.01.2023).

Тем не менее куда более важным прецедентом является введение санкций против Ирана за развитие военного сотрудничества с Россией и поставку беспилотников, что по своей сути есть не что иное, как законодательные попытки обеспечить соблюдение действующего санкционного законодательства ЕС компаниями и иными лицами из третьих стран. Данные прецеденты могут спровоцировать новую волну концептуальных дискуссий в среде юристов-международников относительно правомерности применения терминов «вторичные санкции» или «экстерриториальность» санкционного законодательства, однако с практической точки зрения бизнес воспринимает данные законодательные решения как однозначный сигнал к расширению и тиражированию практики вторичных санкций, закладывая возрастающие санкционные риски в собственные бизнес-модели. Глобальные компании, имеющие активы в ЕС, начинают перестраховываться и соблюдать санкционное законодательство ЕС. В частности, индийская *TATASteel* отказалась от закупок российского угля из-за опасений санкций со стороны США и ЕС, которые могут коснуться активов компании в Нидерландах.

Еще одним знаковым прецедентом, способным на горизонте ближайших лет переконструировать всю глобальную санкционную архитектуру, становится правовое оформление санкционных режимов Китая и появление признаков экстерриториальности в использовании санкционных ограничений.

В последние годы Китай все более активно прибегает к односторонним ограничениям как инструменту экономического и политического давления¹, однако процесс «формализации» санкций и законодательного оформления санкционных режимов в качестве противодействия сдерживающим мерам иностранных государств и вмешательству во внутренние дела Китая² начался только в 2020 г. Первым шагом стала публикация Приказа Министерства коммерции КНР №4 от 19.09.2020 «О перечне ненадежных лиц», определяющего набор возможных мер, применяемых в отношении подсанкционных лиц, включая ограничения торговли и инвестиций, визовые ограничения, штрафные меры. В 2021 г. был принят Закон о противодействии иностранным санкциям. Параллельно Китай активно прорабатывает вопрос правовой защиты собственных граждан от иностранных санкционных режимов. Принятые Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства предусматривают возможность издания «запретительных приказов», освобождающих китайские компании от соблюдения экстерриториально применяемого иностранного законодательства и предоставляющие им возможность при возникновении ущерба обратиться в китайские судебные инстанции. Механизм по сути аналогичен действующему блокирующему статуту ЕС, хотя на официальном уровне КНР по-прежнему делает акцент на недопустимости экстерриториального применения национального законодательства.

1 Richard Nephew, "China and Economic Sanctions: Where Does Washington Have Leverage?" *Global China*, September, 2019, accessed January 30, 2023, https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/09/FP_20190930_china_economic_sanctions_nephew.pdf.

2 Кузьмина, К., Бакулина, П. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // РСМД. 15 сентября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ekonomicheskikh-sanktsiy-kr-pravovoe-regulirovanie-i-pravoprimenitelnaya-praktika/> (дата обращения: 16.02.2023).

В то же время по мере расширения и углубления антикитайского санкционного давления (включая вторичные санкции США) Китай неофициально также начинает посылать рынку сигналы о возможности применения механизмов вторичных санкций.

Первый и наиболее яркий пример – санкции против Литвы, когда Китай настоятельно рекомендовал ряду транснациональных компаний с большим присутствием на китайском рынке прекратить закупать литовские товары и услуги, а также пригрозил запретом доступа на собственный рынок для компаний, имеющих производство в Литве. Даже без официального оформления подобные действия могут оказаться весьма эффективными. По информации Министерства иностранных дел Литвы, некоторые компании, опасаясь потерять стратегически важный китайский рынок, в 2021 г. расторгли действующие контракты с литовскими поставщиками. Дополнительным правовым основанием для возможного последующего тиражирования практики применения Китаем вторичных санкций могут стать Закон о кибербезопасности 2017 г. и новый Закон о защите данных, вступивший в силу в сентябре 2021 г. и определивший в числе прочего правила о трансграничных данных.

Заключение

Последние десятилетия ознаменовали постепенный переход от практики глобального применения торговых ограничений к активному использованию финансовых санкций. При этом в последние годы происходит стремительное расширение и усложнение инструментария финансовых ограничений.

При сохранении за Соединенными Штатами флагманской роли в формировании глобальной санкционной политики, в последние годы наблюдается гармонизация санкционных режимов Западных государств. Происходит правовое оформление режимов киберсанкций, массовое внедрение в национальные законодательства ответственности за обход санкций и тиражирование опыта введения санкционных ограничений против операций с криптовалютой и альтернативных механизмов трансграничных расчетов.

Российский санкционный кейс выступил триггером глобального кризиса права собственности и масштабного законодательного оформления на национальном уровне в границах западного блока практики конфискации зарубежных активов подсанкционных лиц, что, однако, не способствует повышению их эффективности в части изменения поведения последних. Более того, правовое оформление практики конфискации модифицирует первоначальную западную идею санкций¹, радикально меняет философию санкционного целеполагания. Если раньше основной официально декларируемой целью санкций было изменение поведения подсанкционного субъекта, то законодательное закрепление практики конфискации делает нанесения коммерческого ущерба необратимым процессом независимо от дальнейшего поведения подсанкционного игрока.

1 Тимофеев, И.Н. Санкции и конфискация российской собственности. Первый опыт // РСМД. 11 января 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-i-konfiskatsiya-rossiyskoy-sobstvennosti-pervyy-opyt/> (дата обращения: 30.01.2023).

Особого внимания заслуживает постепенное тиражирование инструментария вторичных санкций, которые становятся не только американским феноменом, но и начинают проникать в законодательную систему Великобритании, отчасти ЕС и, что особенно важно, – Китая, а это способно предопределить радикальные сдвиги в глобальной экономической конъюнктуре на ближайшие десятилетия. Если США в механизме вторичных санкций используют свое доминирование в мировой финансовой системе и долларовую монополию, то Китай потенциально может эксплуатировать свои позиции в мировых цепочках добавленной стоимости, учитывая и емкость китайского рынка, и высокую долю китайских компонентов и материалов в глобально производимой продукции. Даже при неформальном использовании Китаем инструментария вторичных санкций возникает новый феномен фактической конкуренции санкционной экстерриториальности (*US Nexus vs China Nexus*). В перспективе глобальные компании будут попадать в ловушку невозможности комплаенса режимов американских санкций и китайских одновременно, что может усилить глобальную фрагментацию (особенно в АТР) и *decoupling* на уровне цепочек добавленной стоимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арапова, Е.Я., Кудинов, А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 151–165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.11>.
- Arapova, E.Ya., Kudinov, A.S. "International Sanctions Legislation in the U.S., EU and UK: a Comparative Study." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2022): 151–165 [In Russian].
- Артюшкин, В.Ф., Казанцев, А.А., Сергеев, В.М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – С. 125–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.09>.
- Artyushkin, V.F., Kazancev, A.A., Sergeev, V.M. "Balance of Power Between the G-20 States: Analysis with Multidimensional Scaling Method." *Polis. Political Studies*, no. 2 (2021): 125–138 [In Russian].
- Богатуров, А.Д. Китайский угол в миросистемном управлении // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 85–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07>.
- Bogaturov, A.D. "The Chinese Angle in the World-system Management." *Polis. Political Studies*, no. 5 (2019): 85–95 [In Russian].
- Дегтерев, Д.А., Рамич, М.С., Пискунов, Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая bipolarность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-01>.
- Degterev, Denis, Mirzet Ramich, and Danil Piskunov. "U.S. & China Approaches to Global Internet Governance: 'New Bipolarity' in Terms of 'the Network Society'." *International Organisations Research Journal* 16, no. 3 (2021): 7–33 [In Russian].
- Санникова, Л.В. Факторы риска использования криптоактивов в России и потенциал для их снижения // Финансовый журнал. – 2022. – № 6. – С. 124–138. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-124-138>.
- Larisa V. Sannikova. "Risks of Using Cryptoassets in Russia and the Potential for Mitigation." *Financial Journal* 14, no. 6 (December 2022): 124–138. [In Russian].
- Ahn, Daniel, and Rodney Ludema. "Measuring Smartness: Understanding the Economic Impact of Targeted Sanctions." *The Office of the Chief Economist (OCE) Working Paper Series*, no. 1 (2017): 1–33.
- Baldwin, David, and Robert Pape. "Evaluating Economic Sanctions." *International Security* 23, no. 2 (1998): 189–198.
- Bapat, Navin, and Bo Ram Kwon. "When Are Sanctions Effective? A Bargaining and Enforcement Framework." *International Organization* 69, no. 1 (2015): 131–162. <https://doi.org/10.1017/S0020818314000290>.
- Bechky, Perry. "Sanctions and the Blurred Boundaries of International Economic Law." *Missouri Law Review* 83, no. 1 (2018): 1–37.
- Bianchetti, Marco, Ricci, Camilla, and Marco Scaringi. "Are Cryptocurrencies Real Financial Bubbles? Evidence from Quantitative Analyses. Risk Management and Analysis in Financial Institutions." *Risk* (2018) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3092427>.
- Biersteker, Thomas, Eckert, Sue, and Marcos Tourinho. *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Brzoska, Michael. "From Dumb to Smart and Recent Reforms of UN Sanctions." *Global Governance* 9., no. 4. (2016): 519–535.
- Brzoska, Michael. "Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes." *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 14, no. 2 (2008): 1–34.
- Cooper, Zack, and Eric Lorber. "Sanctioning the Dragon." *The National Interest* (March/April 2016): 36–42.

Dong, Hao, Chen, Liming, Zhang, Xinyi, Failler, Pierre, and Sa Xu. "The Asymmetric Effect of Volatility Spillover in Global Virtual Financial Asset Markets: The Case of Bitcoin." *Emerging Markets Finance and Trade* 56, no. 6 (2020): 1293–1311.

Doumenis, Yianni, Izadi, Javad, Dhamdhere, Pradeep, Katsikas, Epameinondas, and Dimitrios Koufopoulos. "A Critical Analysis of Volatility Surprise in Bitcoin Cryptocurrency and Other Financial Assets." *Risks*, no. 9 (2021): 3–15. <https://doi.org/10.3390/risks9110207>.

Drezner, Daniel. *All Politics is Global*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021.

Drezner, Daniel. "Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice." *International Studies Review* 13, no. 1 (2011): 96–108.

Drezner, Daniel. "Targeted Sanctions in a World of Global Finance." *International Interactions*, no. 41 (2015): 755–764.

Elliott, Kimberly Ann. "Analyzing the Effects of Targeted Sanctions." In *Smart Sanctions*, edited by David Cortright, and George Lopez. New York: Rowman and Littlefield, 2002.

Feaver, Peter D., and Eric B. Lorber. The Sanctions Myth. *The National Interest* (July/August 2015): 22–27.

Gordon, Joy. The Not So Targeted Instrument of Asset Freezes. *Ethics and International Affairs* 33, no. 3 (2019): 303–314.

Hufbauer, Gary C., Jeffrey J. Schott, Kimberly A. Elliott, and Barbara Oegg. *Economic Sanctions Reconsidered*. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 pp.

Kirshner, Jonathan. "The Microfoundations of Economic Sanctions." *Security Studies* 6, no. 3 (1997): 32–64.

Lektzian, David, and Mark Souva. "An Institutional Theory of Sanctions Onset and Success." *The Journal of Conflict Resolution* 51, no. 6 (2007): 848–871.

Lindsay, James. "Trade Sanctions as Policy Instruments: A Re-examination." *International Studies Quarterly*, no. 30 (1986): 153–173.

Lopez, George. "In Defense of Smart Sanctions: A Response to Joy Gordon." *Ethics and International Affairs* 26, no. 1 (2012): 135–146.

Meyer, Jeffrey. "Second Thoughts on Secondary Sanctions." *University of Pennsylvania Journal of International Law* 30, no. 3 (2009): 905–968.

Pape, Robert. "Why Economic Sanctions Do Not Work." *International Security* 22, no. 2 (1997): 90–136.

Portela, Clara. "The EU's Use of 'Targeted' Sanctions Evaluating Effectiveness." *CEPS Working Document* (2014): 391.

Ruys, Tom, and Cedric Ryngaert. *Secondary Sanctions: A Weapon out of Control? The International Legality of, and European Responses to US Secondary Sanctions*. British Yearbook of International Law, 2020.

Ryngaert, Cedric. "Extraterritorial Export Controls (Secondary Boycotts)." *Chinese Journal of International Law* 7, no. 3 (2008): 625–658.

Shagabutdinova, Ella, and Jeffrey Berejikian. "Deploying Sanctions while Protecting Human Rights: Are Humanitarian 'Smart' Sanctions Effective?" *Journal of Human Rights* 6, no. 1 (2007): 59–74.

Steil, Benn, and Robert Litan. *Financial Statecraft. The Role of Financial Markets in American Foreign Policy*. Brookings Institution Book and Yale University Press, 2006.

Tierney, Dominic. "Irrelevant or Malevolent? UN Arms Embargoes in Civil Wars." *Review of International Studies* 31, no. 4 (2005): 645–664.

Tostensen, Arne, and Beate Bull. "Are Smart Sanctions Feasible?" *World Politics* 54, no. 3 (2002): 373–403.

Weiss, Thomas. "Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses." *Journal of Peace Research* 36, no. 5 (1999): 499–509.

Сведения об авторе

Екатерина Яковлевна Арапова,

к.э.н., директор Центра экспертизы санкционной политики ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, Проспект Вернадского 76.

e-mail: e.arapova@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 3 февраля 2023

Переработана: 3 марта 2023

Принята к публикации: 15 марта 2023

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Арапова, Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14 (1). – С. 37–51.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>

New Modalities of the Global Sanctions Policy

ABSTRACT

The relevance and scientific novelty of the study lies in the author's identification of fundamentally new modalities of the global sanctions policy, including: the gradual expansion of the circle of countries initiating sanctions, the transformation of sanctions tools and thematic regimes of sanctions, the replication of the practice of using unilateral sanctions as tools to achieve foreign policy goals in a crisis of the unilateral world order and increasing competition and strategic confrontation between the great powers. The discourse and content analysis of legal documents regulating the institutionalization of sanctions regimes in the initiating countries made it possible to identify a number of important global trends in the last decade in the field of sanctions policy. First, in the context of the growing popularity of financial restrictions in the last decade, they are rapidly becoming more complex. The practice of imposing sanctions against Central banks and freezing the foreign exchange reserves of sanctioned countries is being replicated. From "freezing" the assets of sanctioned persons (individuals and legal entities), the initiators of sanctions are increasingly moving towards the practice of their confiscation, while forming appropriate legal mechanisms. Secondly, there are important shifts in the thematic regimes of sanctions: the "collective" legalization of cybersanctions regimes, the massive introduction of liability for circumvention of sanctions into national legislations and the replication of the experience of introducing sanctions restrictions against transactions with cryptocurrency and alternative mechanisms for cross-border settlements. Thirdly, the gradual replication of secondary sanctions tools is obvious, which are beginning to be used not only by the United States, but also by the United Kingdom and China, which in the long term (taking into account the strategic confrontation between China and the United States) might create a fundamentally new phenomenon of actual competition of sanctions extraterritoriality.

KEYWORDS

financial sanctions, secondary sanctions, property rights, cybersanctions, crypto currencies, assets confiscation

Author

Ekaterina Ya. Arapova,

PhD in Economic Sciences, Institute for International Studies,

Moscow State Institute of International Relations,

119454, Moscow, Prospect Vernadskogo 76.

e-mail: e.arapova@my.mgimo.ru

Additional information

Received: February 3, 2023. Revised: March 3, 2023. Accepted: March 15, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Arapova, Ekaterina Ya. "New Modalities of the Global Sanctions Policy."

Journal of International Analytics 14, no.1 (2023): 37-51.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>

Киберсанкции как инструмент конкуренции в глобальном киберпространстве

Балахонова Светлана Игоревна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: s.balakhonova@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается проблематика киберсанкций как нового инструмента формирования мирового порядка и глобальной конкуренции великих держав, которая постепенно переходит в киберпространство на фоне растущей роли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), повторяя при этом контуры геополитического соперничества, что создает потенциал для быстрого перехода конфликта из киберпространства в реальное. С этой целью были исследованы риски, которые несут в себе кибератаки; изучена природа противоречий между нормами международного права и киберсанкциями; проведен анализ правовых основ ключевых государств-инициаторов и рассмотрена практика введения киберсанкций. Изучение перечисленных аспектов позволило прийти к выводу о том, что киберсанкции являются традиционными мерами сдерживания, ограничения и наказания за злонамеренные действия в киберпространстве. Данный анализ выявил, что, применяя киберсанкции, США преследуют свои национальные интересы, главным образом экономические, в то время как ЕС скорее использует этот инструмент для проецирования своей нормативной силы. Наряду с этим в процессе трансформации мирового порядка киберсфера, открывая возможности для асимметричных войн, используется государствами для компенсации геополитического неравенства в условиях отсутствия правил, регулирующих поведение, а ущерб от кибератаки может быть значительным как с политической, так и с экономической точки зрения. Однако консенсус великих держав относительно выработки единых норм, регулирующих поведение в киберпространстве, в кратко- и среднесрочной перспективе не представляется возможным, поскольку ключевые государства-инициаторы (США и ЕС) все чаще прибегают к односторонним мерам, в то время как основные государства-цели (Россия и Китай) апеллируют к нормам международного права. По мере размывания основ неолиберального мирового порядка антагонизм государств будет усиливаться, а поскольку на сегодняшний день киберсанкции не обязывают инициатора предоставлять доказательства, давать точную оценку ущерба и не влекут за собой обратного эффекта как такового, повышая лишь имиджевые издержки для оппонентов, популярность такого вида санкций будет расти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

киберсанкции, киберпространство, кибербезопасность, кибератака, мировой порядок, великие державы

Введение

Сегодня кибербезопасность является неотъемлемой частью концепции национальной безопасности государства, а разработка и внедрение новых технологий сопряжены со значительными для нее рисками. При этом, несмотря на растущую важность данного вида безопасности, глобальные правила, регулирующие ответственное поведение в киберпространстве, не выработаны. Такое положение дел сохраняется, несмотря на усилия, предпринятые ООН и региональными организациями, по установлению правил ответственного поведения в киберпространстве. Не стали глобальными обязательными нормами и инициативы частного сектора, например, со стороны *Microsoft*.

Этот правовой вакуум создал условия для практики введения односторонних мер – санкций, которые стали одним из самых распространенных инструментов внешней политики, выступая альтернативой и дополнением применению силы, а также способом подкрепления переговорных позиций. Данное средство стало восприниматься как важнейший инструмент в рамках усилий по отражению агрессии, восстановлению демократии, осуждению нарушений прав человека и нанесению удара по режимам, укрывающим террористов и международных военных преступников. Три фактора объясняют широкое применение санкций после окончания холодной войны¹: вновь обретенная государствами возможность вмешиваться в дела, которые были недоступны для них; выход безопасности за рамки военных угроз (теперь секьюритизация охватывает социально-экономические, экологические и гуманитарные измерения); неготовность государств нести более значимые издержки, которые влечет за собой военное вмешательство.

Таким образом, санкции представляют собой экономические, торговые, финансовые и иные ограничительные меры, которые используются государством-инициатором или международными организациями против государства-мишени для достижения определенных политических целей, в частности для изменения политического курса государства – объекта санкций². Несмотря на то что санкции по своему воздействию представляют экономические инструменты, поскольку направлены в первую очередь на ограничение торговых связей инициатора санкций и страны-объекта, доступа к финансовым рынкам, активам и технологиям³, они зачастую имеют в своей основе политическую природу⁴ и нацелены на сохранение (или усиление) политического доминирования государств-инициаторов.

Тема исследования киберсанкций обретает актуальность, поскольку, помимо дипломатических заявлений, осуждающих злонамеренные действия в киберпространстве, государства начали принимать правила, позволяющие вводить односторонние экономические санкции против иностранных граждан, юридических лиц и государственных органов, причастных к вредоносной кибердеятельности. Эти санкции получили название «киберсанкции». Феномен киберсанкций

1 Weiss 1999.

2 Тимофеев 2018.

3 Hufbauer et al. 2007.

4 Baldwin, Pape 1998.

оживил дебаты о законности односторонних экономических санкций, а также о том, какие виды злонамеренной киберактивности вызывают особую озабоченность у государств.

Актуальность темы также обусловлена трансформацией мирового порядка, в рамках которой конкуренция великих держав переходит в сферу технологий и киберпространства, где взаимодействие реального и виртуального миров значительно увеличивает плотность обстоятельств, которые необходимо учитывать, и, следовательно, усложняет взаимодействие международных акторов. Несмотря на то что кибероперации часто выбираются как политически менее затратный вариант (без использования традиционных типов вооружения)¹ и, следовательно, не привлекают такого же внимания, как классические войны, предотвращение конфликтов в киберпространстве не чисто теоретическая задача, поскольку возможен быстрый переход конфликта из киберпространства в реальное. Более того, потребность в киберсанкциях может резко усилиться на фоне растущей цифровизации всех аспектов жизни, что создает возможности для новых кибератак.

Киберсанкции как новое явление в области глобальной конкуренции великих держав в условиях трансформации мирового порядка

Формирование мирового порядка – декларируемый мегатренд XXI в., процесс сложный, многоуровневый, важнейшая составляющая которого – структурное оформление взаимодействия между наиболее влиятельными мировыми державами². Порядок можно определить как относительно предсказуемый набор действий, взаимодействий и результатов в рамках конкретной социальной системы. Порядок в области мировой политики определяется правилами (нормами и институтами) и моделями поведения (действиями, реакциями, результатами), которые отражают то, как акторы понимают и применяют эти правила.

В период после холодной войны неолиберальный экономический порядок все более интернационализировался. После финансового кризиса 2008 г. этот в высшей степени глобализированный экономический порядок подвергался все большим рискам, что обусловило формирование нового геоэкономического порядка. Вследствие этого геополитическая расстановка сил также изменилась, что привело к разным моделям поведения ключевых государств³, включая, в первую очередь, Россию, Китай и США.

Растущее в последнее десятилетие экономическое и стратегическое соперничество данных держав в геоэкономическом порядке происходит в условиях глубокой экономической интеграции и растущих цифровых связей, что меняет представления о стратегических возможностях и рисках, связанных с взаимозависимостью. Характер и инструментарий глобальной конкуренции меняются по мере развития технологий и усиления глобальной торговой, финансовой, техно-

1 Patryk Pawlak, Eneken Tikk, and Mika Kerttunen, "Cyber Conflict Uncoded. The EU and Conflict Prevention in Cyberspace," EUISS, April 17, 2020, accessed November 3, 2022, <https://www.iss.europa.eu/content/cyber-conflict-uncoded>.

2 Шаклеина 2022, 36.

3 Roberts et al. 2019.

логической и информационной зависимости. Системное противоборство сегодня охватывает не только традиционные сферы доступа к факторам производства, но также ведется в космической области, киберпространстве и информационно-психологической сфере¹. Причем в двух нетрадиционных конкурентных пространствах – космосе и киберсфере – все три великие державы (США, Китай и Россия) имеют растущие стратегические интересы².

«Начиная со Второй промышленной революции каждая волна промышленной революции делала доступной для человеческой деятельности новую область: Вторая добавила воздушную область к наземной и морской, Третья открыла космическую область, Четвертая создала киберсферу»³. Экономическое и технологическое соперничество только усиливается по мере того, как данные становятся центральным полем конкуренции из-за их потенциально крупных экономических выгод и рисков для безопасности, особенно с учетом их роли в развитии искусственного интеллекта. В частности, для США речь идет о стратегической независимости от неамериканских (особенно из страны-противника или оппонента) поставщиков критических технологий в целях минимизации рисков кибершпионажа⁴.

Указанные выше условия служат предпосылкой для конкуренции великих держав в киберпространстве. Особого внимания в данном случае заслуживают киберсанкции, которые выступают одним из основных инструментов взаимодействия ключевых игроков в этой сфере, поскольку именно здесь наиболее ярко проявляется их политическая борьба. Киберсанкции представляют собой традиционные меры (например, запрет на поездки или замораживание активов), которые используются для сдерживания, ограничения и наказания за злоумышленные действия, происходящие в киберпространстве. Киберсанкции обрели обязательный характер норм и оформились как конкретный механизм в ответ на злонамеренные кибероперации⁵. Таким образом, государства прибегают к старому методу – санкциям, – чтобы противостоять относительно новой угрозе кибервторжений.

Необходимо отметить, что враждебное использование ИКТ редко происходит за пределами ранее существовавшего или более широкого военно-политического спора, вследствие чего злонамеренное использование ИКТ государством может привести к эскалации ранее существовавших враждебных отношений. Наряду с этим, использование кибервозможностей в конфликтной ситуации часто включает в себя нанесение ущерба гражданской инфраструктуре и, следовательно, имеет широкомасштабные последствия для жизнедеятельности общества. Ввиду этого конкуренция в киберпространстве повторяет контуры

1 Jeffrey Engstrom, "Systems Confrontation and System Destruction Warfare," RAND Corporation, 2018, accessed November 3, 2022, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1708.html.

2 Thomas F. Lynch III, "The New Era of Great Power Competition and the Biden Administration," National Defense University Press, 2021, accessed November 3, 2022, https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-103/JFQ-103_18-33_Lynch.pdf?ver=4uPAV7gCvJLcH57SIVrZuw%3D%3D.

3 Alexander L. Vuvung, "Hindsight, Insight, Foresight: Thinking About Security in the Indo-Pacific," Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, September 2020, accessed November 3, 2022, <https://dkiapcss.edu/wp-content/uploads/2020/09/Hindsight-Insight-Foresight-Thinking-about-Security-in-the-Indo-Pacific.pdf>.

4 Лексютин 2020.

5 Erica Moret, Francesco Giumelli, Martin Van Horenbeeck, "Galactic Collision: Cyber Sanctions and Real-World Consequences," Geneva Graduate Institute, June 25, 2021, accessed November 3, 2022, <https://repository.graduateinstitute.ch/record/299228>.

геополитического соперничества великих держав, а главными инициаторами киберсанкций выступают США, ЕС и Великобритания, которые первыми ввели законы, разрешающие применение киберсанкций. В начале декабря 2021 г. к ним присоединилась Австралия, приняв закон, разрешающий применение санкций в ответ на злонамеренную киберактивность. Основными же странами-целями являются Россия, КНДР, Иран и Китай.

В эту новую эру межгосударственной конкуренции киберсфера, открывающая возможности для ведения асимметричных войн, используется государствами для «выравнивания сил на геополитическом поле»¹ и зачастую выходит за рамки международного права или приемлемых норм поведения в киберпространстве. Именно отсутствие совместных правил и норм в киберпространстве способствовало резкому повороту к конфронтации².

Противоречия между юридическим обоснованием введения киберсанкций и международным правом как отражение антагонизма великих держав

С теоретической точки зрения кибератаки могут подпадать под действие статьи 2.4 Устава ООН³, если они выводят из строя банковскую систему страны, энергетическую сеть или наносят значительный ущерб каким-либо иным образом. В таком случае кибератака может быть сравнима с ситуацией, когда эта инфраструктура подвергается атаке посредством обычных военных действий. Тогда можно было бы апеллировать к понятию «агрессия», определение которой было дано ООН в 1974 г.: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»⁴. Так, ряд экспертов полагает, что с точки зрения международного права некоторые кибератаки в определенных условиях приобретают черты актов агрессии, например, нарушение суверенитета и политической независимости государства⁵.

Тем не менее киберсанкции могут быть несовместимы с международным правом по нескольким аспектам. Например, данные санкции могут нарушать обычное международное право государственного иммунитета. Оно включает в себя иммунитет от юрисдикции (иммунитет от вынесения судебного решения) и иммунитет от принудительного исполнения⁶. Наряду с этим основным предварительным условием для введения контрмер является предшествующее нарушение обязательства по международному праву – международно-противоправное деяние, в то время как односторонние санкции приводятся в действие на основании внутреннего законодательства государства без предварительного разрешения

1 Erica Moret, Francesco Giumelli, Martin Van Horenbeeck, "Galactic Collision: Cyber Sanctions and Real-World Consequences."

2 Thomas F. Lynch III and Phillip C. Saunders, "Contemporary Great Power Geostrategic Dynamics: Relations and Strategies," National Defense University Press, November 4, 2020, accessed November 3, 2022, <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2404308/3a-contemporary-great-power-geostrategic-dynamics-relations-and-strategies/>.

3 Устав ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 30.08.2022).

4 Резолюция 3314 «Определение агрессии» (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 28.08.2022).

5 Лобач, Смирнова 2020, 63.

6 Bogdanova, Vásquez Callo-Müller 2021.

какой-либо региональной или международной организации. Применение установившегося принципа международного права об уважении суверенитета в киберпространстве сталкивается не только с проблемой неопределенности пределов его применения и объема защищаемой инфраструктуры, но и с расхождением официальных позиций разных государств в отношении правового характера этого принципа как основополагающего.

До настоящего времени ни одно государство официально не называло другое государство ответственным за международную кибероперацию. Подобная «осторожная атрибуция» характеризуется двумя основными чертами: 1) публичное разоблачение организатора кибератаки не связано с нарушением конкретной нормы международного права; 2) подобные действия не сопровождаются предоставлением доказательств, отвечающих хотя бы одному из критериев, которые могут быть применимы в соответствии с международным правом¹. Применение санкций в принципе помогает избежать необходимости предоставлять доказательства и ассоциировать вину за преступление с конкретным государством, что обеспечивает свободу от давления стандартов доказывания, применимых в международном праве. Ситуация усугубляется и тем, что приписывание кибератак конкретному субъекту невозможно, учитывая анонимный характер Интернета.

В некоторых случаях киберсанкции могут нарушать не только международное право, но и обязательства, взятые государством в соответствии с инструментами международного экономического права. Они не могут быть оправданы как контрмеры и скорее всего не будут соответствовать и критериям ВТО, чтобы их было возможно обосновать в рамках исключения для национальной безопасности². Зачастую киберсанкции могут использоваться как инструменты недобросовестной конкуренции и торгового протекционизма. Ввиду данных фактов киберсанкции могут быть обжалованы в инвестиционных судах за несоответствие международным инвестиционным стандартам.

С другой стороны, киберсанкции могут быть эффективным инструментом с нормативным потенциалом для регулирования поведения в киберпространстве, поскольку они задают определенные рамки поведения в нем.

В целом, появление односторонних киберсанкций отражает гораздо более глубокую проблему международного права: очевидную неспособность государств согласовывать международные правила, регулирующие в киберпространстве как на уровне ООН, так и на уровне многосторонних и двусторонних торговых соглашений³. На сегодняшний день все еще не установлены международные критерии поведения в киберпространстве. Следовательно, будет сложно установить, какую норму международного права нарушило государство, осуществившее кибератаку.

Важным аспектом является разница в подходах к киберсанкциям. Если страны коллективного Запада прибегают к использованию односторонних мер, формируя правовые основы для их введения, то Россия и Китай апеллируют к междуна-

1 Rusinova et al. 2020.

2 Bogdanova, Vásquez Callo-Müller 2021.

3 Ibid.

родному праву и выработке правил игры в киберпространстве на многосторонней площадке ООН. При этом в попытке снизить остроту нарастающих политических конфликтов США, Россия и Китай заключали двусторонние соглашения о киберпространстве. Так, на фоне растущих в 2015 г. обвинений в адрес Китая в связи с его операциями экономического кибершпионажа в США президент Б. Обама и председатель КНР Си Цзиньпин достигли «общего понимания»¹ по пресечению такой деятельности, в соответствии с которым оба лидера обязались, чтобы их правительства не поддерживали киберкражи корпоративной информации. Тем не менее через год после подписания соглашения в ходе развернувшейся торговой войны США обвинили Китай в нарушении согласованных правил, что вновь иллюстрирует недоверие сторон к двусторонним соглашениям в области кибербезопасности, а также процесс секьюритизации, который выступает в качестве специфического мотива технологического противостояния США и Китая².

Подходы США и ЕС и многосторонние подходы к формированию правовых основ, регламентирующих введение киберсанкций

США

Правовая основа, регулирующая введение односторонних мер в ответ на злонамеренные действия в киберпространстве, появилась в США 1 апреля 2015 г., когда президент Б. Обама издал указ №13694 о блокировке собственности определенных лиц, занимающихся серьезной злонамеренной кибердеятельностью. Согласно определению *OFAC*, злонамеренные кибердействия – умышленные действия, совершенные путем несанкционированного доступа к компьютерной системе, в том числе путем удаленного доступа; обход одной или нескольких мер защиты; или компрометация безопасности оборудования или программного обеспечения в цепочке поставок.

В соответствии с системой киберсанкций США, существуют три основные категории злонамеренных действий с использованием киберпространства³: (i) злонамеренные атаки, которые вызывают значительные сбои компьютеров и компьютерных сетей, поддерживающих критически важные сектора инфраструктуры; (ii) киберкражи и незаконное присвоение коммерческой тайны; (iii) незаконное присвоение информации с целью вмешательства или подрыва избирательных процессов или институтов. Недавно были приняты и другие исполнительные указы, преследующие цели обнаружения и пресечения злонамеренных действий с использованием киберпространства. Однако правила, установленные этими положениями, относятся к импорту и экспорту информационных и коммуникационных технологий и услуг в США и из США, и, таким образом, они не являются киберсанкциями, если опираться на вышеупомянутое определение.

1 Patryk Pawlak, Eneken Tikk, and Mika Kerttunen, "Cyber Conflict Uncoded. The EU and Conflict Prevention in Cyberspace," EUISS, April 17, 2020, accessed November 3, 2022, <https://www.iss.europa.eu/content/cyber-conflict-uncoded..>

2 Данилин 2020а.

3 "Executive Order 13757", U.S. Department of the treasury, December 28, 2016, accessed November 3, 2022, https://home.treasury.gov/system/files/126/cyber2_eo.pdf.

Издав данный указ, США дали понять, что могут применить жесткие экономические санкции в ответ на кибератаки. Подобные санкции применяются в отношении физических или юридических лиц, которые сознательно получают или используют коммерческую тайну для коммерческого или конкурентного преимущества или личной финансовой выгоды, которая была незаконно присвоена с помощью киберсредств, если они знают об этом. Санкции также применяются, если физические или юридические лица совершают попытки, помогают или оказывают материальную поддержку такой деятельности.

Санкции США могут быть введены президентом США в соответствии с CAATSA, а определение лиц, на которых распространяются санкции в соответствии с исполнительными указами, входит в компетенцию министра финансов¹. Установленный в США режим киберсанкций разрешает применять санкции в отношении физических и юридических лиц, считающихся ответственными за злоумышленные действия с использованием киберсредств, которые «наносит ущерб или значительно компрометируют» предоставление критически важных услуг, «значительно нарушают» доступность компьютера или сети компьютеров или «приводят к незаконному присвоению» значительного объема средств, ресурсов или интеллектуальной собственности. Киберсанкции могут быть следующими²: (i) блокировка имущества и прав собственности; (ii) запрет на поездки; (iii) полный запрет на передачу финансовых средств целевым объектам и на получение финансовых средств от них.

Европейский союз

С 2013 г. ЕС разрабатывает политику и регуляторные меры для реагирования на «злонамеренные» кибероперации, направленные против ЕС из третьих стран. Первая стратегия кибербезопасности была принята в 2013 г. и последний раз была подтверждена в декабре 2020 г.³

В Договоре о Европейском Союзе «ограничительные меры» упоминаются как один из ряда инструментов, которые можно использовать для достижения целей ОВПБ. Конвенция Совета Европы о киберпреступности является наиболее важным юридически обязывающим документом, который содержит положения о наказании за незаконный доступ к данным и их перехват, вмешательство в системы и неправомерное использование устройств, а также положения о взаимной помощи при расследовании и уголовном судопроизводстве. Тем не менее, применение Конвенции к текущим кибератакам ограничено. Одна из ключевых причин этого заключается в том, что ни Россия, ни Китай не подписали ее.

В июне 2017 г. Совет ЕС в решении ОВПБ согласился разработать «рамку дипломатического реагирования», известную как набор инструментов киберди-

1 Vera Rusinova, Ekaterina Martynova, Polina Kurakina, "Fighting Cyber-Attacks With Sanctions: New Threats, Old Responses," SSRN, December 8, 2020, accessed November 3, 2022, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3742751.
2 Executive Order 13757, U.S. Department of the treasury, December 28, 2016, accessed November 3, 2022, https://home.treasury.gov/system/files/126/cyber2_eo.pdf.
3 Bendiek A., Schulze M. "Attribution: A Major Challenge for EU Cyber Sanctions," Stiftung Wissenschaft und Politik, December 16, 2021, accessed November 3, 2022, <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021RP11/>.

пломатии¹, чтобы позволить Союзу выработать общий, скоординированный дипломатический ответ на серьезные киберинциденты. Однако меры были дублирующими и не имели дополнительного эффекта. Новая система киберсанкций была введена в 2019 г. Основные документы ЕС, определяющие введение киберсанкций – Решение Совета 2019/797 и Регламент Совета 2019/796. Киберсанкции ЕС включают такие меры, как запрет на поездки², замораживание средств³, замораживание экономических ресурсов⁴, запрет на участие в деятельности, направленной на обход введенных ограничительных мер⁵, а также запрет лицам и организациям ЕС предоставлять средства или экономические ресурсы подсанкционным организациям и людям⁶. Киберсанкции ЕС также могут быть введены, если кибердеятельность нацелена на третьи государства или международные организации и такие атаки имеют значительный эффект.

Система киберсанкций ЕС определяет кибератаки как: 1) доступ к информационным системам; 2) вмешательство в информационную систему; 3) перехват данных, если такие действия не санкционированы должным образом владельцем или другим правообладателем системы, данных или их части, или не разрешены в соответствии с законодательством Союза или соответствующего государства-члена. В отличие от США, рамки определения киберсанкций ЕС представляются более точными в формулировании критериев для применения киберсанкций.

Для определения того, имеет ли кибератака значительный эффект, во внимание принимаются следующие факторы:⁷ (a) объем, масштаб, воздействие или тяжесть вызванных нарушений, в том числе в отношении экономической и общественной деятельности, основных услуг, важнейших государственных функций, общественного порядка или общественной безопасности; (b) количество затронутых физических или юридических лиц, организаций; (c) количество заинтересованных государств-членов; (d) сумма причиненного экономического ущерба, например, в результате крупномасштабного хищения средств, экономических ресурсов или интеллектуальной собственности; (e) экономическая выгода, полученная преступником для себя или для других; (f) количество и характер украденных данных или масштаб утечек данных; (g) характер доступа к конфиденциальным коммерческим данным.

Дипломатический ответ должен быть последовательным с юридической, технической и политической точек зрения. Однако отсутствие общего подхода

1 Draft Council Conclusions on a Framework for a Joint EU Diplomatic Response to Malicious Cyber Activities ("Cyber Diplomacy Toolbox"), June 7, 2017, accessed November 3, 2022, URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/EU-170607-CyberDiplomacyToolbox-1.pdf>.

2 Council Decision (CFSP) 2021/796 amending Decision (CFSP) 2019/797 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, European Sources Online, May 18, 2021, accessed November 3, 2022, URL: <https://www.europeansources.info/record/council-decision-cfsp-2021-796-amending-decision-cfsp-2019-797-concerning-restrictive-measures-against-cyber-attacks-threatening-the-union-or-its-member-states/>.

3 Council Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, EUR-lex, May 17, 2019, accessed November 3, 2022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R0796>.

4 Ibid.

5 Council Decision (CFSP) 2021/796 amending Decision (CFSP) 2019/797 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, European Sources Online, May 18, 2021, accessed November 3, 2022, URL: <https://www.europeansources.info/record/council-decision-cfsp-2021-796-amending-decision-cfsp-2019-797-concerning-restrictive-measures-against-cyber-attacks-threatening-the-union-or-its-member-states/>.

6 Council Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, EUR-lex.

7 Ibid.

к кибератакам между государствами-членами ЕС, возможное несоответствие киберсанкций основным правам человека и отсутствие доказательств, на основании которых осуществлялась атрибуция кибератак, снижают эффективность санкционного режима ЕС. Вследствие этого демонстрация и реализация пропорционального, последовательного и, прежде всего, юридически обоснованного ответа ЕС на кибератаки является достаточно сложной задачей. Лица, включенные в перечень, оспаривают ограничительные меры ЕС (финансовые санкции и ограничения на поездки) в суде. В соответствии со статьей 263 IV Договора о функционировании Европейского Союза¹ цели таких карательных мер пользуются полной правовой защитой Европейского суда.

Прежде чем ввести киберсанкции, ЕС необходимо точно определить атрибуцию кибератак. Однако на уровне ЕС процесс присвоения, т.е. технического, правового и политического возложения индивидуальной ответственности за кибератаки, является непоследовательным и отчасти противоречивым. Присвоение является суверенным актом государств-членов, обладающих различными техническими и разведывательными возможностями. Роль ЕС заключается только в координации, сборе доказательств и обмене разведанными между государствами-членами и институтами ЕС. Учитывая растущее количество и интенсивность атак в киберпространстве, атрибуция приобретает ключевое значение. Более того, способность ЕС к атрибуции в значительной степени зависит от обмена разведывательными данными с США и Великобританией. И если разведывательный альянс «Пять глаз», в состав которого входят США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, координирует свою атрибуцию и публичное возложение ответственности на государство, совершившее кибератаку, оказывая сильное влияние на средства массовой информации², то процессы подобной координации в рамках ЕС затруднены. Соответственно, они идут медленнее, и введение санкций после совершенной кибератаки происходит спустя месяцы и даже годы.

Таким образом, правовая основа, разработанная для киберсанкций ЕС, не всегда отражает технические реалии киберопераций. Критерии, которым должен соответствовать киберинцидент, чтобы оправдать юридические санкции, должны быть сформулированы более точно. Необходимо провести более четкое различие между успешными кибератаками и попытками. Поэтому технические и юридические формулировки должны быть определены точнее. Киберинциденты должны быть более четко дифференцированы в соответствии с их интенсивностью и техническими характеристиками, чтобы адаптировать дипломатический ответ ЕС и обеспечить его соразмерность. Государствам-членам ЕС рекомендуется гармонизировать критерии, необходимые для установления ответственности за кибератаку. Кроме того, доказательства атрибуции должны быть более прозрачными, не ставя под угрозу доступ к оперативной информации. В целом политика атрибуции ЕС демонстрирует, что вертикальную, гори-

1 Договор о функционировании Европейского Союза. // Право Европейского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfew/> (дата обращения: 30.08.2022).

2 Annegret Bendiek, Matthias Schulze. "Attribution: A Major Challenge for EU Cyber Sanctions," Stiftung Wissenschaft und Politik, December 16, 2021, accessed November 3, 2022, <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021RP11/>.

зонтальную и институциональную согласованность во внешних действиях ЕС и между государствами-членами необходимо совершенствовать. На это, в частности, нацелена новая Стратегия кибербезопасности ЕС от 2020 г.¹, согласно которой частные компании, государственные учреждения и национальные органы власти должны систематически осуществлять всесторонний обмен информацией о киберинцидентах.

ООН и многосторонние усилия

Со стороны ООН также был предпринят определенный шаг в попытке регулировать деятельность в киберпространстве, когда группа правительственных экспертов ООН в своем отчете за 2015 г.² отметила важность мирного разрешения споров. Однако большинство мер, предлагаемых на уровне ООН, сосредоточены прежде всего на поощрении государственного сдерживания в использовании киберинструментов для злонамеренных операций, поддержке сотрудничества между государствами и снижении риска недопонимания и просчетов в киберпространстве.

Несмотря на то что нормы и меры укрепления доверия, предложенные ООН, впоследствии были одобрены ОБСЕ, Большой семеркой, Группой двадцати и ЕС, основной проблемой существующих подходов является их необязательный характер, а значит, отсутствие механизмов обеспечения соблюдения, вследствие чего в ближайшее время консенсус в ООН по данному вопросу вряд ли возможен³. Предотвращение киберконфликтов с помощью добровольных мер не дает гарантий, что контрагент не будет предпринимать злоумышленные действия в киберпространстве. Проблема также заключается в отсутствии точного определения понятия «кибератаки» и ее критериев, которые в ряде случаев остаются неоднозначными. Точно так же отсутствуют и признанные на международном уровне различия таких понятий, как «киберпреступность» и «кибервойна»⁴, что затрудняет согласованные международные действия по данному направлению. Таким образом, Совет Безопасности ООН еще не определил кибероперации как угрозу международному миру и безопасности, хотя эта идея неофициально обсуждалась в течение многих лет.

Более заметное участие региональных организаций⁵ также могло бы способствовать выработке механизмов для предотвращения эскалации и возникновения киберконфликтов. Однако все региональные организации действуют в рамках соответствующих исторических, географических и культурных контекстов, что влияет на их мандаты, возможности и свободу действий. ОБСЕ, например,

1 "New EU Cybersecurity Strategy and New Rules to Make Physical and Digital Critical Entities More Resilient," European Commission, December 16, 2020, accessed November 3, 2022, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2391.

2 "Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: note by the Secretary-General," United Nations, July 22, 2015, accessed November 3, 2022, URL: <https://digital-library.un.org/record/799853#record-files-collapse-header>.

3 Erica Moret, Patryk Pawlak, "The EU Cyber Diplomacy Toolbox: towards a cyber sanctions regime?" European Union Institute for Security Studies, July 12, 2017, accessed November 3, 2022, <https://www.iss.europa.eu/content/eu-cyber-diplomacy-toolbox-towards-cyber-sanctions-regime>.

4 Kapacev 2022.

5 Benatar, Marco and Kristof Gombeer. "Cyber Sanctions: Exploring a Blind Spot in the Current Legal Debate." European Society of International Law, May 28, 2011, accessed November 3, 2022, https://www.researchgate.net/publication/228148961_Cyber_Sanctions_Exploring_a_Blind_Spot_in_the_Current_Legal_Debate.

первой приняла комплекс мер по укреплению доверия¹, которые определили тон обсуждения мер по укреплению доверия в глобальном масштабе. Однако ранее существовавшие конфликты политического или военного характера осложняют реализацию этих мер: ОБСЕ борется с ограниченным доверием между своими членами, в частности, после кибератак на Украину, Грузию и Черногорию. АСЕАН, в свою очередь, сталкивается со сложными отношениями между Китаем и другими странами региона. Организация американских государств (ОАГ) испытывает трудности от разногласий между США и другими ее членами, такими как Куба и Венесуэла. В этих обстоятельствах роль региональных организаций как беспристрастных посредников поставлена под сомнение.

Практика введения киберсанкций и ее особенности

США, будучи активным актором, вводящим санкции, неоднократно применяли киберсанкции. Так, чтобы противостоять растущим киберугрозам из-за рубежа, Министерство финансов ввело ряд санкций, связанных с кибербезопасностью, в соответствии как с CYBER2², так и с программами для конкретных стран, преимущественно против России (141), Ирана (112) и Северной Кореи (18)³.

Например, в марте 2016 г. США ввели санкции против Северной Кореи, в частности против лиц, которые «участвовали в деятельности по подрыву кибербезопасности путем использования компьютерных сетей или систем против целей за пределами Северной Кореи от имени правительства Северной Кореи»⁴. В соответствии с этими решениями северокорейский программист П.Д. Хек, а также организация, на которую он работал, совместное предприятие *Chosun Expro*, были добавлены в список подсанкционных лиц. В сентябре 2019 г. эти санкции были распространены на три кибергруппы, спонсируемые северокорейским государством, – *Lazarus Group*, *Bluenoroff* и *Andarief*⁵.

В 2017 г. от атаки *Wanna Cry* пострадало порядка 230 тысяч компьютеров примерно в 150 странах, в том числе государствах-членах ЕС. В июне 2017 г. Северную Корею обвинили США⁶, а в октябре 2017 г. – Великобритания⁷. Со стороны ООН, хотя и последовало осуждение атаки от начальника отдела киберпреступности Управления ООН по наркотикам и преступности, никаких действий в соответствии с международным правом предпринято не было.

В том же году посредством использования вредоносной программы, аналогичной *Petya*, шифровки жесткого диска и замены загрузчика *Microsoft* на платный запрос была совершена атака *Not Petya*. В середине октября 2020 г. США

1 Patryk Pawlak, Eneken Tikk, and Mika Kerttunen, "Cyber Conflict Uncoded. The EU and Conflict Prevention in Cyberspace," EUISS, April 17, 2020, accessed November 3, 2022, <https://www.iss.europa.eu/content/cyber-conflict-uncoded>.

2 "Executive Order 13694, U.S. Department of the Treasury, April 1, 2015, accessed November 3, 2022, URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/cyber_eo.pdf.

3 Bartlett Jason and Ophel Megan, "Sanctions by the Numbers: Spotlight on Cyber Sanctions," Center for a New American Security, May 2, 2021, accessed November 3, 2022, <https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-cyber>.

4 "Executive Order 13722", U.S. Department of State, March 14, 2016, accessed November 3, 2022, URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2017-title3-vol1/pdf/CFR-2017-title3-vol1-eo13722.pdf>.

5 "Treasury Sanctions North Korean State-Sponsored Malicious Cyber Groups," U.S. Department of the Treasury, September 13, 2019, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm774>.

6 "The United States Applauds the EU's Action on Cyber Sanctions," U.S. department of State, July 30, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://2017-2021.state.gov/the-united-states-applauds-the-eus-action-on-cyber-sanctions/index.html>.

7 Jack Goldsmith, "The Strange WannaCry Attribution," Lawfare, December 21, 2017, accessed November 3, 2022, <https://www.lawfareblog.com/strange-wannacry-attribution>.

предъявили обвинение шести гражданам России¹. ЕС ввел экономические санкции 30 июля 2020 г., применяя Регламент 2020/1125², – точечные санкции в отношении отдельных лиц.

В 2018 г. США ввели санкции против российских физических и юридических лиц за «злонамеренную российскую киберактивность, включая их попытки вмешательства в выборы в США, разрушительные кибератаки и вторжения в критически важные объекты инфраструктуры»³.

1 июня 2020 г. граждане Нигерии были включены в список киберсанкций США⁴. Эти лица были привлечены к санкциям за организацию и осуществление двух видов кибермошенничества. По данным Министерства финансов США, лица, находящиеся под санкциями, украли «более шести миллионов долларов у жертв по всей территории страны».

В сентябре 2020 г. российские граждане, работающие в Агентстве интернет-исследований, были добавлены в список подсанкционных лиц⁵. Кроме того, в октябре 2020 г. российское государственное научно-исследовательское учреждение, которое предположительно связано с деструктивным вредоносным ПО *Triton*, было включено в список лиц, находящихся под санкциями. Данные санкции были введены в рамках положений раздела 224 Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций, который допускает введение односторонних санкций против любого лица на территории Российской Федерации, которое заведомо ведет серьезную деятельность, подрывающую кибербезопасность⁶.

В апреле 2021 г. было объявлено о новых санкциях США против Российской Федерации⁷. Некоторые из недавно введенных ограничений нацелены на российские технологические компании, «поддерживающие усилия российских разведывательных служб по осуществлению злонамеренных действий в киберпространстве против США».

Среди основных кейсов кибератак на ЕС можно выделить *Bundestag Hack* 2015 г. и атаку на Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО) в Гааге в 2018 г.

Так, в апреле 2015 г. член парламентской группы Левой партии в Бундестаге открыл ссылку в электронном письме, предположительно отправленном ООН, в котором якобы содержалась информация об украинском конфликте. Однако ссылка вела на вредоносный сайт с Троянским вирусом. 22 октября 2020 г. Совет ЕС принял санкции в отношении 85-го Главного центра специального назначе-

1 United States District Court for the Western District of Pennsylvania, United States of America, October 15, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1328521/download>.

2 "Council Implementing Regulation (EU) 2020/1125 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States", EUR-lex, July 30, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32020R1125>.

3 "Treasury Sanctions Russian Cyber Actors for Interference with the 2016 U.S. Elections and Malicious Cyber-Attacks," U.S. Department of the Treasury, March 15, 2018, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm0312>.

4 "Treasury Sanctions Nigerian Cyber Actors for Targeting U.S. Businesses and Individuals," U.S. Department of the Treasury, June 16, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1034>.

5 "Treasury Sanctions Russia-Linked Election Interference Actor," U.S. Department of the Treasury, September 10, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1118>.

6 "Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions," U.S. Department of the Treasury, August 2, 2017, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions>.

7 "Treasury Sanctions Russia with Sweeping New Sanctions Authority," U.S. Department of the Treasury, April 15, 2021, accessed November 3, 2022, URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0127>.

ния ГУ ГШ МО РФ, применив положения Регламента 2020/1536¹. В соответствии со статьей 3 Регламента 2019/796, были введены точечные экономические санкции, а также ограничение на въезд в соответствии со статьей 4 Решения 2019/797².

В 2018 г. была осуществлена кибератака на ОЗХО в Гааге, в которой были обвинены четыре агента российской разведки, вследствие чего в 2020 г. ЕС ввел санкции в соответствии с Регламентом об осуществлении 2020/1125³ и дополнением к нему 2020/1744⁴.

При рассмотрении данных примеров можно прийти к выводу, что государства, вводившие киберсанкции, не представили никаких доказательств, что кибератака была совершена той или иной страной, а также самого факта ее свершения или попытки. Вследствие этого затруднена и оценка ущерба, а значит, и соотнесение степени ответственности и наказания. Введение киберсанкций было обосновано лишь публичными обвинениями со стороны США, ЕС и Великобритании в адрес России и КНДР. Эпизоды демонстрируют политическое разделение и использование коллективным Западом киберсанкций как дополнительного рычага политического и экономического давления на оппонентов. Тенденции последних 20 лет подтверждают данный тезис направлением эволюции проблем кибербезопасности: от рассуждений о хакерских атаках и интернет-террористических актах в 1990-х гг.⁵ до обвинений РФ в кибератаках против государств Запада⁶.

1 Council Implementing Regulation (EU) 2020/1536 of implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, EUR-lex, October 22, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R1536>.

2 Ibid.

3 Council Implementing Regulation (EU) 2020/1125 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, EUR-lex, July 30, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32020R1125>.

4 Council Implementing Regulation (EU) 2020/1744 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States, EUR-lex, November 23, 2020, accessed November 3, 2022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R1744>.

5 Furnell, Warren 1999.

6 Hansen, Nissenbaum 2009.

Место киберсанкций в условиях усилившегося санкционного противостояния

Сравнительный анализ правовых актов, проведенный на основе «Базы правовых актов»¹, собранной исследователями Центра экспертизы санкционной политики ИМИ МГИМО и содержащей 284 правовых акта, включая 151 для США (с 1917 по 2022 г.) и 84 акта для ЕС (с 1992 г. по 2022 г.), регулирующих введение санкций в США и ЕС, а также исследование практики введения киберсанкций позволили прийти к выводу, что США выступают «законодателем моды» в сфере киберсанкций, а ЕС – скорее последователем. Именно США и ЕС дают наиболее точные определения кибератакам. При этом ЕС формулирует достаточно точные критерии для оценки степени эффекта кибератаки, которые позволяют оценить ущерб в количественных показателях, чего нет у США. США делают акцент на ущербе, нанесенном важной инфраструктуре, на недобросовестном использовании коммерческой тайны и подрыве работы избирательных институтов. Таким образом, США фокусируются скорее на последствиях кибератаки, а ЕС больше обращает внимание именно на ее «качество»: непосредственно сам факт вмешательства, количество украденных данных.

Можно предположить, что последствия киберсанкций США будут скорее наносить стране-цели экономический ущерб, а последствия киберсанкций ЕС – политический и имиджевый. США среди целей киберсанкций фокусируются на противодействии национальной угрозе безопасности, внешней политике и экономике США. Причем меры США нацелены «не только на ограничение потенциала развития страны-оппонента, но также на воспроизводство на рынках высоких технологий доминирования американских компаний в отдельных ключевых сферах, что позволяет им оставаться структурообразующим игроком глобальных стоимостных цепочек (ГЦЦ), рынков и отраслей»². А ЕС говорит скорее о поддержании глобальной безопасности и стабильности, создании открытого глобального киберпространства, отмечая при этом и экономическую конкурентоспособность ЕС, и поддержание демократии. Так, ЕС использует киберсанкции как инструмент для своей *normative power*, а США заявляют только о национальных интересах.

Инструментарий в рамках правовых оснований США, ЕС, Великобритании и Канады ограничен тремя мерами: заморозка активов; запрет на передачу финансовых и экономических средств целевым объектам и на получение финансовых экономических средств от них; запрет на поездки. Декларируемая цель Великобритании достаточно размыта, говорится только о «предотвращении соответствующей киберактивности». Законодательная база Австралии еще находится в разработке, поэтому отсутствует четкое определение кибератаки и не декларируются цели. В случае с ЕС, закон о киберсанкциях «имеет обратную силу», поскольку сама правовая база была принята в мае 2019 г., а обвинение было предъявлено по делу апреля 2015 г., таким образом, киберсанкции были введены лишь спустя пять лет после предполагаемой российской атаки.

1 Арапова, Кудинов 2022.

2 Данилин 2020b.

Таким образом, основные инициаторы киберсанкций – США и ЕС, а Великобритания и Австралия скорее следуют в фарватере их политики, основываясь на их опыте при разработке своей правовой основы в области киберсанкций. Невершенство правовых баз у основных инициаторов киберсанкций позволяет им широко применять инструментарий данного вида санкций, поскольку обвинение и оценка ущерба производятся каждой страной самостоятельно, а процедура предоставления доказательств и оценка их качества и источников, их предоставляющих, никак не регламентированы.

При рассмотрении более общих трендов в сфере киберсанкций можно отметить, что коллективный Запад выступает наиболее активным инициатором киберсанкций, причем наибольшее количество введенных санкций приходится на США. Именно санкции США имеют наибольший эффект по сравнению с санкциями, введенными другими странами, что обусловлено лидерством США в мировой финансовой системе и размером рынка страны. Недавние киберсанкции ЕС были встречены в США с большим одобрением, что свидетельствует об общем понимании ценности данного инструмента¹. При этом важно отметить, что вторичные санкции США вызывают разногласия с ЕС, в частности, с Германией, однако подобные протесты ЕС не влияют на избранный США политический курс. Доля санкций ООН выглядит достаточно умеренной. Россия, Китай и КНДР, напротив, являются крупными санкционными объектами.

Ситуация на Украине и вокруг нее и вмешательство в выборы в США выступают основными мотивами для введения киберсанкций в отношении России. Если рассматривать причины введения киберсанкций в более общем понимании, то необходимо выделить такие области, как кибербезопасность, нераспространение ОМУ и права человека.

Учитывая эти выводы, представляется целесообразным более широко говорить о международном экономическом порядке, который движется в сторону «геоэкономического порядка»². Данный сдвиг знаменует собой значительный отход от неолиберального порядка после окончания холодной войны. Как продемонстрировала торговая и технологическая война между США и Китаем, подобный геоэкономический порядок подразумевает значительную правовую неопределенность для экономических операторов, поскольку границы между защитой и протекционизмом все больше стираются, а перспективы эффективного разрешения споров в судебном порядке уменьшаются. Рассмотренный режим киберсанкций этому способствует. Какой баланс будет достигнут между экономическими проблемами и соображениями безопасности в этом новом порядке, зависит не только от внутренних тенденций в России, США и Китае, но и от реакции третьих акторов, включая международные организации, такие как ВТО, третьи государства и частных акторов, таких как корпорации и «мозговые центры».

Таким образом, развитие режима киберсанкций находится под влиянием тех же факторов, которые влияют и на формирование нового мирового порядка,

1 Ivan Timofeev, "Sanctions Against Russia: A Look into 2021," RIAC, March 11, 2021, accessed November 3, 2022, <https://russian-council.ru/en/activity/publications/sanctions-against-russia-a-look-into-2021/>.

2 Roberts et al. 2019.

что вновь отражает политическое разделение мира. Следовательно, использование киберсанкций выступает модифицированным и адаптированным к новым условиям инструментом стран Запада в их попытке сохранить устройство мира на основе неолиберального мирового порядка с учетом переноса конкуренции в технологическую сферу.

Всего за последнее десятилетие можно выделить не менее девяти санкционных эпизодов, связанных с киберпроблемами и вмешательством в выборы. На фоне растущей цифровизации всех аспектов жизни потребность в киберсанкциях может существенно возрасти. Данный тренд может быть усилен также за счет участия корпораций в разработке документов, регламентирующих поведение в киберпространстве. Так, на сегодняшний день уже имеются следующие инициативы: соглашение о технологиях кибербезопасности, предложенное *Microsoft*¹, Хартия доверия *Siemens*² и Рамочная программа кибербезопасности Национального института стандартов и технологий³.

Если говорить о перспективах регулирования киберпространства на уровне международного права, то согласие великих держав не представляется возможным⁴ по крайней мере в средне- и долгосрочной перспективах, вследствие чего фокус дискуссии сместится в сторону односторонних мер и их потенциала. Уже сегодня киберсанкции США, ЕС и Великобритании могут сигнализировать о красных линиях в киберпространстве⁵. Тренд также может усилиться за счет роста тенденции использования односторонних киберсанкций в США и ЕС – двух юрисдикциях, которые устанавливают стандарты для других государств в формулировании санкционной политики. Сужение угла обсуждения киберсанкций как односторонней меры приведет к тому, что киберсанкции будут все чаще и чаще нарушать международное право или обязательства, которые государства взяли на себя в рамках международного экономического права.

В условиях нового витка санкционного давления в 2022 г. и разрыва экономических связей между крупными международными игроками увеличивается потенциал применения киберсанкций, поскольку снижение технологической зависимости позволяет основным государствам-инициаторам вводить данные санкции без материального ущерба как такового, в отличие от санкций в энергетическом секторе, и при этом повышать имиджевые издержки для своих оппонентов.

Заключение

На фоне растущей конкуренции великих держав (России, Китая и США) в процессе формирования мирового порядка в XXI в. и перехода соперничества в технологическую плоскость кибербезопасность приобретает все более важное зна-

1 Bartlett Jason and Ophel Megan, "Sanctions by the Numbers: Spotlight on Cyber Sanctions," Center for a New American Security, May 2, 2021, accessed November 3, 2022, <https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-cyber>.

2 Bogdanova, Vásquez Callo-Müller 2021.

3 "Cybersecurity Framework," NIST, May 2017, accessed November 3, 2022, URL: <https://www.nist.gov/industry-impacts/cybersecurity-framework>.

4 Стрельцов, Анатолий. Основные проблемы применения международного права к ИКТ-среде // Digital Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.report/osnovnyie-problemyi-primeneniya-mezhdunarodnogo-prava-k-ikt-srede/> (дата обращения: 28.08.2022).

5 Bogdanova, Vásquez Callo-Müller 2021.

чение. Однако на глобальном уровне все еще отсутствуют какие-либо правила, которые могли бы установить рамки поведения в киберпространстве. Данный фактор способствует распространению практики применения отдельными государствами односторонних мер – киберсанкций. Этот феномен вызвал не только дискуссии о законности применения подобных мер в принципе, но и опасения относительно возможного перехода конфликта из киберпространства в реальное, поскольку конкуренция в киберпространстве зачастую повторяет контуры геополитического соперничества великих держав.

В эпоху цифровизации киберсфера используется государствами для компенсации геополитического неравенства, поскольку позволяет вести асимметричные войны. Вследствие кибератаки может быть нарушен суверенитет государства и нанесен значительный ущерб, особенно в экономической сфере. Более того, киберсанкции вступают в противоречие как с нормами обычного международного права (нарушение государственного иммунитета ввиду распространения национальной юрисдикции одного государства на другое), так и с нормами международных организаций, прежде всего ВТО (использование санкций в качестве инструмента недобросовестной конкуренции).

Анализ правовых основ ключевых стран, иницирующих киберсанкции, а также практики применения подобных мер позволяет прийти к выводу о том, что государства-инициаторы руководствуются прежде всего политическими и экономическими соображениями, поскольку на практике отсутствовали какие-либо доказательства факта свершения или попытки кибератаки, а следовательно, размер ущерба было невозможно оценить, тем не менее санкции были введены.

Можно прогнозировать, что страны коллективного Запада продолжают практику применения киберсанкций, поскольку они не несут обратного эффекта как такового (как в случае с санкциями против российского энергетического комплекса), но повышают имиджевые издержки для оппонента. Наряду с этим в ближайшей перспективе не представляется возможным и консенсус великих держав относительно норм, регулирующих правила поведения в киберпространстве, поскольку по мере перехода мира от неолиберального порядка к «геоэкономическому» страны Запада будут пытаться сохранить устройство мира на выгодных для себя условиях, прибегая к односторонним мерам, а Россия и Китай (основные страны-цели) продолжают апеллировать к международному праву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арапова, Е.Я., Кудинов, А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – №6. – С.151–165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022/0/11>.

Arapova, Ekaterina Ya., Kudinov, Alexei S. "Peculiarities of Sanctions Regulation in the USA, EU and Great Britain: Comparative Analysis." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2022): 151–165 [In Russian].

Данилин, И.В. Американско-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика – 2020а – №4 – С. 160–176. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10056>.

Danilin, Ivan V. "The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector." *Comparative Politics Russia*, no. 4 (2020): 160–176 [In Russian].

Данилин, И.В. Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм // Международная аналитика – 2020b – Том 11 (4) – С. 21–38. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38>.

Danilin, Ivan V. "Conceptualizing American Strategy in the Technology War against China: Economy, Geopolitics, Techno-Nationalism." *The Journal of International Analytics* 11, no. 4 (2020): 21–38 [In Russian].

Карасев, П.А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны // Международная аналитика – 2022 – Том 13 (2) – С. 79–94. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-79-94>.

Karasev, Pavel A. "Evolution of National Approaches to Cyber Warfare." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 79–94 [In Russian].

Лексюткина, Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения – 2020 – Т. 64 (6) – С. 85–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93>.

Leksyutina, Yana V. "U.S.-China Relations in 2018–2019: Trade War and the Process of Decoupling." *World Economy and International Relations* 64, no. 6 (2020): 85–93 [In Russian].

Лобач, Д.В., Смирнова, Е.А. Компьютерные сетевые атаки как акт агрессии в условиях развития современных международных отношений: pro et contra // Российский журнал правовых исследований – 2020 – Т. 7 – №4 – С. 59–65. <https://doi.org/10.17816/RJLS46326>.

Lobach, Dmitriy V., and Evgeniya A. Smirnova. "Computer Network Attacks as an Act of Aggression in the Context of the Development of Modern International Relations: Pros and Cons." *Russian Journal of Legal Studies* 7, no. 4 (March 14, 2021): 59–65 [In Russian].

Тимофеев, И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета – 2018 – №2 – С. 26–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42>.

Timofeev Ivan N. "Economic Sanctions as a Concept of Power Politics." *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2018): 26–42 [In Russian].

Шаклеина, Т.А. Россия и США в современных международных отношениях – М: Аспект Пресс, 2022 – 448 с.

Shakleina, Tatiana A. *Russia and the USA in Modern International Relations*. Moscow: Aspect Press, 2022 [In Russian].

Baldwin, David A., and Robert A. Pape. "Evaluating Economic Sanctions." *International Security* 23, no. 2 (1998): 189–198.

Bogdanova, I., and M. Vázquez Callo-Müller. "Unilateral Cyber Sanctions: Between Questioned Legality and Normative Value." *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 54, no. 4 (2021): 911–954.

Furnell, Stephen M., and M.J. Warren. "Computer Hacking and Cyber Terrorism: The Real Threats in the New Millennium?" *Computers & Security* 18, no. 1 (January 1999): 28–34. [https://doi.org/10.1016/S0167-4048\(99\)80006-6](https://doi.org/10.1016/S0167-4048(99)80006-6).

Hansen, Lene, and Helen Nissenbaum. "Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School." *International Studies Quarterly* 53 (2009): 1155–1175.

Hufbauer, Clyde G., Jeffrey Schott, Kimberly A. Elliott, and Barbara Oegg. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

Roberts, Anthea, Moraes Henrique Ch., and Victor Ferguson "Toward a Geoeconomic Order." *Journal of International Economic Law* 22, no. 4 (May 2019): 655–676. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3389163>.

Weiss, Thomas. "Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses." *Journal of Peace Research* 36, no. 5 (1999): 499–509.

Сведения об авторе

Светлана Игоревна Балахонова,

эксперт Центра экспертизы санкционной политики

Института международных исследований МГИМО МИД России,

Россия, Москва, пр. Вернадского, 76, 119454.

e-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 19 января 2023.

Переработана: 1 февраля 2023.

Принята к публикации: 3 февраля 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Балахонова, С.И. Киберсанкции как инструмент конкуренции в глобальном киберпространстве // Международная аналитика – 2023 – Т. 14 (1) – С. 52–71.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-52-71>

Cyber Sanctions as a Tool of Competition in Global Cyberspace

ABSTRACT

This paper delves into the issue of cyber sanctions as a novel tool in the context of the transforming global order and the fierce competition amongst great powers, which is gradually extending into cyberspace due to the growing role of information and communication technologies. The contours of geopolitical rivalry are reflected in cyberspace, creating the potential for a quick transition from cyberspace to reality. The article investigates the risks posed by cyber-attacks, studies the nature of the contradictions between the norms of international law and cyber sanctions, carries out an analysis of the legal frameworks of the main initiating countries, and reviews the practice of imposing cyber sanctions. Following these efforts, the conclusion was reached that cyber sanctions are traditional measures used to deter, limit, and punish malicious actions in cyberspace. An analysis of the legal bases of the main initiating countries revealed that the United States pursues its national interests, while the EU rather uses the tool to project its normative power. The cybersphere, amid this process of transforming the world order, creates opportunities for asymmetric wars and is used by states to compensate for geopolitical inequalities in the absence of rules governing behavior. The damage from a cyber-attack can be significant both politically and economically. However, the consensus of the great powers on the development of common norms governing behavior in cyberspace is not possible in the short and medium term. This is due to the fact that the key initiating countries (the U.S. and the EU) are increasingly resorting to unilateral measures, while the main target states (Russia and China) appeal to the norms of international law. As the foundations of the neoliberal world order are being eroded, the antagonism of states will increase. Cyber sanctions do not oblige the initiator to provide evidence, give an accurate assessment of the damage, and do not entail the opposite effect per se, increasing only the image costs for opponents. Therefore, cyber sanctions are expected to become more widespread in the future.

KEYWORDS

cyber sanctions, cyberspace, cyber security, cyber attack, world order, great powers

Author

Svetlana I. Balakhonova,

Expert of the Sanctions Policy Expertise Center of the Institute for International Studies, MGIMO, 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

e-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: January 19, 2023. Revised: February 1, 2023. Accepted: February 3, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Balakhonova, Svetlana I. "Cyber Sanctions as a Tool of Competition in Global Cyberspace." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 52–71.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-52-71>

Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально- экономического развития Ирана на современном этапе

Кожанов Николай Александрович, ИМЭМО им. Е.М. Примакова,
Москва, Россия

Контактный адрес: n_a_kozhanov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

После победы на президентских выборах 2021 г. Э. Раиси у иранских консерваторов появился шанс дать ответ на внутренние вызовы, стоящие перед Исламской Республикой Иран (ИРИ). Провал их попыток обеспечить экономический рост в условиях санкционного давления может иметь критическое значение для судьбы Ирана и для политического будущего Э. Раиси. Между тем как внешнее санкционное давление, так и накопившиеся структурные проблемы иранской экономики являются существенными преградами для экономического развития страны. В статье автор пытается ответить на вопрос о том, почему при относительной устойчивости иранской экономики к внешним и внутренним вызовам, а также макроэкономических показателях, не всегда уступающих в своей динамике показателям иранских соседей по региону, в ИРИ существует значительная социальная напряженность, выливающаяся в периодические протестные действия, а сама экономическая ситуация оценивается как кризисная. В работе проводится анализ основных вызовов, стоящих перед руководством страны в сфере экономики, и того, насколько цели и приоритеты реализуемой им доктрины «экономики сопротивления» позволяют дать на них адекватный ответ. В итоге автор приходит к выводу о том, что сформировавшаяся в условиях агрессивной среды модель иранской экономики ставит своим приоритетом обеспечение выживания существующей политической системы, подходу к вопросам обеспечения экономического роста как вторичным и не удовлетворяя ряд потребностей населения свыше базовых. Она не способна гарантировать устойчивого комплексного социально-экономического развития, что с течением времени ведет к накоплению внутреннего напряжения в иранском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран, санкции, социально-экономическое развитие, экономика сопротивления

Введение

С момента зарождения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. иранские политики традиционно говорят о необходимости создания особой экономической системы, которая позволила бы стране противостоять внешнему давлению¹. Последние 15 лет экономическая политика правительства ИРИ была направлена на создание и поддержание так называемой «экономики сопротивления» – частично самодостаточной экономической системы с сильным государственным присутствием, основной целью которой является обеспечение выживания режима во враждебной среде². Эта система неоднократно достигала своих целей на протяжении многих лет. Несмотря на жесткие санкции, введенные против Ирана в период с 2009 по 2015 гг. и после 2018 г., иранская экономика все же не была разрушена, выстояла и даже продемонстрировала медленные темпы роста (Таблица 1). Хотя эта модель успешно предотвратила экономический коллапс, она, как это будет продемонстрировано далее, все же не в состоянии обеспечить устойчивый экономический рост, который сопровождался бы значительным улучшением социальных показателей. В результате неудовлетворенность населения условиями своего существования вызывает ставшие уже нормой для Ирана волнения и подрывает доверие к руководству страны.

Таблица 1.

ВЫБОРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИРАНА (2010–2023)
SELECTED ECONOMIC INDICATORS OF IRAN (2010–2023)

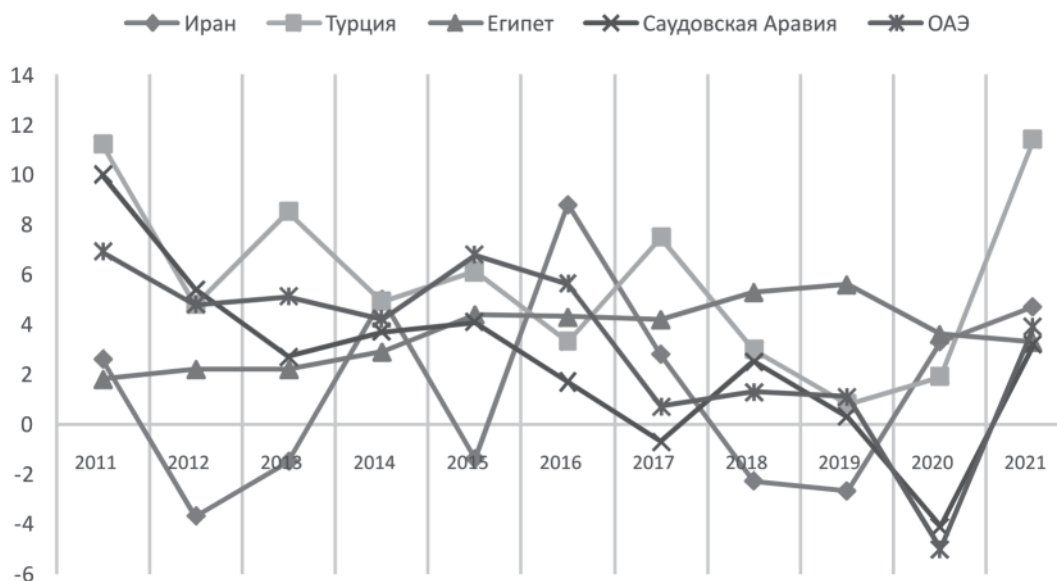
Год	Среднегодовые темпы прироста ВВП (%)	Рост цен на потребительские товары (2010=100%)	Среднегодовые темпы прироста инфляции (%)	Среднегодовой объем экспорта нефти (млн баррелей в сутки)	Доход от экспорта нефти (текущие цены, млрд. долл. США)
2010	5.8	100	10	2.2	76.75
2011	2.6	121	21	2.5	101.15
2012	-7.4	152	26	2.1	69.76
2013	-0.2	212	39	1.2	49.85
2014	4.6	248	17	1.1	51.74
2015	-1.3	282	14	1	29.98
2016	13.4	306	8.6	1.9	37.55
2017	3.8	337	10	2.2	55.34
2018	-6	394	18	1.5	66
2019	-6.8	551	40	0.651	30
2020	3.4	n/a	30.6	0.404	21
2021	4.1	n/a	40	0.8-1	25
2022*	2.7	n/a	50.3	1-1.5	36
2023*	2.3	n/a	n/a	n/a	n/a

Источник: составлено автором на основе открытых данных Всемирного банка, Центрального банка Ирана, Центра исследований иранского парламента. *Данные за 2022-2023 даны оценочно

1 Khajehpour 2020.
2 Jalilvand 2018, 100–101.

График 1.

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ВВП ЕГИПТА, ИРАНА, ОАЭ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ
В 2011–2021 ГГ. (%).
GDP GROWTH RATES OF EGYPT, IRAN, UAE, SAUDI ARABIA AND TURKEY IN 2011–2021 (%).

Источник: составлено автором на основе открытых данных WorldBank.

В таких условиях главным вопросом, в том числе и этого исследования, становится существующая модель экономического развития Ирана, которая оказалась не в состоянии обеспечить социальную стабильность и устойчивое экономическое развитие, притом что формально макроэкономические показатели и их динамика в Иране далеко не всегда были худшими по региону (График 1). Иными словами, часто звучащий тезис о нежизнеспособности иранской экономики не вполне верен¹. В этой статье выдвигается гипотеза о том, что главным источником проблем иранской экономики выступает целеполагание при формулировании и реализации текущей модели экономического развития, которая, с одной стороны, отдает приоритет обеспечению выживания существующего политического строя за счет достижения частичной экономической самодостаточности (отодвигая таким образом на второе место в системе приоритетов экономический рост), а с другой стороны, удовлетворяет социальные запросы населения исключительно на минимально необходимом уровне (то есть обеспечивая базовые потребности)². Для обоснования этого тезиса в статье с опорой на теоретические работы М. Тодаро, А. Сена, С. Смита, Дж. Фостера, К. Хенди проведен анализ наиболее важных социально-экономических проблем, стоящих перед Ираном в условиях санкционного давления, и тех решений, которые предлагает доктрина «экономики сопротивления»³.

1 Khajehpour 2020.

2 Ibid, 16–18.

3 Sen 1985; Sen 1997; Foster et al. 2008; Todaro et al. 2015.

Изучая иранскую экономику

За десятилетия существования Исламской Республики Иран в международной академической среде сложился целый пласт литературы, посвященный изучению различных аспектов модели иранского экономического развития и ее эволюции. Наибольший интерес исследователей традиционно привлекает период 1980-х – начала 1990-х гг. – время реализации и последующего свертывания эксперимента по построению в Иране т.н. «исламской экономики», чьи принципы в том числе были сформулированы в книге первого президента ИРИ А. Банисадра «Экономика единобожия», а также в работах М. Садра, А. Талегани, А. Техрани¹. Указанный период наиболее подробно освещен в монографиях основоположников школы изучения экономики современного Ирана А. Арабаджяна, Дж. Амузгяра, Н. Мамедовой и А. Ширази². Благодаря этим авторам было сформировано представление о модели иранского экономического развития как о сложном феномене, при формировании которого ведущую роль сыграли идеологический фактор и фактор агрессивной внешней среды³. Еще один крупный исследователь иранской экономики Б. Хаджепур писал: «экономическая политика Ирана определялась революционными идеями, социально-экономической необходимостью и ответом на внешнее давление»⁴. С его слов, только в последние два десятилетия была сделана попытка смещения внимания при планировании экономического развития с удовлетворения базовых потребностей страны на обеспечение экономического роста. Однако успешно трансформировать иранскую экономику в этом направлении пока не удалось⁵.

К сожалению, с течением времени количество англо- и русскоязычных монографических работ, посвященных комплексным критическим исследованиям иранской экономической модели, стало сокращаться. Наиболее яркие и значимые монографии по этой проблематике вышли в 1990-х – начале 2000-х гг. и по времени своего исследования ограничены периодом до 2000 г. Последним крупным монографическим исследованием на указанную тему в англоязычной среде стала работа С. Малони, позволившая проследить преемственность в развитии иранской социально-экономической модели с момента революции 1978–1979 гг. вплоть до времени президентства Х. Рухани⁶. Однако после С. Малони крупных работ, создающих целостное понимание стратегии экономического развития Ирана, в англоязычной среде не выходило. В российском востоковедении ситуация обстоит несколько иначе. В 2022 г. ведущим российским экспертом по вопросам иранской экономики Н. Мамедовой на базе Института Востоковедения было опубликовано комплексное монографическое исследование «Исламская экономика Ирана. Теория и практика», позволившее восполнить практически 20 лет отсутствия в России крупных исследований подобного рода (если вести отсчет с рабо-

1 Banisadr 1979; Sadr 1969; Taleghani 1954; Tehrani 1974.

2 Amuzegar 1993; Schirazi 1993; Арабаджян 2002; Мамедова 1997.

3 Amuzegar 2014, 31–43; Sadjadpour 2009, 9–12.

4 Khajepour 2020, 16.

5 Ibid.

6 Maloney 2015.

ты А.З. Арабаджяна «Исламская Республика Иран. Экономический потенциал», изданной в 2002 г. и носившей все же больше справочный характер)¹.

Вместе с тем отсутствие крупных монографических исследований вовсе не означало исчезновение интереса к вопросам иранского экономического развития на современном этапе. Наоборот, они достаточно хорошо освещены в научных статьях Н. Мамедовой, В. Сажина, А. Обуховой, В. Юртаева². В англоязычной литературе развитие иранской экономики в 2000–2022 гг. получило освещение в работах Дж. Амузгяра, Дж. Салехи-Эсфехани, Б. Хаджепура, Д. Джалильванды³. Во многом именно Дж. Салехи-Эсфехани, Д. Джалильванды и Б. Хаджепура можно считать ведущими исследователями иранской модели социально-экономического развития, принявшими эстафету у корифеев 1990-х гг., таких как Дж. Амузгяр и А. Ширази. Вместе с тем главной проблемой указанных работ является то, что, за редким исключением⁴, они все же носили узконаправленный характер и редко пытались дать обобщенную характеристику иранской экономической модели, ее слабым и сильным сторонам.

По естественным причинам особое место в исследовательской литературе занял вопрос о влиянии санкций на экономику Ирана. Здесь среди российских авторов нужно выделить работы И. Тимофеева, с разных сторон оценивающие эффективность применения санкций в отношении ИРИ и их влияние на социально-экономическое развитие страны⁵. В англоязычной научной среде исследователи традиционно ориентируются на работы (в том числе и монографического характера) Х. Аскари, К. Кацмана, Э. Море⁶. Однако у столь активного увлечения экспертами и учеными санкционным вопросом существует один негативный эффект: популярность темы отвлекает внимание исследователей от изучения структурных проблем экономики ИРИ, заставляя видеть санкции главной причиной всех проблем экономики страны⁷.

Отчасти современную нехватку академических монографических работ по анализу иранской модели социально-экономического развития компенсировали и иранские авторы, пишущие на персидском языке. Отдельно стоит отметить книги Х. Афрахте, М.Б. Бехешти, С-Х. Матии-Лангруди, И. Раззаки, позволяющие получить общее представление об основных тенденциях экономического развития Ирана в конце XX – начале XXI вв.⁸ Однако на данный момент и в самой ИРИ изучение особенностей ее экономического развития также сместилось в пользу научных статей и коллективных работ, фокусирующихся в большей степени на изучении отдельных аспектов иранской экономической модели.

Центральное место в дискуссиях, идущих в иранской академической среде относительно целей и задач экономического развития страны, помимо традиционной темы санкций, занимает вопрос о ключевых теоретических принципах экономики сопротивления (в первую очередь с т.з. их соответствия реальным

1 Арабаджян 2002.

2 Мамедова 2016; Обухова 2014.

3 Amuzegar 2014; Jaliilvand 2018; Khajehpour 2020.

4 Мамедова 2016; Khajehpour 2020.

5 Тимофеев et al. 2022.

6 Askari et al. 2001; Katzman 2022; Moret 2015.

7 Katzman 2022.

8 Afrakhteh 2004; Beheshti 2005; Razzaki 2003; Matii-Langrudi 2007.

потребностями страны) и их реализуемости на практике¹. Впрочем, научные статьи, издаваемые в результате указанного обсуждения, обладают определенными недостатками, которые отчасти являются продолжением их достоинств. Эти работы носят либо чрезмерно описательный, либо специализированный характер, анализируя лишь определенный аспект применения модели «экономики сопротивления» на практике, или же, наоборот, уходят при обсуждении ее элементов вглубь теоретических основ, имеющих уже даже не экономический, а философский характер². Как результат, полной картины, включавшей бы критический анализ практического применения модели «экономики сопротивления», читатели этих статей не получают. Среди наиболее значимых коллективных работ, изданных в Иране в последнее время, можно выделить сборник статей «Экономика сопротивления» под редакцией Х. Мирджалили³. Он достаточно подробно знакомит читателей с официальными взглядами на т.н. «экономику сопротивления», а также дает возможность ознакомиться с иранскими оценками эффективности применяемых в отношении ИРИ санкций. Впрочем, говоря о самой модели экономического развития страны, авторы этого сборника весьма осторожно касаются темы ее недостатков и способов их устранения, что ни в коем случае не умаляет важности самой работы.

Отдельным видом иранской литературы (в некотором смысле и первоисточником) по вопросам экономического развития Ирана долгое время выступали аналитические заметки Исследовательского центра при парламенте ИРИ. Они носили исключительно прикладной характер, что позволяло соотнести существующие теоретические концепции иранского социально-экономического развития с опытом применения их на практике и сделать соответствующие выводы об эффективности их применения⁴. Однако с осени 2022 г. доступ через интернет к текущим исследованиям и архивам Центра для зарубежных исследователей был закрыт.

И все же несмотря на столь значительный пласт литературы по вопросам эволюции и оценки эффективности иранской экономической модели, главное внимание исследователей сосредоточено на анализе параметров экономического роста как главного показателя успешности развития ИРИ. Вместе с тем такой подход является определенным упрощением, несколько искажающим общую картину.

Экономический рост означает развитие?

В узком понимании социально-экономическое развитие ассоциируется с экономическим ростом и такими параметрами, как темпы прироста ВВП, ВНД, среднего дохода на душу населения, а также изменением уровня безработицы. Однако сейчас такой метод оценки социально-экономического развития страны через параметры экономического роста считается слишком упрощенным, т.к. не учитывает всех нюансов развития и в полной мере не отражает того, насколько

1 Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

2 Akhbari et al. 2015, 55–78; Asad 2015, 25–39; Jahaniyan 2016, 165–177.

3 Mirjalili 2020.

4 Abdollahi et al. 2022.

реализуется потенциал населения и создаются благоприятные условия для его существования¹. Современная экономика развития исходит из того, что любая экономическая модель для оценки ее эффективности должна рассматриваться в социальном контексте, предполагающем изучение сложной взаимосвязи экономических и неэкономических факторов, включая в том числе и трудноизмеримое отношение индивидуумов к жизни в данном обществе, видение ими своих перспектив². Ориентирование исключительно на рост макроэкономических параметров как единственный или главный показатель еще не позволяет говорить об успешном социально-экономическом развитии страны³. Так, по мнению А. Сена, в первую очередь важно изучить то, насколько в ходе социально-экономического развития страны для человека создаются возможности по долгосрочной реализации себя⁴. Иными словами, при определении эффективности экономической модели важную роль играют параметры возможностей, предоставляемых индивиду, специфика его взаимоотношений с государством, общественными институтами и другими членами общества⁵.

Как результат, социально-экономическое развитие подразумевает не только рост и обеспечение минимального уровня экономического благосостояния. Любая модель социально-экономического развития работает с тремя ценностными параметрами⁶:

1. Удовлетворение первичных потребностей: население должно быть обеспечено основными товарами и услугами, такими как еда, одежда и кров, которые необходимы для поддержания минимального уровня жизни.

2. Самооценка: удовлетворенность членов общества тем, как социальные, политические и экономические системы государства обеспечивают такие человеческие ценности, как уважение, достоинство, целостность существования и самоопределение.

3. Свобода социально-экономического выбора: ситуация, в которой общество имеет в своем распоряжении множество альтернатив для удовлетворения своих потребностей и индивиды пользуются реальным выбором в соответствии со своими предпочтениями.

Их успешное удовлетворение в значительной степени позволяет судить об эффективности экономической модели страны и ее вкладе в процесс социально-экономического развития. В этом ключе Иран представляет собой хороший пример того, что поверхностный анализ исключительно макроэкономических параметров не всегда в состоянии выявить корень социально-экономических проблем или объяснить причины периодических социальных волнений. Если рассматривать ситуацию вне социального контекста – иранские экономические показатели за последние 10 лет хоть и были очень нестабильными, а в последние годы демонстрировали устойчивую отрицательную тенденцию (Таблица 1), но все же еще напрямую не говорят о кризисе, наличие которого между тем уже

1 Todaro et al. 2015, 16–18.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Sen 1985; Sen 1997.

5 Foster et al. 2008.

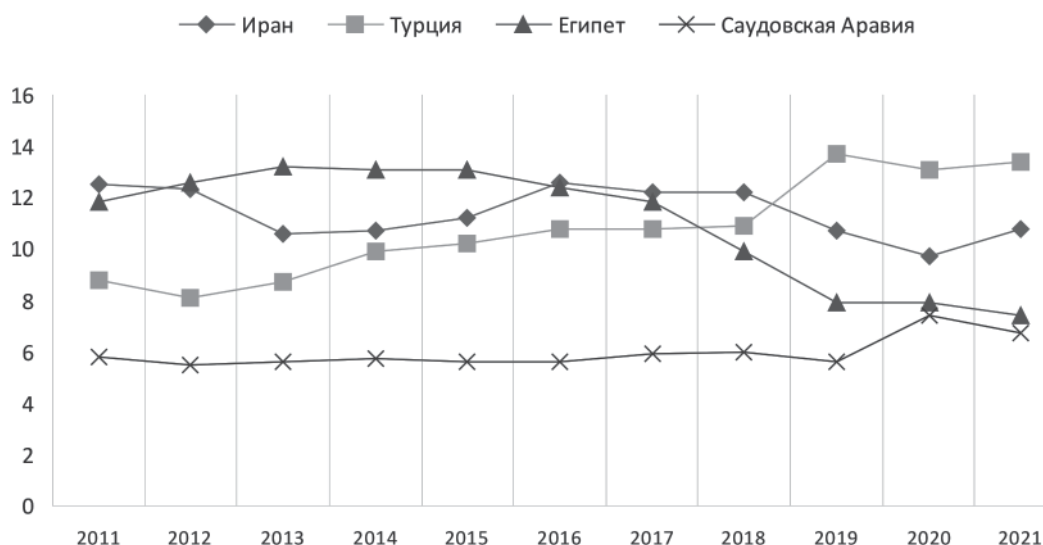
6 Todaro et al. 2015, 22.

признает и Верховный лидер Ирана С.А. Хаменеи. Так, в своем выступлении от 30 января 2023 г. он заявил о «десятилетнем отставании» иранской экономики из-за санкций, нестабильных нефтяных цен и плохого управления¹.

Более того, если сравнить темпы прироста ВВП Ирана или изменение уровня иранской безработицы с показателями его соседей и других стран ближневосточного региона, то ситуация может (отчасти ошибочно) показаться не настолько тяжелой, закономерно ставя вопрос о том, почему, например, в той же Турции при уровне безработицы в 10–13% никто долго не говорил (и в целом не говорит) о глубоком внутреннем кризисе или готовящемся социальном взрыве (График 1 и 2).

График 2.

**УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В ЕГИПТЕ, ИРАНЕ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ
В 2011–2021 ГОДАХ.
THE UNEMPLOYMENT RATE IN EGYPT, IRAN, SAUDI ARABIA AND TURKEY IN 2011–2021.**

Источник: составлено автором на основе открытых данных WorldBank.

Для понимания проблем иранской экономической модели и оценки ее эффективности необходимо учитывать контекст и, прежде всего, те вызовы, с которыми она сталкивается. Последние можно поделить на три крупные группы: последствия санкционного давления, структурные проблемы, неспособность руководства страны существенно улучшить социальную ситуацию в стране².

Санкции, экономика сопротивления и внутренние волнения

Возобновление полномасштабного применения санкций против ИРИ в 2018 г. стало серьезным стресс-тестом для предшественника Э. Раиси. Санкции

1 "Khamenei: Iran's Economy a 'Decade Behind,'" The Iran Primer, February 1, 2023, accessed January 23, 2023, <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/feb/01/khamenei-irans-economy-decade-behind>.
2 Amin Mohseni-Cheraghlo, "Déjà vu all Over Again: The Three 'I's of Gasoline Subsidies and Social Unrest in Iran," Middle East Institute, November 25, 2019, accessed January 15, 2023, <https://bit.ly/3Ua4pjQ>; Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," The Arab Gulf States Institute in Washington, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>.

усилили инфляцию, обесценили национальную валюту и ускорили рост потребительских цен¹. Таким образом, согласно официальной статистике ЦБ Ирана, по сравнению с рыночной ситуацией 2016–2017 гг. потребительские цены на отечественную продукцию в 2018, 2019 и 2020 гг. выросли на 31%, 41% и 47% соответственно. Для импортных товаров эти показатели составили 138%, 16% и 32% соответственно². Обменный курс доллара США на свободном рынке вырос с 103378 риалов за 1 долл. в 2018 г. до 228809 риалов в 2020 г.³ В этих условиях существенный рост потребительских цен на товары и услуги (Таблица 2) совпал с резким падением покупательной способности иранских домохозяйств, что привело к дестабилизации социальной ситуации в стране (Таблица 3).

Таблица 2.

ДИНАМИКА РОСТА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН В ИРАНЕ, 2016–2020 ГОДАХ (2016=100%)
DYNAMICS OF CONSUMER PRICE GROWTH IN IRAN, 2016–2020 (2016=100%)

	2016 (%)	2017 (%)	2018 (%)	2019 (%)	2020 (%)
Продукты питания	100	114	167	254	394
Аренда жилья	100	108	123	155	204
Вода	100	100	106	108	126
Топливо и электроэнергия	100	103	107	111	115
Одежда	100	106	143	219	309
Транспорт	100	107	154	241	451
Здравоохранение	100	110	129	162	205
Образование	100	111	130	156	184
Другое	100	110	163	213	284
Итого	100	110	144	203	299

Источник: составлено автором на основе открытых данных Центрального банка Ирана

Одни из наиболее масштабных за последние 10 лет протестов в Иране, которые прокатились по стране в ноябре 2019 г., были косвенно вызваны применением санкций⁴. Причиной волнений стало решение властей повысить цены на топливо. Будучи вновь лишенным в 2018 г. доступа к мировому рынку нефти, Ирану пришлось сокращать огромные социальные программы: в 2017–2018 финансовом году Тегеран потратил до 1,6% своего ВВП на поддержку низких цен на топливо. В условиях возросшего санкционного давления сохранение такого объема было уже непозволительной роскошью. 17 ноября 2019 г. во время заседания кабинета министров президент Х. Рухани открыто признал, что для оказания адекватной поддержки малообеспеченным слоям населения Ирана страна должна провести реструктуризацию и частично сократить субсидии. В тот раз правительству все же удалось справиться с ситуацией, однако спорадические демонстрации и акции протеста различной величины стали новой повседневной реальностью Ирана⁵.

1 Umar A. Farooq, and Reza Khaasteh, "How Four Years of U.S. Sanctions have Devastated Iran's Economy," Middle East Eye, May 31, 2022, accessed January 15, 2023, <https://www.middleeasteye.net/news/us-sanctions-devastate-iran-economy>.
2 *Kholase-ye Tahavolat-e Eqtesadi-ye Keshvar*. Tehran: Bank-e Mafkazi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran, 2022. (The Overview of the Economic Changes in the Country. Tehran: Central Bank of Iran, 2022).
3 Ibid.
4 "A Gift to Donald Trump?" The National Interest, November 23, 2019, accessed January 20, 2023, <https://nationalinterest.org/blog/buzz/gift-donald-trump-irans-fuel-price-hike-costing-it-dearly-98957>.
5 Ibid.

Таблица 3.

**РАСХОДЫ ИРАНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 2016–2020 ГОДАХ
(В ПОСТОЯННЫХ ЦЕНАХ 2016 Г., МЛН РИАЛОВ)
EXPENDITURES OF IRANIAN HOUSEHOLDS IN 2016–2020
(IN CONSTANT PRICES OF 2016, MILLION RIALS)**

	2016	2017	2018	2019	2020
Продукты питания	90	87	89	66.7	65.9
Табак	1	1	1	1	1
Одежда	17	17	13	9	8.4
Аренда жилья, топливо, электроэнергия	139	138	160	173	182
Квартплата	16	16	12	10	9
Здравоохранение	23	22	22	21	22
Транспорт	42	42	31	25	16
Услуги связи	8	8	7	8	9
Отдых и туризм	8	7	5	4	3
Образование	7	7	6	6	5
Рестораны и отели	8	8	7	6	4
Иное	33	31	25	21	19
Итого	393	385	368	348	343

Источник: составлено автором на основе открытых данных Центрального банка Ирана.

Однако считать санкции исключительным источником проблем Ирана и ограничителем его развития не приходится. Более того, руководство страны смогло создать и протестировать различные экономические методы борьбы с санкциями и их негативным влиянием на экономику, которые получили общее название «экономика сопротивления». Своими корнями она уходит в начало 1980-х гг., когда только что возникшая исламская республика столкнулась с первыми санкциями, введенными США. Именно тогда в рамках т.н. модели «экономики единобожия» (эгтесад-э тоухиди) была выдвинута идея о построении с упором на исламские традиции хозяйственной системы, способной опираться на собственные ресурсы и противостоять внешнему давлению¹. Процесс эволюции этой модели в «экономику сопротивления» занял десятилетия, что определялось постепенным негласным отказом от мессианско-романтической идеи центральной роли ислама при выработке стратегии экономического развития, призванной стать альтернативой рыночной экономике Запада, в пользу более прагматичных подходов, направленных на обеспечение выживания правящей иранской элиты. Более того, в построении экономики осажденной крепости случались и паузы, т.к. применение санкций в отношении Ирана было не всегда последовательным: так, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. ряд американских вторичных санкций просто не исполнялся третьими странами, что совпало с периодом попыток экономического и политического открытия Ирана внешнему миру и отказом от идей полной самодостаточности².

В этом смысле на протяжении 40 лет случались и послабления в экономическом давлении, и практически передышки. Самая поздняя из них произошла в 2015 – 2017 гг., когда Иран и шестерка международных переговорщиков

1 Amuzegar 1993; Amuzegar 2014, 31–43.

2 Khajehpour 2020, 16.

(Великобритания, Китай, Россия, США, Франция и Германия) подписали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД, «ядерная сделка»), подразумевавший приостановку применения ряда санкций против Ирана в обмен на ряд уступок и ограничений со стороны Тегерана в вопросах развития его ядерной программы. Итогом заключения СВПД стали два года вполне успешного экономического развития страны, закончившегося с выходом из ядерной сделки США в 2018 г. и восстановлением действия прежнего санкционного режима.

В своей нынешней форме (в том числе и с возрождением идеи опоры на собственные ресурсы – правда, уже частичной) «экономика сопротивления» сложилась с введением в отношении ИРИ наиболее жестких в ее истории санкционных мер 2010–2015 гг. и с 2018-го по настоящее время, когда Тегеран оказался практически полностью лишен доступа к международной банковской системе, иностранным инвестициям, современным технологиям в сфере нефте- и газодобычи, а также нефтехимии и доступа к морским перевозкам углеводородов. На ИРИ также было наложено эмбарго по экспорту нефтегазового сырья и импорта топлива¹.

Сама экономика сопротивления основывается на следующих принципах²:

- ускоренная диверсификация экономики с уходом от зависимости от экспорта нефти;
- оптимизация госрасходов в соответствии с реальным уровнем генерируемых доходов;
- частичная самодостаточность в производстве продуктов первой необходимости и стратегически важных товаров;
- повышение эффективности налоговой системы и ужесточение контроля за финансовым сектором и валютными потоками;
- активная внешнеэкономическая деятельность, в том числе применение нелегальных мер обхода санкций;
- сохранение системы социальной поддержки населения, в том числе за счет прямых, пусть и минимальных, выплат домохозяйствам, чтобы гарантировать их покупательскую способность (таким образом частично снимается социальное напряжение и поддерживается оборот денег в экономике).

Помимо этого государство активно поддерживает крупные национальные компании и отрасли промышленности, которые либо заняты непопадающим под санкции экспортом, либо производят аналоги иностранного оборудования и продукции, недоступных из-за санкций. За годы санкций в Иране был создан сильный нефтехимический комплекс³.

Реализация принципа частичного самообеспечения, лежащая в основе концепции «экономики сопротивления» и осуществляемая в разных формах иранскими властями с 1979 г. также принесла свои результаты. В то время как нефтяной, газовый, нефтехимический секторы и автомобилестроение (зависящие от импорта запасных частей и сырья) неизбежно стали жертвами санкций,

1 Akhbari et al. 2015, 55–78; Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

2 *Siyasatha-ye kulli-ye eqtesad-e moqavematī*. Tehran: Markaz-e ravabet-e umumi va ettelaarasanī-ye vezarat-e jīhad-e keshavarzi, 2014. (*General Policies of the Resistance Economy*. Tehran: The Information and Public Relation Center of the Ministry of Agricultural Jihad, 2014).

3 Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

внешнеэкономическое давление и падение национальной валюты не нанесли существенного ущерба тем секторам, которые обеспечивают основные потребности людей в продуктах питания, топливе и одежде. Неудивительно, что после выхода США из СВПД в 2018 г. и восстановления санкций США нефтяной, нефтехимический, автомобильный и строительный сектора пострадали больше всего. Однако менее зависимые от внешних рынков сельскохозяйственный сектор, сектор услуг и отчасти легкая промышленность Ирана не подверглись столь прямому негативному воздействию санкций¹.

К 2021 г. «экономика сопротивления» справилась со своей главной целью: несмотря на первый сильный удар санкций в 2018–2020 гг. и негативное влияние пандемии *COVID-19*, иранской экономике удалось выжить и даже убедить руководство страны в своей прочности. Более того, страна смогла удовлетворить первичные потребности значительной части населения, соответствуя, тем самым, хотя бы одному из трех ценностных параметров, сформулированных С. Смитом и М. Тодаро.

Однако цена успеха «экономики сопротивления» была высока: такая модель способна обеспечить выживание экономики, но не устойчивое и активное развитие, сопровождающееся улучшением социальных показателей. Согласно данным МВФ, в 2018 и 2019 гг. экономика страны сократилась на 6% и 6,8% соответственно, продемонстрировав минимальные положительные тенденции роста в 2020 г. (+1,5% по данным МВФ и +0,7% по данным независимых консалтинговых компаний)². Последнее во многом определялось ростом цен на нефть и объемом экспорта иранской нефти. Между тем к 2021 г. темпы роста инфляции оценивались в 36%, а уровень безработицы составлял 10–12%, при этом по меньшей мере 33% населения жили за чертой бедности³. Впрочем, виноваты здесь были далеко не одни санкции.

Структурные проблемы

Объявив защиту экономических интересов малоимущих слоев населения одной из главных задач руководства Исламской Республики, аятолла Р. Хомейни и его последователи превратили популизм в один из главных рычагов своей внутренней политики, а также поставили исламские власти в вечную зависимость от поддержки бедных и малоимущих слоев, составлявших основную массу иранского населения как в 1980-х гг., так и сейчас⁴. Это решение сделало правящий режим в Иране чрезвычайно прочным. Создание такой системы социальных отношений внутри государства, когда власть через экономическую заботу о наиболее уязвимых слоях населения покупала бы их лояльность, было полностью оправдано в условиях агрессивной внешней среды, в которой Иран был и остается вынужден существовать. В то же время такая социальная политика имела и ряд негативных

1 Abdollahi et al. 2022.

2 "IMF: Iran's Economy Grew in 2020," The Iran Primer, April 21, 2021, accessed January 21, 2023, <https://bit.ly/3Uwyny3>.

3 Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," The Arab Gulf States Institute in Washington, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>, <https://www.imf.org/en/Countries/IRN>.

4 R.H. Akbari, and M. Witt "It's About the Price of Watermelons: Subsidy Reform in Iran," The International Affairs Review, March 28, 2011, accessed January 21, 2023, <http://www.iar-gwu.org/node/291>; Khanlu 2007, 15.

экономических последствий. Прежде всего иранское руководство должно было найти баланс между задачами экономического развития, роста и благополучия определенных слоев населения (то есть основы своего выживания). В некоторых случаях развитие приносилось в жертву выживанию, когда, например, внутренний производитель был вынужден поставлять свою продукцию на иранский рынок по искусственно заниженным ценам или был не в состоянии конкурировать с импортом более дешевой заграничной продукции¹.

С 1979 г. одной из основных мер, используемых правительством для обеспечения поддержки низших слоев городского населения, было обеспечение городов дешевыми продуктами питания, водой, электроэнергией и топливом. В результате за последние четыре десятилетия иранские власти создали сложную систему экономического управления, которая позволяла им влиять и контролировать процесс производства и распределения экономических ценностей². Эта система превратила государство в основной (если не единственный) инструмент регулирования отношений между производителями, импортерами, розничными торговцами и потребителями, а также практически полностью исключила из этого процесса механизмы рыночной экономики. Впоследствии участие государства, ограниченная рыночная свобода и отсутствие рыночной конкурентоспособности негативно повлияли на показатели эффективности иранской экономики, а также сформировали ее значительный теневой сектор³.

Кроме того, субсидии на поддержание низкого уровня цен на базовые товары, а также обширные социальные программы «поглощали» финансовые активы, которые могли быть использованы для развития экономики. Со временем эти субсидии стали тяжелым бременем для государственного бюджета, хотя за последнее десятилетие иранское правительство несколько раз пыталось их сократить. К 2020 г. только объем топливно-энергетических субсидий оценивался в 75-80 млрд долл. в год, что считалось одним из самых высоких показателей в регионе Персидского залива⁴. Иранская экономика, которая страдает от экономических санкций и существенно ограничена в источниках бюджетных доходов, все меньше и меньше способна нести такое бремя.

Значительную роль в обострении экономических проблем Ирана также сыграло банковское регулирование. Исключительная опора на идеи исламской экономики и запрет на западные модели банковского дела вынудили иранские финансовые институты выбрать особый путь развития. После исламской революции 1978–1979 гг. финансовый сектор иранской экономики был приведен в соответствие с требованиями Корана. Во-первых, был наложен строгий запрет на использование процентных ставок в их традиционном значении. Вместо этого банки были обязаны принимать участие в проектах своих заемщиков, разделяя

- 1 "Vurud-e doulat be bazar-e berenj va chay-e keshvar. (State Involvement in the Rice and Tea Markets of the Country)," Ettemad, no. 2163 (2010): 5.
- 2 R.H. Akbari, and M. Witt "It's About the Price of Watermelons: Subsidy Reform in Iran," *The International Affairs Review*, March 28, 2011, accessed January 21, 2023, <http://www.iar-gwu.org/node/291>; Malayiry et al. 2007, 28–29.
- 3 Khajehpour 2020.
- 4 Amir Mohseni-Cheraghlo, "Déjà vu all Over Again: The Three 'I's of Gasoline Subsidies and Social Unrest in Iran," *Middle East Institute*, November 25, 2019, accessed January 15, 2023, <https://bit.ly/3Ua4pjQ>; Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," *The Arab Gulf States Institute in Washington*, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>.

с ними не только прибыль, но и риски. В результате иранские финансовые институты в значительной степени потеряли интерес к развитию кредитования и стали уязвимы к системным колебаниям иранской экономики. Государственный контроль, отсутствие конкуренции и изолированность от внешнего мира – все это привело к застою в банковской системе Ирана и ослабило ее роль в национальном экономическом развитии. Вынужденное (фактически полномасштабное) участие иранских банков в проектах своих клиентов стало причиной еще одного серьезного недостатка банковской системы Ирана. Финансовые институты страны превратились в своего рода «государство в государстве», в основном предоставляя деньги аффилированным с ними коммерческим фирмам. Это, в свою очередь, привело к отсутствию стимулов у иранских банков находить и удерживать клиентов, поскольку иранские банки фактически вовлечены в экономическую, а не финансовую деятельность¹.

Несмотря на очевидную необходимость экономических реформ, их осуществление в Иране было и остается трудным. Реформы банковского сектора и социальных программ неизбежно пошли бы вразрез с некоторыми идеологическими принципами правящей политической системы Ирана, которая объявила защиту социальных и экономических интересов малообеспеченных слоев населения одним из своих ключевых приоритетов, а также включение исламских элементов в управление страной².

Переход от экономического роста к социально-экономическому развитию

Последним значительным вызовом в вопросах экономического развития для Ирана является необходимость трансформировать процессы экономического развития в улучшение социальных показателей. Как показывает практика, иранская экономика испытывает с этим значительные проблемы. Более того, они не всегда связаны с санкционным давлением. В 2015–2017 гг. ослабление внешнего давления на экономику страны после принятия СВПД привело к экономическому росту. Однако этот рост не смог трансформироваться в улучшение социальных условий. Ослабление санкций только обогатило верхушку общества, еще больше углубив социальное расслоение в Иране и вызвав раздражение населения действиями кабинета Х. Рухани. Так, после незначительного снижения в 2016 г. уровень безработицы в стране вернулся к уровню 12,5% к 2018 г. (на основе официальных отчетов). Снижение курса иранской валюты продолжалось и в период частичной отмены санкций. Этот процесс сопровождался постепенным снижением покупательной способности иранских домохозяйств и высокими темпами роста потребительских цен. В течение 2015–2017 гг. темпы роста цен на отдельные продукты питания могли составить до 20%. Большой разрыв между богатыми и беднейшими слоями населения остался неизменным, равно как и доля населения, отнесенная к слоям с низким доходом³. Иранская молодежь являлась

1 Maloney 2015.

2 Ibid.

3 Abdollahi et al. 2022.

наиболее социально уязвимой, уровень безработицы среди нее, по оценкам, достигал 40%. С повторным введением санкций в 2018 г. общая ситуация только усугубилась (Таблица 4).

Таблица 4.

ОТДЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ИРАНА НА 2015–2019 ГОДЫ
SELECTED SOCIAL INDICATORS FOR IRAN FOR 2015–2019

Год	Продолжительность жизни	Среднее количество лет школьного образования	ИРЧП	Индекс Джини	Доля населения, живущего на или менее \$6.85 в день (2017 PPP, %)
2015	75.8	9.9	0.774	39.5	22
2016	76.0	10.0	0.784	40	22
2017	76.3	10.0	0.787	40.8	21
2018	76.5	10.1	0.785	42	22
2019	76.7	10.3	0.783	40.9	28
2020	75	n/a	n/a	n/a	n/a

Источник: составлено автором на основе открытых данных UNDP, World Bank.

Традиционно оценка уровня социального развития в Иране вызывает определенную проблему, связанную с выбором ключевых оценочных показателей. Для Ирана картина выглядит двойственной. С одной стороны, мы имеем дело со страной, где средняя продолжительность жизни высока, население имеет доступ к среднему и высшему образованию, а уровень жизни значительно выше, чем у большинства соседей страны. Все это отражено в высоком уровне ИРЧП (Таблица 4), объединяющем все вышеупомянутые показатели. Однако индекс Джини дает иную картину. Он указывает на сохраняющееся расслоение Иранского населения на очень бедных и очень богатых, что находит отражение и в показателе доли населения, живущего за чертой бедности.

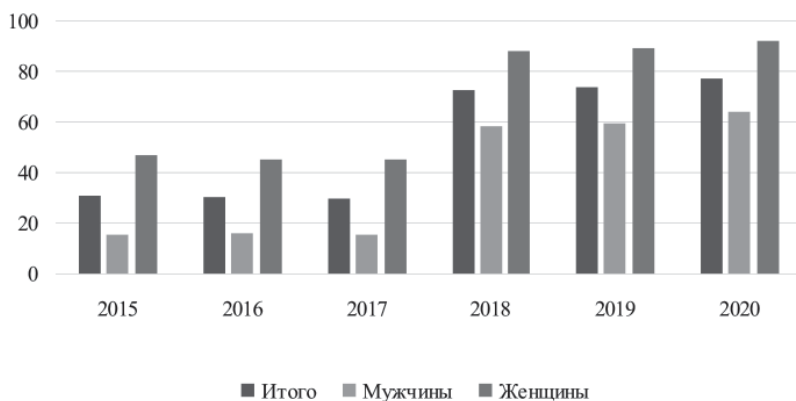
Причины такой двоякой ситуации требуют отдельного углубленного изучения, но уже сейчас можно сказать, что они уходят своими корнями в существующую модель экономического развития Ирана. По своей сути она направлена на приобретение лояльности населения путем обеспечения его основных потребностей (питание, медицинское обслуживание и жилье). Однако эта система не подразумевает сильной мотивации государства к значительному повышению экономического уровня жизни. По крайней мере, это не является приоритетом, когда страна переживает кризис, поскольку средства выделяются прежде всего для обеспечения выживания политической системы. Более того, с прагматической точки зрения дешевле удовлетворять потребности бедного населения, чем иметь дело со страной со значительным средним классом, чьи требования традиционно выше.

При отсутствии активного роста экономики практически невозможно решить одну из главных проблем современного Ирана – безработицу, которая особенно высока среди молодежи. Наиболее сложная ситуация сложилась среди самой молодой части экономически активного населения в возрасте от 15 до 24 лет. Так, со ссылкой на официальную статистику Ирана информационный сайт *Khabaronline* сообщает, что за период с 2015 по 2020 гг. доля людей, не имеющих работы или учебы, в этой категории увеличилась с 31%

до 77% (с 3,6 до 7,1 млн чел.) (График 3).¹ Дополнительное социальное давление создается тем фактом, что значительная часть молодого населения Ирана получила высшее образование, но не может извлечь из него выгоду, найдя подходящую работу.

График 3.

**ДОЛЯ НЕЗАНЯТОГО И НЕУЧАЩЕГОСЯ ИРАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ 15–24 В 2015–2020 ГГ. (%).**
**THE SHARE OF THE UNEMPLOYED AND NON-STUDYING IRANIAN POPULATION
IN THE AGE GROUP 15–24 IN 2015–2020 (%).**

Источник: составлено автором на основе открытых данных Khabaronline.ir.

Иными словами, иранская модель развития фокусируется только на обеспечении первой ценностной категории С. Смита и М. Тодаро (удовлетворение первичных потребностей), в то время как «самооценка» и «свобода» остаются вне ее рамок по причинам, описанным выше. Между тем, социально-экономическое «развитие во всех обществах должно иметь, по крайней мере, следующие три цели²:

1. Повысить доступность и расширить распределение основных жизнеобеспечивающих товаров, таких как продовольствие, жилье, здравоохранение и защита.

2. Для повышения уровня жизни, включая, в дополнение к более высоким доходам, предоставление большего количества рабочих мест, улучшение образования и уделение большего внимания культурным и общечеловеческим ценностям, все это послужит не только повышению материального благосостояния, но и формированию большей индивидуальной и национальной самооценки.

3. Расширить диапазон экономических и социальных выборов, доступных отдельным лицам и нациям, освободив их от рабства и зависимости не только по отношению к другим людям и национальным государствам, но и по отношению к силам невежества и человеческих страданий.

Если применить все три параметра к Ирану, то станет очевидно, что задачи социально-экономического развития в стране достигнуты лишь частично, создавая дополнительную социальную напряженность.

1 "Amar-i Mottanaqez va Tarsnok az Bikari-yi javan dar Keshvar (Contradictory and Frightening Statistics of Youth Unemployment in the Country)," *Khabaronline*, July 25, 2022, accessed January 31, 2023, <https://bit.ly/3DFG4eP>.

2 Todaro et al. 2015, 24.

Выводы

Иранская экономическая модель в своем современном виде возникла как ответ на агрессивную внешнюю среду и непростые внутривнутриполитические условия. Исходя из того, что ее главным приоритетом является обеспечение выживания страны и существующего политического строя в условиях давления извне, можно с полной уверенностью утверждать, что со своей задачей она в значительной степени справилась. Ей также с переменным успехом удается удовлетворять первичные потребности значительной части населения и обеспечивать пусть и неустойчивый, но все же рост. Однако экономика сопротивления испытывает серьезные трудности с обеспечением развития страны и ее общества. С одной стороны, системные проблемы иранской экономики, накопившиеся за последние 40 лет, похоже, достигли той точки, когда их больше нельзя игнорировать¹. Доминирующая роль правительства в иранской экономике; высокие административные издержки; значительный объем теневого сектора экономики Ирана; низкая эффективность частного сектора; неразвитость рыночных механизмов, сопровождаемая протекционистской политикой, создавшей искусственные благоприятные условия для иранских производителей, – входят в список проблем, которые продолжают негативно влиять на развитие Ирана².

С другой стороны, «экономика сопротивления» слабо отвечает потребностям общества в обеспечении таких ценностей, как положительная самооценка и свобода социально-экономического выбора. Пока что иранская экономическая модель была не в состоянии преобразовать даже медленный экономический рост в ускоренное социальное развитие. С середины 2010-х гг. покупательная способность и доходы иранских домохозяйств неуклонно падают. Их расходы на предметы первой необходимости, включая продукты питания, были сокращены в пользу платежей за жилье. К 2022 г. 18,4% населения Ирана жили в абсолютной нищете. Число иранцев, которые жили либо за чертой бедности, либо ниже нее, оценивалось в 60%³. Также неудивительно, что лицом иранских протестов все чаще являются женщины и молодежь, поскольку они представляют две наиболее уязвимые социальные категории иранского общества. По оценкам иранских экономистов, уровень безработицы среди женщин в стране составляет 13% по сравнению с 7,2% для мужчин. Однако эти цифры должны быть удвоены, когда речь идет о молодых людях в возрасте от 18 до 35 лет⁴.

Иными словами, источник многих нынешних и будущих социально-экономических проблем Ирана заключается не в санкциях (они выступают своеобразным катализатором), а в выбранной экономической модели и ее приоритетах. По объективным причинам сейчас обеспечению выживания иранской политической системы дается приоритет над задачами полноценного развития и роста. Однако копящееся социальное напряжение рано или поздно должно заставить руководство Ирана изменить приоритеты для достижения большей внутренней стабильности ИРИ.

1 Khajehpour 2020; Bijan Khajehpour "Deep Data: What Raisi's 'Economic Surgery' Means for Iran," Amwaj.media, June 1, 2022, accessed January 20, 2023, <https://bit.ly/3T7rYIH>.

2 Ibid.

3 "Kalebadshakafi-i naaramiha (Analysis of Unrests)," Donya-i Eqtesad, September 28, 2022, accessed January 20, 2023, <https://bit.ly/3fFuLLA>.

4 Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арабаджян, А.З. Исламская Республика Иран. Экономический потенциал. – М., 2002.
- Arabadzhan, A. *Islamic Republic of Iran. Economic Potential*. Moscow: 2002 [In Russian].
- Abdollahi, M.R., and S.M. Banitaba. *Payesh-e Bakhsh-e Haqiqi-ye Eqtesad-e Iran dar Tirmah 1401 Baksh-e San'at va Ma'dan*. Tehran: Markaz-e Pazhuhash-e Majles-e Shaura-ye Eslami, 2022.
- Abdollahi, M.R., Banitaba, S.M. *Monitoring the Real Sector of Iran's Economy in June – July 2022. Industry and Mining*. Tehran: Parliament Research Center, 2022 [In Persian].
- Afrakhte, H. *Jografiya-ye rustai-ye iran*. Tehran, 2004.
- Afrakhte, H. *Rural Geography of Iran*. Tehran, 2004 [In Persian].
- Akhbari, M., and S. Qulizadeh "Sebat-e eqtesad-e kulan dar ruykard-e eqtesad-e moqavvematī". *Ravand*, no. 71 (2015): 55–78.
- Akhbari, M., and S. Qulizadeh "Approaches of the Resistance Economy to Macroeconomic Stability". *Ravand*, no. 71 (2015): 55–78 [In Persian].
- Amuzegar, J. *Iran's Economy Under the Islamic Republic*. London, New-York, 1993.
- Amuzegar, J. *The Islamic Republic of Iran. Reflections on an Emerging Economy*. New York: Routledge, 2014.
- Asad, A. "Nezam-e eqtesad-e eslami algu-ye kamel bara-ye eqtesad-e moqavvematī." *Falsafe-ye siyasatha-ye rohbardi va kulan*, no. 5 (2015): 25–39.
- Asad, A. "The Islamic Economic System as an Ideal Model for the Resistance Economy." *Falsafe-ye siyasatha-ye rohbardi va kulan*, no. 5 (2015): 25–39 [In Persian].
- Askari, Hossein, John Forrer, Hildy Teegen, and Jiawen Yang. "U.S. Economic Sanctions: Lessons from the Iranian Experience." *Business Economics* 36, no. 3(2001): 7–19.
- Banisadr, A. *Eqtesad-e touhidi*. Tehran, 1979.
- Banisadr, A. *The Economics of Monotheism*. Tehran, 1979 [In Persian].
- Baqeri, A., and M. Musawi. "Mafhumshenasi-ye eatesad-e moqvemmati va tabayyun-e naqsh va jayegah-e an dar dauran-e pasotahrim." *Siyasatha-ye Mali va Eqtesai* 24, no. 6 (2019).
- Baqeri, A., and M. Musawi. "The Concept of the Resistance Economy and the Explanation of its Role in the post-Sanctions Period." *Siyasatha-ye Mali va Eqtesai* 24, no. 6 (2019) [In Persian].
- Beheshti, M.B. *Tous'e-ye eqtesadi-ye iran*. Tabriz, 2005.
- Beheshti, M.B. *The Economic Development of Iran*. Tabriz, 2005 [In Persian].
- Foster, J., and Ch. Handy "External Capabilities." In *Arguments for a Better World: Essays in Honor of Amartya Sen*, edited by K. Basu and R. Kanbur. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Jahaniyan, M. "Naqsh-e doulat dar tous'e-ye eqtesad-e gardeshgari-ye iran ba mehvariya-ye eqtesad-e moqavvematī". *Gardeshgari va tous'e*, no. 9 (2016): 156–177.
- Jahaniyan, M. "The Role of the State in the Development of the Tourism Economy in Iran with Reliance on the Resistance Economy." *Gardeshgari va tous'e*, no. 9 (2016): 156–177 [In Persian].
- Jalilvand, D. "Iranian Energy between Nuclear Deal, Oil Price Decline and the New US Administration." In *The Political and Economic Challenges of Energy in The Middle East and North Africa*, edited by D. Jalilvand and K. Westphal. New York: Routledge, 2018.
- Katzman, K. *Iran Sanctions*. Washington DC: Congressional Research Center, 2022.
- Khajepour, B. *Anatomy of the Iranian Economy*. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs, 2020.
- Khanlu, M. "Pardakht-e 52,4 khezar millyard riyal yaraneh-ye kalaha-ye asasi dar sal-e 1386." *Barnameh*, no. 204 (2007): 12–6.
- Khanlu, M. "The Payment of 52.4 trillion Riyal Subsidies for the Basic Products in 2007/8." *Barnameh*, no. 204 (2007): 12–16 [In Persian].
- Malayiry, F., and G. Yavary. *Barrasi-ye siyasat-e emayati az bakhsh-e keshavarzi dar keshvarha-ye muntakheb va iran*. Tehran, 2007.
- Malayiry, F., and G. Yavary. *The Analysis of Protectionist Policies in the Agricultural Sector of Selected Countries and Iran*. Tehran, 2007 [In Persian].
- Maloney, S. *Iran's Political Economy Since the Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Matii-Langrudi, S.H. *Jografiya-ye eqtesadi-ye iran*. Mashhad, 2007.
- Matii-Langrudi, S.H. *The Economic Geography of Iran*. Mashhad, 2007 [In Persian].
- Milani, J. "Eqtesad-e meeli va khodbavari-ye melli. Fursatha va chalesha-ye tahaqqoq-e an." *Majalle-ye eqtesadi*, no. 7–8 (2015): 5–22.
- Milani, J. "National Economy and National Confidence. Opportunities and Challenges of its Implementation." *Majalle-ye eqtesadi*, no. 7–8 (2015): 5–22 [In Persian].
- Mirjalili, H. *Eqtesad-e moqavvematī*. Tehran, 2020.
- Mirjalili, H. *Resistance Economy*. Tehran, 2020 [In Persian].
- Moret, Erica S. "Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria." *European Security* 24, no. 1 (2015): 120–140. <http://dx.doi.org/10.1080/09662839.2014.893427>.
- Razzaki, I. *Ashnai ba eqtesad-e iran*. Tehran, 2003.
- Razzaki, I. *Introduction to the Economy of Iran*. Tehran, 2003 [In Persian].
- Sadjadpour K. *Reading Khamenei: The World View of Iran's Most Powerful Leader*. Washington: CEIP, 2009.
- Sadr, M. *Eqtesad-e ma*. Tehran, 1969.
- Sadr, M. *Our Economy*. Tehran, 1969 [In Persian].
- Schirazi, A. *Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran*. London, 1993.
- Sen, A. "Development Thinking at the Beginning of the 21st Century." In *Economic and Social Development in the XXI Century*, edited by L. Emmerij. Washington: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Sen, A. *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: Elsevier, 1985.
- Taleghani, A. *Eslam va malekiyyat*. Tehran, 1954.
- Taleghani, A. *Islam and Ownership*. Tehran, 1954 [In Persian].
- Tehrani, A. *Eqtesad-e eslami*. Tehran, 1974.
- Tehrani, A. *Islamic Economy*. Tehran, 1974 [In Persian].
- Todaro, M., and S. Smith. *Economic Development*. New York: Pearson, 2015.
- Мамедова, Н. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века – основные тенденции

и перспективы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой. Москва: ИВ РАН, 2016.

Mamedova, N. "Iran's Economic Development in the Second Decade of the XXI Century – Main Trends and Prospects." In *Iran in the Second Decade of the XXI Century: Challenges and Prospects*, edited by N. Mamedova, M. Kameneva, and I. Fedorova. Moscow: IVRAN, 2016. [In Russian].

Мамедова, Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. – М., 1997.

Mamedova, N., *Iran in the XX Century. The Role of the State in the Economic Development*. Moscow, 1997. [In Russian].

Обухова, А. Импортно-экспортный потенциал Исламской Республики Иран // *Иран: история и со-*

временность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. – Москва: ИВ РАН, 2014.

Obukhova, A. "Import-Export Potential of the Islamic Republic of Iran", In *Iran: History and Modernity*, edited by L. Kulagina, and N. Mamedova. Moscow: IVRAN, 2014 [In Russian].

Тимофеев, И., Соколышчик, Ю., Морозов, В. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. –2022. –15(4). – С. 56–71. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404>.

Timofeev, I., Sokolshchik, Y., Morozov, V. "Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the New International Context," *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 15 (2022): 56–71 [In Russian].

Сведения об авторе

Кожанов Николай Александрович,

к.э.н., с.н.с., Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23,
e-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 3 февраля 2023.

Переработана: 20 февраля 2023.

Принята к публикации: 1 марта 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кожанов, Н.А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // *Международная аналитика*. – 2023. – Том 14 (1). – С. 72–91.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91>

Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development

ABSTRACT

In recent years, conservative forces in Iran have lambasted their moderate and pragmatic rivals for their inability to solve the country's economic issues and improve the living standards of its populace. However, since Ebrahim Raisi won the presidential election in 2021, Iranian conservatives have had their own chance to tackle the country's internal challenges, being the last of the political forces without direct influence on the economic decision-making system for a long time. Nevertheless, their failed attempts to foster economic growth under sanctions pressure may prove critical to the Islamic Republic. Not only the conservative part of the establishment but the entire political system may risk losing what remains of its credibility with the Iranian people, who could perceive it as incapable of effectively managing the economy. Furthermore, the government's success in resolving the current socio-economic development issues is also pivotal to the political future of E. Raisi. His failure would deprive him of any opportunity to claim the post of the next supreme leader of Iran. Meanwhile, the accumulated structural problems of the Iranian economy and the external sanctions pressure can render achieving economic progress a daunting, if not insurmountable, task. This paper seeks to elucidate why there is significant social tension in Iran, resulting in periodic outbursts of protest, and why the economic situation is deemed a crisis, despite the relative resilience of the Iranian economy to external and internal challenges, as well as the macroeconomic performance dynamics, which are not necessarily inferior to those of Iran's regional neighbors. To answer this question, the paper analyzes the main economic challenges facing the country's leadership and the extent to which the goals and priorities of the implemented "resistance economy" doctrine provide an adequate response to them. As a theoretical tool, the author employs the ideas of M. Todaro, A. Sen, S. Smith, J. Foster, and C. Handy, justifying the need for any state to transcend the simple parameters of economic growth in formulating its development strategy and think more comprehensively, focusing primarily on creating a social and economic environment that is comfortable for its citizens. As a result, the author concludes that the model of the Iranian economy that has been formed in an aggressive environment prioritizes the survival of the existing political system, approaching the issue of economic growth as secondary and failing to satisfy some popular needs beyond the basic ones. It is incapable of ensuring comprehensive sustainable socio-economic development, which over time leads to the accumulation of internal tension in Iranian society.

KEYWORDS

Iran, sanctions, socio-economic development, resistance economy

Author

Nikolai A. Kozhanov,

PhD in Economic sciences, Senior researcher at Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, Trade Union street, 23,
e-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

Additional information

Received: February 3, 2023. Revised: February 20, 2023. Accepted: March 1, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kozhanov, Nikolai A. "Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 72–91.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91>.

Экономическое развитие как способ компенсации внешнеполитических рисков: пример Армении

Норайр Арменович Дунамалян, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

Ваге Самвелович Давтян, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

Агаси Ашотович Тавадян, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

Контактный адрес: norayr.dunamalyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Долгие годы экономика Республики Армения (РА) справлялась с кризисными ситуациями и балансировала в условиях постоянных политических потрясений. За 35 лет армянской экономике предстояло преодолеть последствия Спитакского землетрясения, Первой карабахской войны, спада ВВП на более чем 50%, транспортной блокады и экономического кризиса 2008 г. После 44-дневной войны 2020 г. в Нагорном Карабахе условия развития Армении, в т.ч. экономического, резко изменились, создав новые риски. Более широкая картина международной конфронтации, вылившейся в военные действия на Украине в 2022 г., предоставила для армянской экономики возможности роста в условиях геополитической неопределенности. События 2022 г. оказали положительное воздействие на экономический рост в Армении, однако возможная продолжительность такого эффекта на экономику Армении остается под вопросом и зависит от конкретных подходов руководства республики, а также сохранения нынешних условий. В данной статье мы пытаемся найти взаимосвязь между экономикой и внешней политикой Республики Армения в контексте глобальных и региональных изменений. Вместе с тем политика армянского руководства рассматривается сквозь призму основных признаков понятия «малое государство». Особое внимание уделяется логике изменения подходов к внешней политике на протяжении всего периода независимости. В статье ставится вопрос о важности восприятия политической элитой места и роли экономики в осуществлении внешней политики, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее позиционирование государства на международной арене. На основе большого массива статистических данных в статье представлены причины резкого роста ВВП Армении в 2022 г., а также проанализирована его структура. Развитие энергосистемы страны показано в качестве иллюстрации становления отдельной отрасли, совмещающей возможности экспорта, инвестиционного потенциала и формирования рисков. Также указаны причины относительной стабильности армянской экономики на фоне постоянной угрозы военной эскалации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Армения, внешняя политика, политический риск, экономическое развитие, кризис, малое государство

Введение

Изучение взаимосвязи политических и экономических процессов в Армении во многих аспектах нуждается в более тщательном и системном анализе, поскольку научная литература, касающаяся проблематики влияния экономического развития на внешнюю политику, довольно скудна. Вместе с тем за последние годы среди работ армянских исследователей можно выделить несколько блоков научной литературы, посвященной взаимовлиянию политики и экономики: междисциплинарный анализ внутренней политики с учетом экономического фактора¹; выявление корреляции между экономикой, внутренней и внешней политикой в контексте исследования концепта «малое государство» (*small state*)²; аналитические доклады о влиянии геополитических процессов на экономику Армении после начала военных действий на Украине³. Системный характер исследований армянских ученых в основном касается внутренней политики, поскольку попытке вписать политическое развитие Армении в более широкий контекст, выходящий за рамки определенной модели анализа, воспринимается как размывание изучаемого вопроса. Кроме того, существует проблема интеграции политологического и экономического знания, что не способствует качественному развитию данной отрасли знания.

Актуальность выбранной темы заключается не столько в анализе влияния последствий военного конфликта на Украине, сколько в попытке поиска взаимосвязей между армянской экономикой и политическим курсом республики в разные годы становления. В этом контексте понятие «экономическое развитие» обозначает возможный ряд качественных изменений в экономике Армении, последовавший после появления первых косвенных «эффектов» нового украинского кризиса. Возникшие тенденции неопределенности, дестабилизации, незапного изменения в политической и экономической сферах осмысляются через категорию «риска», в том числе «внешнеполитического риска» в качестве выражения постоянной угрозы неблагоприятных последствий после поражения во Второй карабахской войне.

В основе исследования, представленного в статье, лежат две гипотезы, связанные с текущей уязвимой ситуацией в аспекте обеспечения национальной безопасности Республики Армения и восприятия армянской элитой и обществом статуса армянского государства в контексте выбора дальнейшей стратегии политического и экономического развития. Первая гипотеза касается переосмысления армянской политической элитой статуса Армении после поражения во Второй карабахской войне, сводящего восприятие Республики Армения к классическому пониманию концепции «малого государства», которое «...признает, что не в состоянии обеспечить свою безопасность исходя из собственных ресурсов и возможностей, поэтому оно возлагает надежды на содействие других государств и международных институтов»⁴ или же «вынуждено вступать в асим-

1 В этом контексте можно выделить работы, опубликованные под эгидой Института Кавказа: Iskandaryan et al. 2016; Микаелян 2016.

2 Galstyan 2019; Galstyan 2021.

3 Например, Aghabekyan 2022.

4 Rothstein 1968, 29–30.

метричные отношения, полагаясь на поддержку крупных держав или межгосударственных объединений»¹. Современные концепции, затрудняясь сформулировать универсальное определение понятия «малое государство», предлагают рассматривать элемент самовосприятия государства как один из ключевых факторов в определении собственного веса в международных отношениях наравне с «размером» суверенитета, территории, политических (способности государства формировать внешнеполитический консенсус и способности иметь внутреннюю сплоченность) и экономических (размер ВВП и процесс развития) возможностей. Вместе с тем отмечается, что малые страны, воспринимающие себя в качестве значимых акторов международных отношений, могут добиться определенных успехов, в то время как иной подход может вести к реактивной внешней политике². С другой стороны, отмечается, что «малая страна – это государство, лидеры которого считают, что оно никогда не сможет, действуя в одиночку или в малой группе, оказать существенное влияние на систему»³. Таким образом, возникает вопрос о том, что такая относительность восприятия «размеров» государства может отразиться на реальной приоритизации тех или иных сфер развития, где одна сфера будет принесена в жертву другой. В этом контексте следует говорить о конструктивистских принципах исследования, опирающихся на субъективное восприятие политических и экономических процессов армянскими элитами, что будет показано ниже.

За 30 лет независимости в Армении сменилось четыре подхода к внешней политике, реализованных в довольно жестких рамках развития, обусловленных транспортной блокадой, угрозой эскалации военного конфликта и дефицитом доверия между властью и обществом. Экономика развивающегося государства здесь играла ключевую роль, хотя многие тренды, конституировавшие армянскую государственность, формировались стихийно или образовывались на сильном эмоциональном фоне, связанном с вопросами национальной идентичности и исторической памяти. Так или иначе, экономические реформы воспринимались в качестве инструмента включения Армении в международные и региональные процессы с оглядкой на актуальные риски.

Радикальные аграрные реформы, проведенные в 1991–1993 гг. в Армении, были призваны решить проблемы с выживанием населения в условиях войны и почти полной блокады (во время гражданской войны в Грузии открыта была лишь граница с Ираном). В результате было приватизировано более 400 тыс. га сельхозугодий⁴, а сельское хозяйство стало одним из ключевых направлений экономики Армении, хотя его доля в ВВП республики постепенно уменьшалась (от 26% в 1998 г. до 11% в 2022). Принципиальное решение президента РА Л.А. Тер-Петросяна перевести республику на рельсы рыночной экономики казалось необходимостью в военный и поствоенный период, однако многие аспекты изменения структуры экономических отношений касались скорее либеральных воззрений реформаторов, чем стратегической картины развития.

1 Смирнов 2016, 45.

2 Thorhallsson 2006.

3 Keohane 1969, 296.

4 Жарков 1998, 267.

Однозначный выбор «рыночного» пути отражался также и в необходимости «прагматизации» внешней политики, под чем первый президент Армении понимал скорую нормализацию отношений с Турцией и Азербайджаном, а также решение карабахского конфликта на основе территориальных и статусных уступок с армянской стороны. В ином случае, по мнению первого президента, молодая армянская экономика могла «задохнуться» в потенциально враждебном окружении. Л.А. Тер-Петросян видел также определенный вред в использовании исторической памяти как инструмента внешней политики, препятствовавшего установлению деловых отношений с соседними государствами, а также способствовавшего искусственному ограничению политических и экономических возможностей Республики Армения. В конечном счете такой подход столкнулся с сильной внутренней и внешней оппозицией, что привело к отставке Л.А. Тер-Петросяна и смене вектора.

Подход первого президента РА заключался в восприятии факта наличия военного конфликта как ключевой проблемы экономического развития, хотя последующие периоды продемонстрировали возможности адаптации армянской экономики к блокаде и иным негативным воздействиям внешней среды. Во всяком случае, карабахский конфликт стал структурирующим элементом в контексте восприятия внешнеполитических и экономических приоритетов. Если первый подход можно назвать «прагматическим», то второй – ассоциируемый с периодом правления Р.С. Кочаряна – «идеологизированным», так как стремление к консолидации ресурсов Армении, Нагорно-Карабахской Республики Арцаха (НКР) и диаспоры воспринималось как одно из важнейших направлений внешней и внутренней политики¹. Кроме того, благоприятные условия развития мировой экономики привели к приходу «свободных денег» в армянскую экономику в виде внешних инвестиций и трансфертов из-за рубежа. К тому же 2000-е гг. «настроили» армянскую экономику на импортную ориентацию, спровоцировав при росте сектора строительства и подорожании армянского драма «голландскую болезнь»². Вследствие роста цен на нефть после 2003 г. вырос приток трансфертов и инвестиций из России, что усилило зависимость армянской экономики от российской. В политике, как и в экономике, несмотря на продолжительные шаги в сторону евроинтеграции, сформировался феномен *path dependence* (эффект колеи), усилившийся после экономического кризиса 2008 г. и ознаменованный в дальнейшем падением ВВП Армении на 14,2%.

Во многом участие Армении в евразийской интеграции было предопределено прошлой политикой армянского руководства, а также необходимостью поиска рынков сбыта и стимуляции экспорта. Внешнюю политику третьего президента РА С.А. Саргсяна можно описать именно в контексте *path dependence*, когда многие усилия армянской власти были направлены на преодоление экономического спада на фоне продолжающегося внутривластного кризиса, что не позволило окончательно переосмыслить направление экономической политики Армении вплоть до смены власти в 2018 г.

1 Aberg, Terzyan 2018, 156–158.

2 Айвазян et al. 2014.

Как несложно заметить, многие тенденции развития Армении соответствовали типичным признакам малого государства, страдающего от ряда ограничений, связанных с небольшими размерами территории, узкой ресурсной базой, малым внутренним рынком и исторически сложившейся зависимостью от сырьевых товаров для экспорта¹. У Армении не оставалось иного выбора, кроме как использовать возможности активизации торговли с другими государствами, стремясь к открытости в экономическом (и в политическом) плане². Кроме того, малые государства обычно оказываются «более слабой стороной в асимметричных отношениях, неспособной изменить характер или функционирование отношений [самостоятельно]»³. Действия малых стран также «привязаны к конфигурации сил и ее институциональному выражению, независимо от их конкретного отношения к ней» как на региональном, так и на глобальном уровне⁴.

Однако кейс Армении отличается многофакторным характером формирования государственных интересов, где в определенные периоды независимости восприятие своего потенциала могло формироваться посредством взаимовлияния дискурсов элит Республики Армения, НКР и диаспоры. Несмотря на то, что в некоторых концепциях изучения малых стран отмечается доминирование внутренней политики в вопросе определения внешней политики (националистическая ориентация и отказ от реалистической парадигмы)⁵, армянский пример выпадает из общей логики, подчиняясь лекалам этноконфессиональной модели национальной идентичности, способствующей быстрой мобилизации культурного национализма на основе определенных исторических травм, восприятия «исторической родины» и элементов самосознания, но не обособлению интересов Республики Армения от «интересов армянства». Этнокультурная модель армянства повлияла также и на структуру армянской экономики, стимулируя импортную ориентацию экономики за счет трансфертов (помощь представителей диаспоры и денежные переводы трудовых мигрантов) и поощряя рост сектора строительства до 2009 г.

Армянский транснационализм, направленный на унификацию интересов различных сообществ, ассоциирующих себя с армянской нацией, не был капитализирован независимой республикой на долгосрочной основе. Этому препятствовали гетерогенность армянских общин диаспоры, проблемы с согласованием интересов внутри и вне Республики Армения, разноректорная «агентность» армянских политических элит, фактор изменения внешнеполитической среды и отсутствие стратегического планирования. Наиболее ярко раскол между элитами проявился после 44-дневной войны в 2020 г., когда поражение в войне было интерпретировано армянским руководством как необходимость отказа от прошлых «амбиций» и концентрации на интересах сугубо Республики Армения⁶.

1 Briguglio 2003.

2 Bishop 2012, 948.

3 Wivel et al. 2014, 9.

4 Mouritzen, Wivel 2005.

5 Новикова 2022, 231.

6 «Да Независимости, Да Суверенитету, Да Республике Армения!» Поздравление Пашиняна с Днем Независимости // Арменпресс. 21 сентября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1093038/> (дата обращения: 11.03.2023); Эдуард Агаджанян: У Армении отныне нет возможностей, ресурсов для обеспечения прав и свобод народа Арцаха // Panorama.am. 8 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2022/10/08/Эдуард-Агаджанян/2740744/> (дата обращения: 11.03.2023).

Таким образом, подходы внешней политики Армении вернулись к переосмыслению «прагматизма» в условиях высокого риска для национальной безопасности Армении.

В этом контексте экономика имеет подчиненный характер, и многие реформы, проведенные в независимой Армении, были предназначены для преодоления негативных последствий политических решений и ухудшения внешней военно-политической обстановки (примеры таких реформ: аграрная реформа 1991–1993 гг., усилия по выходу из кризиса 2008 г., интеграция в рамках ЕАЭС и сотрудничество с ЕС). Однако признание политической элитой неспособности влиять на сложившуюся систему отношений в регионе и мире демонстрирует приверженность становлению концепта «малой страны» в рамках сосредоточения на решении экономических проблем, предоставляющих хороший результат для внутренней стабильности общества. Иными словами, малые государства стремятся сохранить статус-кво в международных отношениях¹ или же пытаются улучшить внешнюю среду (в случае Армении – нормализация отношений с Турцией, подписание мирного договора с Азербайджаном) для дальнейшей стабилизации внутри- и внешнеполитической ситуации.

Уязвимость политической и экономической структур государства может привести к тому, что некоторые приоритеты развития будут игнорироваться в пользу других, таких как экономика или внешняя политика. Основная проблема заключается в том, что в Армении восприятие политического риска под влиянием адаптации к искусственным ограничениям (блокада) формировалось специфическим образом, не присущим малым странам. Фактор карабахского конфликта создавал необходимость построения такой политической и экономической системы, которая, учитывая высокий уровень риска, смогла бы существовать в условиях постоянной угрозы военных действий и способствовать сохранению сложившегося баланса сил. Переход к осмыслению армянской элитой концепта «малого государства» в качестве магистрального видения будущего Армении возможен только в случае полного реформирования изначальных предпосылок развития республики, однако сохранение и усиление факторов политического риска способствуют циклическому повторению политических и экономических процессов.

Вторая гипотеза исходит именно из проблемы восприятия политического риска. Компенсация политических рисков посредством экономического развития нуждается в повышении управляемости процессов, если понимать под термином «политический риск» неопределенность среды, в которой действуют все нерыночные силы². Это означает, что при оценке политических рисков их можно рассматривать как в качестве источника негативного воздействия, так и с точки зрения появления новых возможностей и ресурсов для экономического развития. Однако понятия «политического риска» и «неопределенности» следует разграничивать, так как риск предполагает более четкое прогнозирование действий субъекта, а неопределенность возникает в случае его неподго-

1 Rothstein 1968, 29.

2 Подколзина, 1996, 24.

товленности к последствиям определенного события¹. Армения, причисляемая к категории стран с высоким приемлемым риском (индекса оценки странового риска)², продолжает обладать высоким уровнем уязвимости перед внешними рисками, которые могут приводить к непредсказуемым отрицательным или же положительным результатам. По тому же индексу «сильными сторонами» Армении представлены: значительные запасы минеральных ресурсов и руды (золото, медь, молибден, цинк); комфортные валютные резервы и относительная гибкость курса драма; значительная финансовая поддержка со стороны международных организаций, включая Международный валютный фонд (МВФ); участие в ЕАЭС и соглашения о партнерстве с Европейским союзом (ЕС); готовность к реформам в областях борьбы с коррупцией и повышения конкуренции.

«Стабильная уязвимость»

Открытость экономики Армении способствовала формированию новых возможностей, однако низкий уровень управляемости рисков подвергали экономику Армении постоянным потрясениям, проявившимся вследствие кризисов 2008, 2015 и 2020 гг. В эти периоды экономика Армении демонстрировала как высокий уровень уязвимости, так и способность к сравнительно быстрому восстановлению. Так, экономический спад 2008–2009 гг. был преодолен к 2014 г., однако привязанность к внешним рынкам, геополитические изменения и ресурсоориентированность не позволяли армянской экономике выйти из длительного кризисного цикла. Уже к 2021 г. в армянской экономике начала просматриваться тенденция к освобождению от «ресурсного проклятия», поскольку вес минеральных продуктов и неблагородных металлов составил 39,3% от экспорта товаров и 25,1% от экспорта товаров и услуг. Этот показатель в 2022 г., в основном из-за роста реэкспорта, снизился до 24,2% от экспорта товаров и, по нашей оценке, до 15% от экспорта всех товаров и услуг. Кроме того, в 2021 г. экспорт услуг составил 1,7 млрд долл. США: туристические услуги – 46,3%, информационные технологии – 21,9%, транспортные услуги – 18,0%, строительные услуги – 5,2%. Хотя информация об экспорте услуг на 2022 г. пока не опубликована, с уверенностью можно прогнозировать значительный рост в сфере туризма, транспорта и информационных технологий, так как за 10 лет экспорт услуг рос поступательно (кроме 2020), а иммиграция россиян в 2022 г. может стать основой роста сфер туризма и информационных технологий (количество занятых в ИТ повысилось на 9100 чел. или на 39%).

Внешнеполитические факторы всегда играли для Армении двоякую роль, что можно заметить и сегодня. Вторжение США в Ирак 2003 г. привело к росту цен на сырье, что дополнительно стимулировало добычу металлических руд в Армении и их простейшую переработку. В дальнейшем данная, казавшаяся на первый взгляд позитивной тенденция начала подрывать остальную промышленность и стала одной из причин экономического спада в 2009 г. Замедление роста ВВП

1 Нечкин 2018, 116.

2 "Armenia: Risk Assessment," globalEDGE, February 1, 2022, accessed March 11, 2023, <https://globaleedge.msu.edu/countries/armenia/risk>.

Армении (6,8%) в 2008 г. некоторые аналитики объясняли Августовской войной¹. Введенные против России после присоединения Крыма в 2014 г. санкции ударили по армянской экономике в виде снижения объемов трансфертов, что наблюдалось вплоть до резкого скачка денежных переводов извне в 2022 г. В 2020 г. на Армении сказались последствия пандемии COVID-19 и Второй карабахской войны в контексте спада ВВП на 7,6%, однако наибольшим потрясением для армянской экономики стал значительный экономический рост после начала военных действий на Украине в 2022 г.

Несмотря на большое влияние внешней среды на армянскую экономику, основной проблемой для всего периода развития Армении оставались ориентация на импорт, приоритизация одной из экономических отраслей (сырьевой сектор, строительство, туризм) и неравномерное структурное развитие. Проблемы коррупции, социальной поляризации и другие социально-экономические вопросы трансформации в экономике сопровождались переменами в политической жизни страны, повышая уровень риска и снижая контролируемость процессов. С 2008 по 2018 гг. доверие к власти постепенно снижалось², что вылилось в массовые протесты в 2018 г. и последовавшую смену власти. Включение Армении в евразийский интеграционный проект в 2015 г. многие также рассматривали как политическое решение, но в экономической сфере это событие стало скорее позитивным явлением, поскольку способствовало росту экспорта армянской продукции³.

В армянской политической действительности Рубикон был перейден в 2020 г., когда жизнь страны разделилась на «до» и «после» и Армения вошла в период продолжающейся по сей день внешней и внутренней неопределенности. Экономика на эти перемены отвечала неспешно, хотя после «бархатной революции» были предприняты попытки проведения неолиберальных реформ внутри страны, что имело определенное воздействие на микроуровне, но не привело к значительному эффекту. После войны 2020 г. встал вопрос о пересмотре многих основ армянского государства, в том числе и экономики, однако быстрых шагов по трансформации политической и экономической системы не было осуществлено по причине опасения углубления политического кризиса и дестабилизации ситуации. Вместо этого в феврале 2022 г. наметился очередной этап переформатирования постсоветского пространства, который по-новому представил перспективы развития государств региона и евразийской интеграции в целом. Для Армении бурные процессы, возникшие после начала военных действий между Россией и Украиной, стали основой для резкого экономического роста.

Причины роста армянской экономики в 2022 г.

По данным Статистического комитета Армении, ВВП за 2022 г. вырос на 12,6%, что стало самым высоким показателем за последние 15 лет. Однако эта оценка роста ВВП Армении указана в долларах без учета инфляции. Также

1 Хачатрян 2009, 50.

2 Саркисян, Дунамалян 2020, 62.

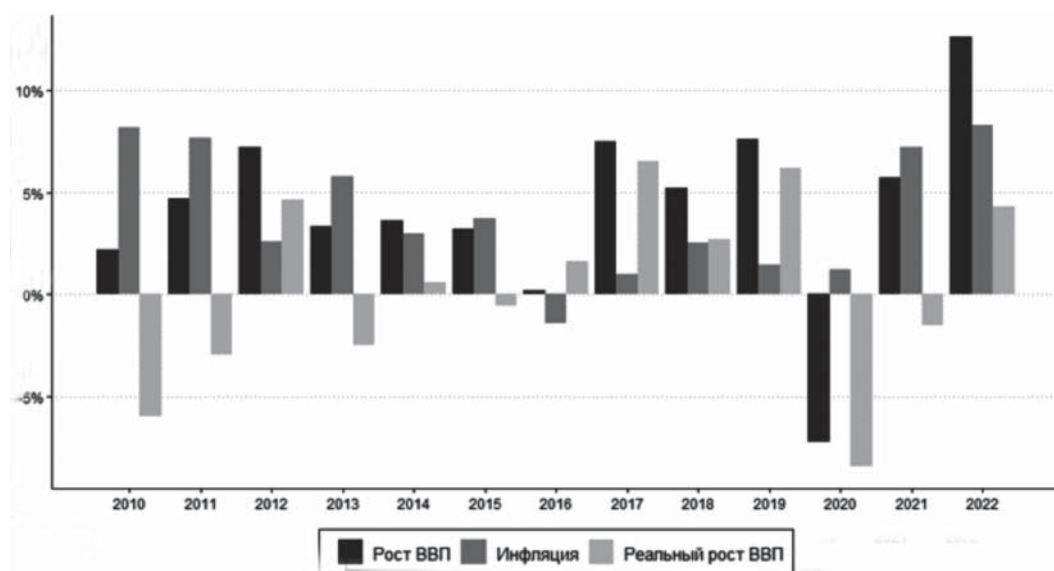
3 Dunamalyan 2020.

стоит учитывать фактор влияния событий на Украине, которые могли повлиять на экономику Армении в виде притока капитала и квалифицированной рабочей силы из России (в большей степени), Украины и Белоруссии (в меньшей), что оказало существенное влияние на рост экономики Армении. Для более точной оценки экономического роста необходимо измерять ВВП также с учетом инфляции.

Ставка рефинансирования Центрального банка Армении сохраняется на уровне 10,75% с конца 2022 г. Это самый высокий уровень затрат на заемные средства для экономики за последнее 25 лет. Индекс общей инфляции снижается пятый месяц подряд до 8,3% в декабре, и ожидается, что она постепенно будет уменьшаться и стабилизироваться во второй половине 2023 г. Также возникают вопросы о целесообразности высокой процентной ставки рефинансирования. Экономическая активность увеличилась за 2022 г., в основном благодаря сильному внешнему спросу. Также, если смотреть на рост ВВП Армении с учетом инфляции, реальный рост составил 4,3%, что меньше реального роста 2017 г. и 2019 г., когда реальный рост ВВП составлял 6,53% и 6,16% соответственно (см. *Рисунок 1*).

Рисунок 1.

**ДИНАМИКА РОСТА НОМИНАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ВВП АРМЕНИИ
(С УЧЕТОМ ИНФЛЯЦИИ)
DYNAMICS OF NOMINAL AND REAL GDP GROWTH IN ARMENIA
(ADJUSTED FOR INFLATION)**

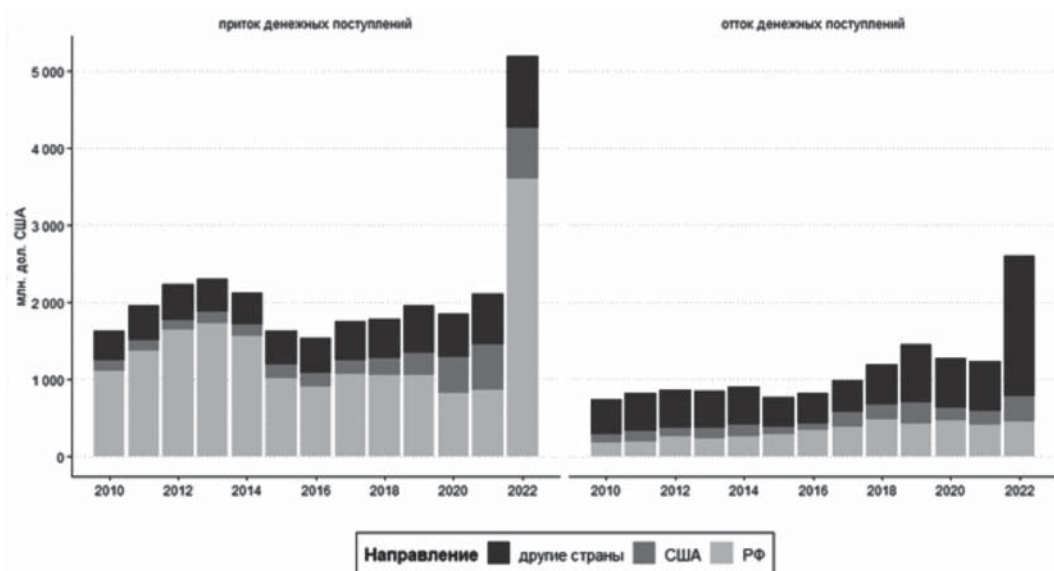

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического комитета Республики Армения.

Банковские поступления, которые характеризуют также трансферты, выросли практически в 2,5 раза (с 2,1 до 5,2 млрд долл. США), в основном из-за банковских поступлений из России, которые выросли более чем в 4 раза (с 865 млн до 3,6 млрд долл. США). До 2022 г. пиковым для банковских поступлений был 2013 г., когда соотношение трансфертов к ВВП было зарегистрировано на уровне 19,7%, с этого времени соотношение снижалось до 9,5% (2021) (см. *Рисунок 2*).

Рисунок 2.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ЧЕРЕЗ БАНКОВСКУЮ СИСТЕМУ РА PERSONAL REMITTANCES THROUGH BANKING SYSTEM OF RA

Источник: составлено авторами на основе данных Центрального банка Республики Армения.

Такая динамика объясняется тем, что с 2013 г. трудовая миграция из Армении в Россию сокращалась, и вместе с этим показателем было зафиксировано также снижение трансфертов. С начала 2022 г. идет обратная тенденция рабочей миграции. По различным оценкам, примерно 200 тыс. граждан РФ переехали на работу в Армению, с чем и связан рост отношения трансфертов к ВВП. Такой рост банковских переводов связан в первую очередь с западными санкциями, которые были введены против России, этим также объясняется беспрецедентный рост экспорта и импорта Армении в 2022 г. и, следовательно, экономический рост.

В Армении за 2022 г. зафиксирован значительный рост товарооборота. По сравнению с 2021 г. экспорт Армении вырос на 77,7% (с 3,0 до 5,4 млн долл. США). Отметим, что росту экспорта в основном способствует единый и свободный рынок ЕАЭС. Только за 2022 г. экспорт в страны ЕАЭС вырос в 2,8 раза (с 883 млн до 2,5 млрд долл. США). По сравнению с этим экспорт в Евросоюз за 2022 г. вырос на 17,8% (с 656 до 773 млн долл.), в Китай – сократился на 2% (сокращение с 403 до 395 млн. долл.), а товаропоток в регион Среднего Востока увеличился в 2,8 раза (с 351 до 984 млн долл.). Динамика роста экспорта с ЕС и Китай связана с тем, что практически весь экспорт Армении в Китай (97%) и 37,8% экспорта в ЕАЭС основаны на торговле рудой цветных металлов (см. *Таблицу 1*).

Экспорт Армении в ЕАЭС с момента создания этого интеграционного проекта увеличился примерно в 10 раз. В 2015 г. торговля со странами ЕАЭС составляла около 15% от совокупного экспорта Армении, в 2021 г. – 29,3%, в 2022 – 46,8%. Россия традиционно является основным торговым партнером Армении, и доля экспорта в Россию имеет наиболее диверсифицированный характер, поскольку в РФ экспортируется в основном готовая продукция. Однако стоит отметить, что

на фоне геополитических изменений и переориентации многих торговых цепочек вырос экспорт во все страны ЕАЭС: в РФ – в 2,9 раза, в Казахстан – на 67,4%, в Белоруссию – в 2,6 раза, в Кыргызстан – в 2,2 раза. Кроме того, в 2022 г. основной статьёй экспорта Армении в ЕАЭС стала техника, экспорт которой вырос за год более чем в 10 раз. Этот факт можно объяснить реэкспортом товаров в Россию по причине санкций, что официально не регистрируется, однако влияет на рост экспорта и экономики Армении.

Таблица 1.

**ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА
(МЛН ДОЛЛ. США)
DYNAMICS OF EXPORT-IMPORT RATIO (USD MLN)**

Регионы	Экспорт				Импорт			
	2021	2022	Рост (%)	Процент от общего (%) (2022)	2021	2022	Рост (%)	Процент от общего (%) (2022)
ЕАЭС	883	2.510	184,4	46,8	1,851	2,758	49,0	31,4
ЕС	656	773	17,8	14,4	932	1.470	57,8	16,8
Большой Китай	403	395	-2,0	7,4	879	1.391	58,3	15,9
Средний Восток	351	984	180,1	18,4	585	974	66,4	11,1
Другие страны	723	698	-3,5	13,0	1.116	2.177	95,1	24,8
Всего	3.016	5.360	77,7	100,0	5.362	8.769	63,5	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического комитета Республики Армения.

За 2022 г. экспорт руды цветных металлов практически не поменялся (с 923 до 922 млн долл.). Отметим, что в 2021 г. экспорт руды цветных металлов вырос на 30,6%. За 2022 г. экспорт руды цветных металлов составил 17,2% от совокупного экспорта, по сравнению с 30,6% в 2021 г. Эта динамика связана в основном с укреплением драма к доллару (с 480 до 400 драм к одному доллару с начала года). За 2022 г. более чем втрое увеличился экспорт драгоценных и полудрагоценных камней (с 326 до 989 млн долл.), табака – на 37,8%, а экспорт алкогольной и безалкогольной продукции вырос на 23,4%.

Важное значение для развития Армении имеет легкая промышленность, удельный вес которой в 2018 г. составил 9%. За 2021 г. этот показатель упал до 5,9% от всего экспорта, а за 2022 г. сократился до 3,5%. Возрожденная легкая промышленность имеет потенциал стать локомотивом для обеспечения экономического роста Армении. Имеются возможности для роста экспорта легкой промышленности. Это имеет важное значение, ибо обеспечивает значительное повышение уровня занятости¹.

Динамика импорта сопоставима с динамикой экспорта. За 2022 г. импорт вырос на 63,5% (с 5,4 до 8,8 млрд долл. США). Торговое сальдо имеет позитивную динамику, разница между импортом и экспортом за последний год сократилась. За 2022 г. импорт был в 1,64 раза больше экспорта, в 2021 г. этот показатель

1 Прогнозы по отдельным товарам и регионам экспорта Армении можно найти по адресу: "Armenia's Export Forecast by Regions and Harmonized System (HS) Codes", accessed March 11, 2023, https://tavad.shinyapps.io/exports_forecast/.

составлял 1,77. Импорт из стран ЕАЭС вырос на 49%, с 1,851 до 2,758 млн долл. В этом году Армения в денежном эквиваленте импортирует и экспортирует практически одинаковое количество товаров внутри ЕАЭС. Импорт из России вырос на 46,9%, из Казахстана – примерно в 3 раза, из Белоруссии – практически удвоился.

По состоянию на первый квартал 2022 г. официальная безработица в Армении составляет 14,8%. Безработица на первый квартал 2020 г. составляла 19,7%, а на тот же период 2021 г. – 16%, что свидетельствует о в основном позитивной динамике.

Внешний долг Армении на конец 2021 г. составил 6,643 млрд долл., увеличившись на 583 млн долл. (9,6%). Государственный долг Армении на конец 2021 г. достиг 9 млрд долл., или 60,8% ВВП. Отметим, что в соответствии с Договором о ЕАЭС соотношение государственного долга к ВВП не должно превышать 50%. По законодательству Армении эта пороговая цифра составляет 60% и должна быть приведена в соответствие с договором о ЕАЭС. Ожидалось, что в 2022 г. госдолг Армении сократится до 57% от ВВП, это в основном связано с укреплением армянского драма к доллару. По прогнозу *Fitch Ratings* на 2023 г., госдолг Армении снизится до 47,3% ВВП, а внешний долг – до 38,1%¹.

Цифры демонстрируют значительное влияние конфликта на Украине в контексте возникновения дополнительных стимулов для роста ВВП, выделяя фактор роста банковских переводов, релокацию и реэкспорт, однако проблемы и тенденции развития армянской экономики сохраняются. Падение в секторе сельского хозяйства, здравоохранения и соцобеспечения показывает отсутствие влияния глобальных событий на структуру экономики Армении. Как и в начале 2000-х гг., приток денег способствует развитию одной или нескольких сфер на фоне упадка других (например, сельского хозяйства), что может привести к двум сценариям по аналогии с прошлым. Сохранение всех предпосылок, способствовавших росту ВВП, может вылиться в «голландскую болезнь» и создание на внутреннем рынке новых экономических «пузырей». Среди основных предпосылок можно назвать украинский кризис, попытки Запада изолировать Россию посредством санкций и сохранение человеческого капитала в Армении. В случае прекращения военных действий и возвращения многих граждан РФ комбинация факторов, влияющих на армянскую экономику, может резко измениться. Во всяком случае, основным индикатором сохранения преимуществ, возникших в 2022 г., будет степень построения и институционализации новых связей, прежде всего – между государствами-членами ЕАЭС как платформы, предлагающей единые стандарты экономического развития.

В условиях кризиса евразийская интеграция наполняется новым содержанием, стимулируя более углубленные отношения между странами-участницами экономического союза и предлагая новые подходы к разделению ответственности. То же распределение пакета акций ЕАБР, принадлежащего РФ, показывает настрой на средне- или долгосрочное влияние последствий санкционного

1 Прогноз Fitch на 2023 г.: Госдолг Армении снизится до 47,3% в ВВП при замедлении роста экономики до 6,1% // Портал ArmInfo/FinPort. 28 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=47761&lang=2 (дата обращения: 11.03.2023).

давления на Россию¹. Кроме того, проект создания Евразийской перестраховочной компании также подтверждает необходимость страхования экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и политических рисков². Участие Армении в данном процессе (республика получила 4,2% акций ЕАБР и 3% доли ЕПК) показывает приверженность вектору евразийской экономической интеграции на фоне повышения геополитических ставок, то есть в этом случае экономическое развитие снова рассматривается как способ компенсации внешнеполитических рисков.

Возможности управления кризисом: пример развития энергосистемы

Возвращаясь к проблеме политических рисков, создающих неблагоприятные условия для развития бизнеса и инвестиций, необходимо дополнить картину экономического роста подробностями политического состояния республики, которая существует в состоянии постоянного ожидания новых военных действий, однако парадоксальным образом добивается значительного уровня внутривнутриполитической стабильности. Основными причинами относительной стабильности внутри Армении, наравне с элементами национальной идентичности, менталитета и т.д., является распределение удельного веса различных областей Армении по объему валового внутреннего продукта, где абсолютным лидером остается Ереван (59,9%), в то время как центр горнорудной промышленности и добычи цветных металлов – Сюникская область – производит 5,7% ВВП³. Наиболее трагический эпизод 2022 г., сентябрьская агрессия Азербайджана на восточной границе Армении, не оказал значительного влияния на рост ВВП, хотя под ударом оказались туристический центр Армении – Джермук, а также многие города и села Гегаркуникской и Сюникской областей⁴, что привело к эвакуации более 7 тыс. человек. Данное обстоятельство показывает, что внешние факторы смягчили последствия продолжающегося внутри- и внешнеполитического кризиса, хотя отнюдь не снизили уровень рискогенности ситуации. Так, Сюник стал наиболее важным регионом для Армении с точки зрения безопасности и новых перспектив развития в контексте возможного открытия автомобильных и железнодорожных коммуникаций. Тем не менее в вопросе прогнозирования политического и экономического будущего Армении остается большое количество неизвестных, и контекст региональных взаимоотношений все больше привязывается к глобальной картине.

Касаясь вопросов экономической безопасности Армении на фоне порождающего энергоресурсов по всему миру, следует отметить проблему пе-

- 1 Россия потеряла контроль в Евразийском банке развития // Forbes, 16 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/483819-rossia-sokratila-dolu-v-evrazijskom-banke-razvitiya-nize-kontrol-noj> (дата обращения: 11.03.2023).
- 2 Правительство Армении одобрило к ратификации проект создания Евразийской перестраховочной компании // Armenian banks, 9 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armbanks.am/2023/03/09/147790/> (дата обращения: 11.03.2023).
- 3 Удельный вес Еревана в ВВП больше, чем всех остальных областей вместе взятых // Арменпресс, 21 ноября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1097808/> (дата обращения: 11.03.2023).
- 4 Ущерб и потери общин и жителей в результате двухдневной войны 2022 года // Hetq, 20 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://hetq.am/ru/article/152294> (дата обращения: 11.03.2023).

реориентации экспорта из России. Для Армении такая перспектива имеет жизненно важное значение, так как основной статьей импорта является топливо. В 2022 г. эта статья импорта выросла в 2,3 раза, достигнув отметки в 1,2 млрд долл., или 13,3% от совокупного импорта. Отметим, что в 2021 г. также был зарегистрирован рост импорта топлива в 2,3 раза, который составил 908 млн долл., или 16,9% от совокупного импорта. В основном все статьи импорта в 2022 г. имели тенденцию к росту. Главным фактором стало резкое укрепление армянской валюты в условиях мировой инфляции и санкций против России. Таким образом, вызванный войной кризис на энергетических рынках ставит перед Арменией задачу выстраивания эффективной и долгосрочной модели обеспечения энергетической безопасности, основанной на принципе конвергенции конвенциональной и возобновляемой энергетики. Такой подход может стать одним из способов управления рисками внешнеэкономического развития государства.

Как показала международная практика последних лет, концентрация львиной доли ресурсов в одном секторе энергетики не может обеспечить стабильность и полноценную безопасность функционирования энергосистемы. Этим и продиктована необходимость синхронного развития в Армении конвенциональных мощностей (атомная и тепловая энергетика) и комплексов ВИЭ (преимущественно солнечной, ветровой и геотермальной энергии). Вместе с тем очевидна необходимость развивать «энергетическую дипломатию», нацеленную на лоббирование национальных энергетических интересов на внешних рынках, обеспечение для страны приемлемых цен на импортируемое топливо, а также привлечение инвестиций в энергетический сектор.

В последние годы наибольшая доля генерируемой в республике электроэнергии приходится на теплоэлектростанции (Ереванская и Разданская ТЭС) – около 40%, гидроэнергостанции (включая малые ГЭС) – около 30%, атомную станцию – 30%. При этом Армения располагает избытком генерирующих мощностей, ее установленная мощность составляет 2878,7 МВт (на 1 июня 2020 г.)¹. Страна располагает большим экспортным потенциалом. Ежегодное производство электроэнергии в Армении составляет порядка 7,0 млрд кВт.ч, из которых порядка 1–1,5 млрд кВт.ч направлены на экспорт.

Структура энергетического баланса Армении выглядит следующим образом:

- Армянская АЭС – 407,5 МВт.
- Разданская ТЭС – 410 МВт.
- 5-й энергоблок Разданской ТЭС – 467 МВт (эксплуатация приостановлена в апреле 2021 г.).
- Ереванская ТЭЦ – 228,6 МВт.
- Воротанская ГЭС – 404,2 МВт.
- Севан-Разданский каскад ГЭС – 561,4 МВт.
- Малые станции возобновляемых источников энергии (ВИЭ) (до 30 МВт) – 400 МВт, из которых доля малых ГЭС – 380 МВт.

1 Стратегическая программа развития энергетики Республики Армения (до 2040 г.). Утверждена 18.01.2021. Приложение к решению Правительства РА от 14 января 2021 г. // Arlis. 18 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=149279> (дата обращения: 11.03.2023).

Учитывая указанные выше вызовы, а также высокий удельный вес работающего на импортируемом природном газе теплоэнергетического комплекса, цены на «голубое топливо» приобретают ключевое значение в реализации внутренней тарифной политики как в газовой, так и электроэнергетической сферах.

В декабре 2021 г. Армения и Россия после почти двухлетних переговоров согласовали цену на газ на следующие 10 лет¹. Правительство Армении одобрило предложение о подписании протокола о внесении изменений в «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об условиях купли-продажи акций и дальнейшей деятельности закрытого акционерного общества “АрмРосгазпром” от 2 декабря 2013 г.». Документ, предусматривающий сохранение цены на газ на границе и новые обязательства для Армении, был принят без обсуждения. Согласно документу, Армения обязуется ежегодно выплачивать ЗАО «Газпром Армения» сумму в размере 31,79 млн долл. США в качестве обеспечения ежегодной платы за мощность Разданского 5-го энергоблока (принадлежит «Газпром Армения»). Ожидается, что выполнение условий, установленных протоколом, будет способствовать перезапуску 5-го энергоблока Разданской ТЭС, а также позволит сохранить стабильную цену на поставляемый в Армению газ в течение 10 лет – 165 долл. США за 1000 куб. м. при расчетной теплоте сгорания 7900 ккал/куб. м².

Проблемы полноценной реализации экспортной стратегии в Армении приводят к приостановке эксплуатации крупнейших энергетических объектов и пересмотру ряда инвестиционных проектов. Более того, создается ситуация, в которой повышение тарифов на электроэнергию в республике становится неизбежным. Так, с 1 февраля 2022 г. тарифы на электроэнергию в Армении выросли в среднем на 11%³.

Обратимся к базовым причинам повышения тарифов. Во-первых, это остановка эксплуатации одного из крупнейших в Армении энергетических объектов – 5-го энергоблока Разданской ТЭС; во-вторых, осуществление выплат по российскому кредиту, привлеченному для модернизации Армянской АЭС. Впрочем, как первую, так и вторую причину следует рассматривать прежде всего как следствие проблем в управлении энергетической системой.

Что касается либерализации рынка экспорта электроэнергии, то в данном направлении наблюдаются проблемы преимущественно инфраструктурного характера. В частности, при поставках электроэнергии из Грузии Армения должна отключить электроснабжение на своем «островке», расположенном в областях Тавуш или Лори, поскольку у сторон сегодня нет возможности работать в параллельном режиме. Параллельный режим может быть задействован в 2024 г., когда планируется сдать в эксплуатацию линии электропередач Иран–Армения и Армения–Грузия.

Одновременно с тем новая модель предполагает свободное вхождение крупных производителей на рынок с возможностью поставлять в Армению от-

1 Армения и Россия согласовали цену на газ на будущее 10-летие // Портал ArmlInfo/FinPort. 23 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=45269&lang=2 (дата обращения: 11.03.2023).

2 Ibid.

3 Электричество в Армении подорожает на 11% – решение регулятора // Sputnik Armenia. 29 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211229/elektrichestvo-v-armenii-podorozhaet-na-11---reshenie-regulyatora--36997115.html> (дата обращения: 11.03.2023).

носителем дешевой электроэнергии. На наш взгляд, риск заключается в том, что, будучи страной, располагающей избыточными генерирующими мощностями, Армения будет вынуждена постепенно сокращать объемы экспорта с параллельным увеличением удельного веса импортной (преимущественно из Грузии) электроэнергии на внутреннем рынке. Достаточно отметить, что сегодня в Армении в электроэнергетической торговле с Грузией наблюдается отрицательное сальдо.

Пример развития энергосистемы показателен с точки зрения формирования сложного комплекса проблем, связанных как с использованием возможностей для экспорта электроэнергии и привлечения иностранных инвестиций, так и управления политическими рисками. Вместе с тем проблемы имплементации стратегии развития вышеуказанной отрасли ведут к общему увеличению рисков.

Заключение

Говоря о взаимовлиянии экономики и политики в малом государстве, мы отметили важность восприятия политическими элитами происходящих в стране, регионе и мире процессов с точки зрения перспектив экономического развития и достижения политической стабильности. Нынешнее армянское правительство, во многом декларируя «прагматичность» своих целей в вопросе развития, не смогло отказаться от наследия экономической практики, ориентированной на импорт и приток капитала, хотя контекст существования республики изменился на фоне постоянных внешнеполитических угроз. К тому же приобретение правительством РА акций Зангезурского медно-молибденового комбината в 2021 г. (21,9%)¹ и компании «Лидиан Армения» в 2023 г. (12,5%)² говорит о прямой заинтересованности правительства в инвестициях, хотя дальнейшие последствия такой политики могут привести к возникновению опасений со стороны потенциальных инвесторов.

Приток денежных переводов извне, а также иммиграция смягчили эффект политического кризиса в Армении и дали надежду на сохранение некоторых тенденций в будущем. В этом контексте компенсация внешнеполитических рисков экономическим ростом воспринимается руководством РА как наиболее рациональное поведение в сложившихся обстоятельствах, то есть экономическая и политическая сферы фактически разграничиваются. К примеру, становится возможным сосуществование приверженности Армении евразийской интеграции и одновременные политические трения в сфере безопасности с РФ и другими странами.

Как было отмечено выше, многие аспекты будущего развития Армении зависят от ряда неизвестных, связанных с динамикой глобальных и региональных процессов. Прогнозы Всемирного банка о 4,1%-ном росте ВВП в 2023 г. или оптимистическая оценка правительства РА в 7% не учитывают многие политические

1 Правительство управление 6,8% акций Зангезурского медно-молибденового комбината передало АНИФ // Арменпресс. 24 августа 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armenpress.am/rus/news/1090943.html> (дата обращения: 11.03.2023).

2 Правительство Республики Армения, ЕАБР и компания «Лидиан Армения» выразили готовность возобновления Амулсарского золоторудного проекта // ЕАБР. 22 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/releases/pravitelstvo-respubliki-armeniya-eabr-i-kompaniya-lidian-armeniya-vyrazil-gotovnost-vozobnovleniya/> (дата обращения: 11.03.2023).

риски, которые могут возникнуть при тех или иных геополитических сдвигах. Армени в этих условиях необходимо найти более эффективные способы управления рисками, так как в долгосрочной перспективе компенсация развития одной сферы за счет другой является пагубной практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Айвазян, С.А., Березняцкий, А.Н., Бродский, Б.Е. «Голландская болезнь» в экономиках России и Армении // Прикладная эконометрика. – 2014. – № 36 (4). – С. 32–60.
- Ayvazyan, Sergey A., Bereznyatskiy, Alexandr N., and Boris E. Brodsky. "Gollandskaya bolezni' v ekonomikakh Rossii i Armenii." *Prikladnaya ekonomika* 36, no. 4 (2014): 32–60 [In Russian].
- Жарков, А.Г. Сельское хозяйство // Армения: проблемы независимого развития. – М., Рос. ин-т стратегич. исслед., 1998. – С. 265–274.
- Zharkov, Alexey G. "Sel'skoe khozyaistvo." *Armeniya: Problemy Nezavisimogo Razvitiya*. Moscow: Russian Institute of Strategic Research, 1998 [In Russian].
- Микаелян, Г.Г. Теневая экономика в Армении. – Ер.: Институт Кавказа, 2016. – 188 с.
- Mikaeljan, Grant G. *Tenevaya ekonomika v Armenii*. Yerevan: Institut Kavkaza, 2016.
- Нечкин, Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №10 (4). – С. 109–137.
- Nechkin, Dmitry A. "Evolution of Political Risk Concept: Classical and Contemporary Interpretations." *Moscow University Bulletin of World Politics* 10, no. 4 (2018): 109–137 [In Russian].
- Новикова, И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – № 15(3). – С. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>.
- Novikova, Irina N. "Small States in International Relations: Some Theoretical Aspects." *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 15(3), 2022: 219–242 [In Russian].
- Подколзина, И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1996. – № 5. – С. 19–33.
- Podkolzina, Irina A. "Problemy Definititsii i Otsenki Politicheskogo Riska v Zarubezhnykh Issledovaniyakh." *Vestnik Moskovskogo Universiteta* no. 5 (1996): 19–33 [In Russian].
- Саркисян, О.Л., Дунамалян, Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>.
- Sarkisyan, Hovhannes L., and Norayr A. Dunamalyan. "The Dynamics of Civil Identity Transformation in Modern Armenia: Factors and Subjects." *Polis. Political Studies*, no. 2 (2020): 53–72 [In Russian].
- Смирнов, В.А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа – 2016. – № 5. – С. 44–54. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520164146>.
- Smirnov, Vadim A. "Foreign Policy of Baltic States towards Russia." *Modern Europe*, no. 5 (2016): 44–54 [In Russian].
- Хачатрян, А. Армения: кризис и фундаментальные проблемы экономики // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 6 (66). – С. 50–59.
- Khachatryan, Harutyun. "Armeniya: Krizis i Fundamental'nye Problemy Ekonomiki." *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* 6, no. 6 (66) (2009): 50–59 [In Russian].
- Aberg, John H.S., and Aram Terzyan. "Structure or Agency? Explaining Armenia's Foreign Policy Evolution." *Eastern Journal of European Studies* 9 (2018): 151–172.
- Aghabekyan, Edgar. "Russian-Ukrainian War and the Financial Market of Armenia: Risks and Expectations." *Amberd Bulletin* 15, no. 2 (2022): 14–24 [In Armenian].
- Dunamalyan, Norayr A. "Armenia's Approach to Eurasian Integration." In *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union*. 152–173. Hershey, PA: IGI Global, 2020. <http://doi:10.4018/978-1-7998-1950-9.ch009>.
- Bishop, Matthew L. "The Political Economy of Small States: Enduring Vulnerability?" *Review of International Political Economy* 19 (2012): 942–960. <http://dx.doi.org/10.1080/09692290.2011.635118>.
- Galstyan, Narek. "The Main Signs and Reasons for the Small State Foreign Policy Behaviour." *Bulletin of Yerevan State University: International Relations and Political Sciences* 29, no. 2 (2019): 3–16. [In Armenian].
- Galstyan, Narek. "Types of Security Strategies of Small States: Compilation and Opposition." *Bulletin of Yerevan State University: International Relations and Political Sciences* 12, no. 3 (2021): 61–70. <https://doi.org/10.46991/BYSU:D/2021.12.3.061> [In Armenian].
- Iskandaryan, Alexander M., Mikaelian, Hrnt G., and Sergey M. Minasyan. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute, 2016.
- Mouritzen, H., and A. Wivel. "Introduction." In *The Geopolitics of Euro-Atlantic Integration*, edited by H. Mouritzen & A. Wivel, 1–11. London: Routledge, 2005.
- Rothstein, Robert L. *Alliances and Small Powers*. New York: Columbia University Press, 1968.
- Keohane, Robert O. "Liliputians' Dilemmas: Small States in International Politics." *International Organization* 23 (1969): 291–310.
- Thorhallsson, Baldur "The Size of States in the European Union: Theoretical and Conceptual Perspectives." *Journal of European Integration* 28, no. 1 (2006): 7–31. <https://doi:10.1080/07036330500480490>.
- Wivel, Anders, Alyson J. Bailes, and Archer Clive. "Setting the scene: small states and international security." In *Small states and international security: Europe and beyond* edited by Clive Archer, Alyson J. Bailes, and Anders Wivel, 3–25. London: Routledge, 2014.

Сведения об авторах

Норайр Арменович Дунамян,

к. полит. н., старший преподаватель кафедры политологии Российско-Армянского
Славянского) университета,
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина 123.

e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

Ваге Самвелович Давтян,

д. полит. н., профессор Российско-Армянского (Славянского) университета,
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина 123.

e-mail: vahe.davtyan@rau.am

Агаси Ашотович Тавадян,

к. эк. н., доцент Российско-Армянского (Славянского) университета,
член Евразийского экспертного клуба,
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина 123.

e-mail: agasi.tavadyan@rau.am

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 февраля 2023.

Переработана: 15 марта 2023.

Принята к публикации: 23 марта 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Дунамян, Н.А., Давтян, В.С., Тавадян, А.А. Экономическое развитие как способ
компенсации внешнеполитических рисков:
пример Армении // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14 (1). – С. 92–110.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-92-110>

Economic Development as a Method of Foreign Policy Risk Compensation: The Case of Armenia

ABSTRACT

Throughout a 35-year period, the Armenian economy has withstood numerous crises and political shocks, including the Spitak earthquake, the first Karabakh war, a decline in GDP by over 50%, transport blockades, and the 2008 economic crisis. The aftermath of the 2020 44-day war in Nagorno-Karabakh introduced new risks and drastically altered the country's development and economic conditions. Despite the broader context of international confrontation, which has spilled over into military conflict in Ukraine, the Armenian economy has created possibilities for growth under geopolitical uncertainty. In the short-term perspective, these developments have had a positive impact on economic growth in 2022. However, the continuity of such impact on the Armenian economy depends on the government's concrete approaches and further existence of current conditions. The article aims to explore the interrelationship between Armenia's foreign policy and economy in the context of global and regional changes. The policy of the Armenian government is considered through the prism of the main features of the notion "small state," with particular attention paid to the logic of changes in foreign policy throughout the entire period of independence. By utilizing large-scale statistical data, the article presents the causes of the radical growth of Armenia's GDP in 2022 while simultaneously analyzing its structure. The development of the country's energetic system is presented as an illustration of the establishment of a separate field that combines export possibilities, investment potential, and risk formation. The article also covers the reasons for the relative stability of the Armenian economy under the background threat of military escalation.

KEYWORDS

Armenia, foreign policy, political risk, economic development, crisis, small state

Authors

Norayr A. Dunamalyan,

PhD in Political Science, Senior Lecturer at Department of Political Science of Russian-Armenian (Slavonic) University, Hovsep Emin str. 123, Yerevan, Armenia, 0051.

e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

Vahe S. Davtyan,

Doctor of Political Science, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Hovsep Emin Str. 123, Yerevan, Armenia, 0051.

e-mail: vahe.davtyan@rau.am

Aghasi A. Tavadyan,

PhD in Economics, Assistant Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Hovsep Emin Str. 123, Yerevan, Armenia, 0051.

e-mail: agasi.tavadyan@rau.am

Additional information

Received: February 12, 2023. Revised: March 15, 2023. Accepted: March 23, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Dunamalyan, Norayr A., Davtyan, Vahe S., and Aghasi A. Tavadyan. "Economic Development as a Method of Foreign Policy Risk Compensation: The Case of Armenia." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 92–110. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-92-110>

Влияние односторонних принудительных мер на реализацию Повестки – 2030 в Республике Беларусь

Олег Николаевич Лешенюк, БГУ, Минск, Республика Беларусь

Контактный адрес: leshenyuk.oleg@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования – изучение влияния односторонних принудительных мер на процессы устойчивого развития в Республике Беларусь и оценка их воздействия на имплементацию Повестки – 2030 в Беларуси и Союзном государстве. Статья состоит из трех блоков. В первом блоке приводится опыт Беларуси, адаптировавшей свою нормативно-правовую базу и государственную политику в соответствии с требованиями Повестки – 2030. Однако использование односторонних принудительных мер коллективным Западом как инструмента давления и стимула к «правильному» поведению в обход решений Совета Безопасности ООН приводит к перераспределению усилий страны на защиту суверенитета и невмешательство в дела других государств. Во втором блоке рассматривается роль интеграционных объединений и Союзного государства в преодолении принудительных ограничительных мер. В третьем блоке демонстрируется влияние принудительных мер на имплементацию Повестки – 2030. Секторальные санкции США и ЕС 2021 г. в отношении Беларуси препятствуют формированию общей аграрной политики и рынков газа, нефти и нефтепродуктов Союзного государства, а также нацелены на финансовый раскол между Беларусью и Россией, что демонстрирует их негативное воздействие в короткой перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

односторонние принудительные меры, Республика Беларусь, Российская Федерация, Союзное государство, многостороннее сотрудничество, Повестка 2030, устойчивое развитие, цели устойчивого развития

Введение

Принятие в сентябре 2015 г. государствами – членами ООН Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка – 2030) потребовало от всех государств разработки механизмов развития с учетом Целей устойчивого развития¹. Повестка – 2030 представляет собой попытку интеграции трех компонентов устойчивого развития – экономического, социального и экологического², – предполагая полную и комплексную реализацию 17 ЦУР во всех странах мира³. Беларусь поддерживает Повестку – 2030 и предприняла ряд шагов для ее осуществления. Программы устойчивого развития страны основаны на особенностях национального законодательства, статусе страны в регионе, сложившихся традициях, а также существующей системе государственного управления.

Беларусь исходит из того, что политика по достижению каждой из целей не должна отрицательно сказываться на политике в отношении других целей. Соответственно, для достижения успеха необходим комплексный подход к проведению политики всеми акторами многостороннего сотрудничества. Речь идет о своего рода интеграции государственных политических курсов, объединении усилий международных организаций и других акторов. Стоит задуматься и о влиянии Повестки – 2030 на международные организации⁴ и отдельные государства⁵, которые претендуют на центральную роль в глобальном управлении⁶, по направлениям ЦУР⁷, а также на некоторые факторы, замедляющие и откладывающие устойчивое развитие. Международные организации в основном работают обособленно⁸. Тем не менее интеграция политик с учетом ЦУР на основе реализации комплексного подхода⁹ способна принести позитивный вклад в устойчивое развитие на региональном уровне¹⁰. Успех управления с помощью целей зависит от установления контрольных показателей и принятия правительствами измеримых обязательств¹¹. Примером такой интеграции является Союзное государство Беларуси и России. По пути углубления интеграции и расширения сотрудничества как внутри объединения, так и за его пределами готов пойти и ЕАЭС, обеспечивая имплементацию экономического компонента Повестки – 2030.

Одним из серьезных факторов, замедляющих процессы устойчивого развития, являются односторонние ограничительные меры¹² со стороны западных стран в отношении России и Беларуси. Несмотря на то что реализация Повестки – 2030 устанавливает для государств и организаций принцип непротиворечивости проводимой политики¹³, то есть государства должны действовать в одном

1 Bernstein 2017, 213.

2 Biermann et al. 2017, 26.

3 LeBlanc 2015, 176.

4 Cormier 2018, 545.

5 Eilstrup-Sangiovanni 2020, 339.

6 Harrington 2020, 15.

7 Van Driel et al. 2022.

8 Nilsson et al. 2009, 337.

9 Сахаров 2019.

10 Stafford-Smith et al. 2017, 911.

11 Young 2017, 31.

12 Biglari 2022.

13 May et al. 2006, 381.

ключе для достижения глобального устойчивого развития, реалии 2020-х годов демонстрируют парадоксальную ситуацию: на фоне Повестки – 2030 вводятся принудительные ограничительные меры, затрагивающие в первую очередь экономический и социальный компоненты и оказывающие косвенное влияние на экологический (возведение физических барьеров между странами приводит к сокращению биоразнообразия регионов).

Цель настоящего исследования – продемонстрировать, каким образом односторонние принудительные меры затронули процессы устойчивого развития в Республике Беларусь, и установить, насколько существенно они повлияли на имплементацию Повестки – 2030 в Беларуси и Союзном государстве.

В основу исследования положены общенаучный метод с привлечением исследования белорусской нормативной правовой базы, анализа Национальной Концепции устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. и Дорожной карты по реализации ЦУР в Республике Беларусь.

Основная часть

Беларусь пошла по пути адаптации собственной нормативно-правовой базы и государственной политики к требованиям Повестки – 2030, согласно которой и выстраивает курс эффективного государственного управления¹. В Беларуси сформирована институциональная архитектура с участием всех заинтересованных субъектов: создана сеть, включающая правительственные и неправительственные организации, деятельность которых закреплена на законодательном уровне и направлена на имплементацию Повестки – 2030. Устойчивое развитие Беларуси основывается на принципах эффективного государственного управления, заложенных в конституционной и законодательной основе белорусского государства: системности, субсидиарности и пропорциональности, комплексности, компетентности и профессионализма, добросовестности, устойчивости и равенства между поколениями, разумности, согласованности действий и сотрудничества, принципе вовлеченности в международные инициативы в области устойчивого развития, принципе участия, научности, принципе открытости, гласности и транспарентности, подконтрольности и подотчетности, перманентного мониторинга и оценки эффективности программ социально-экономического устойчивого развития, инклюзивности, принципе «никто не должен быть забыт», принципе ресурсосберегающей организационной структуры. Однако в условиях применения коллективным Западом и, в первую очередь, США односторонних принудительных мер как инструмента давления и стимула к «правильному» поведению в обход решений Совета Безопасности ООН баланс усилий страны перенаправлен на защиту суверенитета и поддержание невмешательства в дела суверенного государства.

В вопросе имплементации Повестки – 2030 США ориентированы на глобальный уровень². Внешняя политика США нацелена на достижение национальных приоритетов в том числе и за счет имплементации Повестки – 2030. В зависи-

1 Пильгун, Лешенюк 2021, 27.

2 Лешенюк 2022, 132.

мости от внутренней политической борьбы и потребностей отдельных групп та или иная цель или задача Повестки – 2030 выходит на первый план. Так, климатическая повестка может отодвигаться на второй план, что и было продемонстрировано выходом США из Парижского соглашения по климату при президенте Д. Трампе. Основной курс направлен на приоритеты в оказании содействия развитию. Это содействие заключается в стимулировании развивающихся стран к устойчивому развитию. Одним из инструментов для достижения этой цели является санкционная политика.

Имплементация Повестки – 2030 в различных странах осуществляется по двум моделям: национальные стратегии принимают требования Повестки – 2030, и осуществляется их внедрение посредством изменения нормативно-правовой базы государств и разработки подходов к повышению собственной устойчивости (модели Германии, Франции и России); и имплементация ЦУР в т.н. приоритетных странах (модели США и Великобритании). Согласно первой модели государства акцентируют внимание на собственном законодательстве, а затем, в случае необходимости, оказывают поддержку партнерам посредством проектов международного сотрудничества. По второй модели государственная политика страны-донора принимается за образец, под который и следует подогнать «отстающих» и «менее устойчивых», по мнению донора, партнеров. В этом случае процессы сетевизации (государства, НГО, фонды и т.д.) способствуют воздействию под маркой устойчивого развития на «подопечное» государство, тем самым превращая ЦУР в инструментарий для навязывания собственных взглядов и интересов¹, оказывая влияние на принятие политических решений и общественное мнение с целью соответствующей идеологизации массового сознания². Под термином «сетевизация» в данном контексте следует понимать процесс и метод, заключающийся в формировании сети с ее узлами и связями для достижения целей в соответствии с потребностями и ожиданиями партнеров и деловой конъюнктурой³.

Сопряжение развития в рамках Повестки – 2030 и санкционной политики позволяет США нивелировать сопутствующие политические риски. «Эффект бумеранга» в виде отрицательного общественного мнения ложится не на американских, а на международных чиновников и национальных госслужащих третьих стран, реализующих Повестку – 2030⁴. Так, мы наблюдаем не что иное, как сетевизацию институтов и комплексность мер в целях оказания воздействия на политический курс определенных стран. Повестка – 2030 в этих условиях выступает в качестве «кнута и пряника». При подчинении США будет оказана помощь, при сопротивлении – наложены санкции. В частности, ЦУР 16 (мир и справедливость) является абсолютной предпосылкой для достижения других целей⁵.

Секторальные ограничительные меры в первую очередь применяются для обеспечения финансового раскола в Союзном государстве. Попытки экономического и финансового ударов со стороны западных государств предпринимаются

1 Лешенюк 2022, 132.

2 Пильгун 2022, 30.

3 Shapiro, Varian 1998.

4 Бояшов 2021, 156.

5 Bin-Nashwan 2022.

для предотвращения углубления интегрированности Беларуси и России. Тем не менее утвержденные в ноябре 2021 г. союзные программы¹ определили сроки сближения: в 2023 г. планируется создание объединенного транспортного рынка и введение единого механизма учета союзной собственности, к 2027 – будет создан единый рынок электрической энергии. С учетом того, что односторонние меры нацелены на срыв построения Союзного рынка², следует ожидать более плотной интеграции и необходимо определить степень изменений подходов к реализации Повестки – 2030, которая в свою очередь может стать как инструментом для снижения санкционного давления, так и поводом к применению односторонних принудительных мер.

Односторонние ограничительные меры в отношении Беларуси поддерживаются со стороны отдельных государств и в отношении союзной нефтепродукции. Не обходится и без громких заявлений и демонстративных действий прибалтийских государств – так, для предотвращения миграционных потоков из «неблагополучной» Беларуси построены физические барьеры на государственной границе.

Односторонние принудительные меры в отношении Беларуси являются гибридом секторальных и блокирующих санкций³, что в совокупности наносит большой урон белорусской экономике. Коллективный Запад в качестве инструмента использует блокировку лиц, представляющих государство и осуществляющих деятельность в определенных секторах (оборона, госбезопасность, энергетика, добыча калия, табачная промышленность, строительство, транспорт). Под санкции США попали ведущие предприятия страны: «Белнефтегаз», «Беларуськалий», «Белкастрас», «Абсолютбанк», «Энерго-Ойл», Новая нефтяная компания, «Дана Холдингз», «Дана Астра», «Нефтебитумный завод», «Бремино Групп», «Дубай Вотер Фронт», «Эмирейтс Блю Скай», «Интер Табакко», «Новая нефтяная компания Восток», «Интерсервис», табачная фабрика «Неман», Белорусский нефтяной торговый дом, концерн «Белнефтехим», ОАО «Белшина», ОАО «Гродно Азот», ОАО «Гродно Химволокно», ОАО «Лакокраска», ОАО «Нафтан», ОАО «Полоцк-Стекловолокно».

Принудительные ограничительные меры распространяются на правительственные структуры и их руководителей, любые организации, которые выгодно блокировать для снижения конкурентоспособности белорусских товаров на мировом рынке. На данный момент блокируется деятельность предприятий с высокой долей государственной собственности (от 25%), но в перспективе санкции могут затронуть и организации, акциями которых государство не владеет, но в которых западные эксперты и политики увидят связи с государством.

- 1 Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6. Минск – Москва. Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=ad2100022>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 2 Щеткина, М. Тезисы выступления на XXVIII Международной женской конференции в Санкт-Петербурге // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 27 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/teziy-vystupleniya-marianny-shchetkinoy-na-xxviii-mezhdunarodnoy-zhenskoy-konferencii-vostok-i-zapad-vstrechayutsya-v-sankt-peterburge>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 3 Тимофеев, И. Санкции против Белоруссии: гибридный вариант. Аналитика Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 18 августа 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-protiv-belorussii-gibridnyy-variant/>. (дата обращения: 07.03.2023).

На фоне натянутых отношений с НАТО и Евросоюзом Республика Беларусь, как и Российская Федерация, продолжает внедрять интеграционную повестку Союзного государства, что следует из многочисленных встреч лидеров России и Беларуси. Надежное партнерство позволило обеспечить экономическую стабильность Республики, переориентировав грузовые потоки из Литвы в Россию (на 2023 г. запланирована перевалка более 9,8 млн тонн белорусских нефтепродуктов)¹. Данный факт говорит о том, что две страны не просто эффективно взаимодействуют, а вышли на уровень надежного партнерства и способны адаптироваться к любым санкциям.

С одной стороны, в условиях санкций Беларусь и Россия смогли укрепить интеграцию и получили новые возможности от ограничений. Москва и Минск сдержали «санкционный удар» и в кратчайшие сроки компенсировали потери от разрыва Западом производственных цепочек, а также нашли новые точки роста на внутренних и внешних рынках², успешно заместили иностранную комплектацию в машиностроении³. Между государствами достигнут пакет стратегических договоренностей: расчеты проводятся в национальных валютах; расширено участие белорусских компаний в программах импортозамещения и государственного оборонного заказа России; расширяются кооперационные проекты⁴; обсуждаются условия для формирования объединенного рынка газа на уровне Союзного государства России и Беларуси; усиливается сотрудничество в области атомной энергетики; расширяются возможности двустороннего сотрудничества в нефтехимии и др.

Страны полностью обеспечили продовольственную безопасность Союзного государства за счет собственного производства и перенаправления маршрутов экспорта и импорта. Взаимные поставки продовольствия позволяют России наполнить свой рынок продуктами питания, а Беларуси приносят экспортный доход в бюджет страны. В целом это позволяет выполнить задачи ЦУР 2 «Ликвидация голода», поддерживать экономический рост, проводить политику в духе устойчивого развития, которая способствует развитию предпринимательства и инновационной деятельности, укреплению производства, созданию рабочих мест; а также обеспечить реализацию задач по ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост». Следует также отметить преференциальные условия российского рынка для производителей пищевых продуктов из стран ЕАЭС⁵. В этом ключевые товары из Беларуси получают огромное экспортное преимущество.

С другой стороны, запрет на экспорт удобрений из Беларуси привел к значительному росту цен на международных рынках и стал одной из причин про-

- 1 Экспорт белорусских нефтепродуктов в третьи страны через РФ в 2022 году составил более 3 млн тонн // БЕЛТА. 19 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/economics/view/eksport-belorusskih-nefteproduktov-v-tretji-strany-cherez-rf-v-2023-godu-sostavil-bolee-3-mln-t-540800-2022/?ysclid=leyew6evtw611084536>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 2 Грызлов раскрыл, как Россия и Беларусь извлекли выгоды из санкций // Евразия Эксперт. 05 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/gryzlov-raskryl-kak-rossiya-i-belarus-izvlekli-vygody-iz-sanktsiy/>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 3 Россия и Беларусь заместили иностранные детали в машиностроении // Евразия Эксперт. 21 сентября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/rossiya-i-belarus-zamestili-inostrannye-detali-v-mashinostroenii/>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 4 В Башкортостане заинтересованы в расширении закупок белорусской техники // ТАСС. 20 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16846583>. (дата обращения: 07.03.2023).
- 5 Сутырин, В. Страны ЕАЭС получили льготный доступ к госзаказу РФ // Евразия Эксперт. 30 августа 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/eaes-igotnyy-dostup-k-goszakazu-rf/>. (дата обращения: 07.03.2023).

довольственного кризиса и распространения голода в ряде африканских стран¹. Только одно ограничение экспорта удобрений ставит под удар достижение ЦУР 1, 2, 3, 10, 12, 17. Агрессивное применение западными государствами односторонних принудительных мер противоречит международным обязательствам, принятым в рамках Устава ООН и Повестки – 2030. Принудительные меры идут вразрез с экономическими и социальными правами граждан, ограничивают возможности государств в многостороннем взаимодействии, что негативно отражается как на устойчивом развитии страны и региона в целом, так и на общемировой практике имплементации Повестки – 2030. Например, запрет ЕС на авиаперелеты затрудняет поездки и создает проблемы в сферах гуманитарной помощи и культурного обмена. Заблокированы гуманитарные проекты по линии черныбыльских инициатив. Исключение белорусских банков из Межбанковского сообщества финансовых телекоммуникаций (SWIFT) усложняет платежные операции, в том числе по гуманитарным проектам.

В качестве предлога для усиления санкционной политики в отношении Союзного государства Беларуси и России используется и Специальная военная операция на Украине. Следует подчеркнуть, что экономические санкции только в сочетании с мерами военно-политического характера могут быть эффективны для дестабилизации политической системы управления². Кризис спровоцировал волну событий с последствиями на глобальном уровне, особенно в сферах энергетики и продовольствия³, оказал влияние на цепи поставок и экономическое благосостояние в Союзном государстве. Среди затруднений, оказывающих прямое влияние на благосостояние, необходимо указать снижение внешнего спроса и внутреннего инвестиционного спроса, сжатие экспортного потенциала, появление транспортных и логистических барьеров вследствие военной операции в регионе. Тем не менее идет поиск новых возможностей сотрудничества на восточном векторе. Беларусь подала заявку на вступление в ШОС. Многостороннее взаимодействие в рамках этой организации открывает перспективы и в политике, и в экономике. И для Беларуси, и для России представляют интерес создание общих транспортных сетей, совершенствование логистических аспектов международных перевозок, развитие инфраструктуры, возможности диверсификации экспортного потенциала обеих стран в регионе ШОС.

Новые пакеты санкций практически остановили торгово-экономические отношения Беларуси и ЕС. Это не осталось вне поля зрения отдельных членов ЕС. Польша и государства Прибалтики нацелены закрыть освободившуюся торговую нишу на рынке Евросоюза своими товарами, среди которых лесоматериалы, цементная продукция, изделия из железа и стали, нефтяные масла, нефтяной газ, вазелин, минеральные воски и аналогичные продукты, нефтяной кокс, нефтяной битум, удобрения и изделия из резины и т.д.⁴ Привычные экспортные направле-

1 Председатель общества дружбы «Германия-Беларусь»: санкции против Беларуси наносят много вреда // БЕЛТА. 04 ноября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/predsedatel-obschestva-druzby-germanija-belarus-sanktsii-protiv-belarusi-nanosjat-mnogo-vreda-533365-2022/>. (дата обращения: 07.03.2023).

2 Клинова 2014, 67.

3 Pereira et al. 2022, 277.

4 Шипилов, И. Какие товары Евросоюз больше не покупает у Беларуси и не поставяет на наш рынок // Экономическая газета. 15 марта 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/kakie-tovary-evrosoyuz-bolshe-ne-pokupaet-u-belarusi-i-ne-postavlyaet-na-nash-rynok-/>. (дата обращения: 07.03.2023).

ния закрываются, отмечается рост цен на сырье и продовольствие. Европейские страны фактически обрезают каналы взаимодействия с Союзным государством.

Усиление секторальных санкций повышает значимость интеграционных структур Евразии, в частности Союзного государства. Как представляется, более плотная интеграция положительно скажется и на имплементации Повестки – 2030 в региональном масштабе. В рамках Союзного государства целесообразно решать задачи по противодействию западному влиянию на общественное мнение наших стран и соответствующему лоббированию интересов. В этой интеграционной структуре уже заложен потенциал для имплементации ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития». Политика Союзного государства в условиях санкционного давления позволила накопить практический опыт, согласовать интеграционные программы в целях укрепления технологического и экономического суверенитета Беларуси и России.

Любые попытки интеграционного углубления будут сопровождаться усиленным давлением, вплоть до милитаризованных провокаций, попыток дискредитации Союзного государства. Западные нарративы иллюстрируют понимание последствий собственной санкционной политики для устойчивости Европы. Европейские потребители испытывают на себе эффект так называемого дружеского огня – неожиданные собственные затраты для западных стран, применяющих санкции¹. Тем не менее санкционное давление не ослабевает даже несмотря на высокие издержки и слабую эффективность², наблюдаются дискриминация и ксенофобные проявления по отношению к русскоговорящему населению, что в корне противоречит ЦУР 10 «Уменьшение неравенства».

Для снижения рисков, сопряженных с односторонними принудительными мерами западных государств, необходимо обратиться к потенциалу союзных структур в области контрсанкционного реагирования и проведения общей санкционной политики. Необходимо привести к единообразной системе санкционную политику двух стран, принять общий перечень санкционной продукции Союзного государства. В долгосрочной перспективе это позволит успешно стимулировать деятельность собственных предприятий реального сектора экономики, развивать внутренние рынки и способствовать увеличению экспорта на рынки других стран. Проведение общей санкционной политики могло бы позволить исключить нелегальный транзит санкционной продукции и стимулировать общий внутренний рынок. Однако стоит также рассмотреть вопрос о взаимодействии с другими странами – членами ЕАЭС, так как общий интеграционный рынок ЕАЭС и Союзного государства позволит наладить ввоз запрещенных товаров с территории других стран – членов ЕАЭС. В условиях санкционного давления ЕАЭС выступает как перспективное направление поддержания устойчивости как стран-членов, так и всего евразийского региона. Так, с января по август 2022 г. товарооборот лишь с Китаем вырос на 33,5% и составил 151,1 млрд. долл.³ Стоит отметить, что такое увеличение товарооборота и углубленная интеграция не со-

1 Crozet 2020, 97.

2 Дмитриева 2015.

3 Крек, Н. Обратный эффект санкций: ЕАЭС – в тренде, Запад – в шоке // Ритм Евразии. 28 сентября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2022-09-28--obratnyj-effekt-sankcij-eaes-v-trende-zapad-v-shoke-62236>. (дата обращения: 07.03.2023).

ответствуют ожиданиям коллективного Запада при введении им односторонних принудительных мер.

Разработка подобных контрсанкционных мер в перспективе не только сгладит негативное влияние односторонних мер, но и обеспечит устойчивость Беларуси и России, активизирует сотрудничество с другими регионами.

Заключение

Устойчивое развитие Беларуси зависит в том числе от успешного многостороннего сотрудничества с партнерами. В условиях жестких ограничительных принудительных мер со стороны Запада страна избрала путь активизации интеграционных процессов с Российской Федерацией, а также углубленное вовлечение в интеграционные проекты Евразийского региона.

Стоит отметить, что присутствие российского капитала резко повышает санкционные риски для всех стран ЕАЭС, особенно на фоне дальнейшей консолидации проукраинской коалиции на международной арене. В то же время кризис на Украине увеличивает влияние и частично политический вес этого капитала. Эта тенденция является важным фактором, подталкивающим белорусское руководство к внутренней мобилизации и функционированию фактически в режиме нон-стоп, несмотря на отсутствие каких-либо значимых событий в политической повестке.

Развитие институциональной инфраструктуры – одно из перспективных направлений интеграции в рамках ЕАЭС в целях обхода или минимизации ущерба от западных санкций¹. Создание общего рынка биржевых торгов с учетом сложившейся геополитической ситуации возымело бы положительный эффект для обеспечения потребностей внутреннего рынка² и интересов национальных участников. Перечень товаров для реализации на биржевых торгах, производных финансовых инструментов опубликован ЕЭК в 2022 г.³. В этой связи дальнейшая проработка вопроса и создание общего рынка на основе имеющихся бирж поддержали бы и здоровую конкуренцию между национальными товарными биржами, стимулировали их развитие, что в свою очередь положительно отразится на многих индикаторах достижения ЦУР.

Однако продвижение в формате «углубления интеграции» в рамках Союзного государства затрудняется тем, что стороны имеют ограниченный доступ к международным рынкам. В этом случае необходимо задействовать альтернативные способы, в частности через взаимодействие с Шанхайской организацией сотрудничества.

1 Кротов 2021.

2 Сергей Глазьев: «Все возможности в наших руках» // ЕЭК. 08 мая 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/sergej-glazev-%C2%ABvse-vozmozhnosti-v-nashih-rukah%C2%BB-/>. (дата обращения: 07.03.2023).

3 Доклад о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС // ЕЭК: Департамент макроэкономической политики. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/713/Doklad-obshchiy-birzhevoy-rynok-tovarov.pdf>. (дата обращения: 07.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бояшов, А.С. Государство в структуре сложных сетей Совета ООН по правам человека // Современная Европа. – 2021. – № 6. – С. 155–166. <https://doi.org/10.15211/soveurope62021155166>.
- Boyashov, Anatoliy S. "The State in the Complex Networks of the UN Human Rights Council." *Contemporary Europe*, no. 6 (2021): 155–166 [In Russian].
- Дмитриева, Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 52. – С. 120–143. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_52_oktjabr_2015_g._/problemi_upravleniya_teorija_i_praktika/dmitrieva.pdf.
- Dmitrieva, Natalia I. "Economic Sanctions As a Political Pressure Instrument." *Public Administration. E-Journal*, no. 52 (2015): 120–143 [In Russian].
- Клинова, М., Сидорова, Е. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-12-67-79>.
- Klinova, Marina, and Elena Sidorova. "Economic Sanctions and EU–Russia Economic Relations." *Voprosy Ekonomiki*, no. 12 (2014): 67–79 [In Russian].
- Кротов, М.И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 22–34. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-22-34>.
- Krotov, Mikhail I. "From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience." *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics* 15, no. 3 (2021): 22–34 [In Russian].
- Лешенюк, О.Н. Тенденции внедрения глобальной Повестки 2030 в национальные стратегии развития // Проблемы управления. – 2022. – № 2(84). – С. 132–136.
- Leshenyuk, Oleg N. "Trends in Mainstreaming the Global 2030 Agenda into National Development Strategies." *Problems of Management*, no. 2(84) (2022): 132–136 [In Russian].
- Сахаров, А.Г., Колмар, О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 189–206. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>.
- Sakharov, Andrei G., and Olga I. Kolmar. "Prospects of Implementation of the UN SDG in Russia." *International Organisations Research Journal* 14, no. 1 (2019): 189–206 [In Russian].
- Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / Громыко Ал.А., Рахманов С.К. и др. – М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, 2021. – 56 с.
- Gromyko, Alexey A., Sergei K. Rakhmanov et al. *Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: rezul'taty dlya grazhdan i perspektivy*. Moscow: Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko, 2021 [In Russian].
- Bernstein, Steven. "The United Nations and the governance of sustainable development goals." In *Governing through Goals: Sustainable Development Goals as Governance Innovation*, edited by Norichika Kanie, and Frank Biermann, 213–240. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262035620.003.0009>.
- Biermann, Frank, Norichika Kanie, and Rakhyun E. Kim. "Global Governance by Goal-Setting: The Novel Approach of the UN Sustainable Development Goals." *Current Opinion in Environmental Sustainability* 26–27, (June 2017): 26–31. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>.
- Biglari, Shirin, Shevva Beiglary, and Tiru Arthanari. "Achieving Sustainable Development Goals: Fact or Fiction?" *Journal of Cleaner Production* 332, (January 2022). <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.130032>.
- Bin-Nashwan, Saeed Awadh, M. Kabir Hassan, and Aishath Muneesa. "Russia–Ukraine Conflict: 2030 Agenda for SDGs Hangs in the Balance." *International Journal of Ethics and Systems*, (2022). <https://doi.org/10.1108/IJOES-06-2022-0136>.
- Blanc, David le. "Towards Integration at Last? The Sustainable Development Goals as a Network of Targets." *Sustainable Development* 23, no. 3 (2015): 176–187. <https://doi.org/10.1002/sd.1582>.
- Cormier, Ben. "Analyzing If and How International Organizations Contribute to the Sustainable Development Goals: Combining Power and Behavior." *Journal of Organizational Behavior* 39, no. 5 (2018): 545–558. <https://doi.org/10.1002/job.2163>.
- Crozet, Matthieu, and Julian Hinz. "Friendly Fire: The Trade Impact of the Russia Sanctions and Counter-Sanctions." *Economic Policy* 35, no. 101 (2020): 97–146. <https://doi.org/10.1093/epolic/eiaa006>.
- Dalby, Simon, Susan Horton, Rianne Mahon, and Diana Thomaz (eds.). *Achieving the Sustainable Development Goals: Global Governance Challenges*. London: Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9780429029622>.
- Driel, Melanie van, Frank Biermann, Rakhyun E. Kim, and Marjanneke J. Vijge. "International Organisations as 'Custodians' of the Sustainable Development Goals? Fragmentation and Coordination in Sustainability Governance." *Global Policy* 13, no. 5 (2022): 669–682. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13114>.
- Eilstrup-Sangiovanni, Mette. "Death of International Organizations. The Organizational Ecology of Intergovernmental Organizations, 1815–2015." *The Review of International Organizations* 15, no. 2 (2020): 339–370. <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9340-5>.
- May, Peter J., Joshua Sapotichne, and Samuel Workman. "Policy Coherence and Policy Domains." *Policy Studies Journal* 34, no. 3 (2006): 381–403. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2006.00178.x>.
- Nilsson, Måns, Marc Pallemerts, and Ingmar von Homeyer. "International Regimes and Environmental Policy Integration: Introducing the Special Issue." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 9, no. 4 (2009): 337–350. <https://doi.org/10.1007/s10784-009-9108-8>.
- Pereira, Paulo, Wenwu Zhao, Lyudmyla Symochko, Miguel Inacio, Igor Bogunovic, and Damia Barcelo. "The Russian–Ukrainian Armed Conflict Will Push Back the Sustainable Development Goals." *Geography and Sustainability* 3, no. 3 (2022): 277–287. <https://doi.org/10.1016/j.geosus.2022.09.003>.
- Pilgun, Elena. V. "Political Manipulation via Crisis Ideologization." *Governance and Politics* 1, no. 2 (2022): 30–43. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2022-1-2-30-43>.
- Pilgun, Elena. V., and Oleg N. Leshenyuk. "Public Administration in the Republic of Belarus: Principles

for Sustainable Development." *Journal of Law and Administration* 17, no 3 (2021): 27–40. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-27-40>.

Shapiro, Carl, and Hal R. Varian. *Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy*. Boston: Harvard Business School Press, 1998.

Stafford-Smith, Mark, David Griggs, Owen Gaffney, Farooq Ullah, Belinda Reyers, Norichika Kanie, Bjorn Stigson, Paul Shrivastava, Melissa Leach, and Deborah O'Connell. "Integration: The Key to Implementing

the Sustainable Development Goals." *Sustainability Science* 12, no. 6 (2017): 911–919. <https://doi.org/10.1007/s11625-016-0383-3>.

Young, Oran R. "Conceptualization: Goal Setting as a Strategy for Earth System Governance." In *Governing through Goals: Sustainable Development Goals as Governance Innovation*, edited by Norichika Kanie, and Frank Biermann, 30–52. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262035620.003.0002>.

Сведения об авторе

Олег Николаевич Лешенюк,

директор Центра международных исследований,

заместитель декана по международной деятельности

факультета международных отношений Белорусского государственного университета,
220004, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 20/1108.

e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 19 января 2023.

Переработана: 1 февраля 2023.

Принята к публикации: 1 марта 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лешенюк, О.Н. Влияние односторонних принудительных мер на реализацию Повестки – 2030 в Республике Беларусь // *Международная аналитика*. – 2023. – Том 14 (1). – С. 111–122.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-111-122>

Impact of Unilateral Coercive Measures on Implementation of the 2030 Agenda in the Republic of Belarus

ABSTRACT

The aim of this research is to provide a comprehensive analysis of the impact of unilateral coercive measures on sustainable development processes in the Republic of Belarus, as well as their influence on the implementation of the 2030 Agenda in Belarus and the Union State. Divided into three sections, the article begins by examining how Belarus has adapted its legal framework and state policy to conform to the 2030 Agenda. However, the use of unilateral coercive measures by the collective West to pressure and incentivize "appropriate" behavior, in contradiction of the decisions of the UN Security Council, diverts the country's resources toward safeguarding its sovereignty and non-intervention in the affairs of other states. The second section delves into the role of integration associations and the Union State in overcoming coercive restrictive measures. Finally, the third section sheds light on the impact of such measures on the implementation of the 2030 Agenda. Specifically, the sectoral sanctions imposed by the US and EU on Belarus in 2021 hinder the development of a common agricultural policy, as well as gas, oil, and petroleum markets of the Union State, while simultaneously creating a financial rift between Belarus and Russia. This underscores the negative effects of these measures in the short term.

KEYWORDS

unilateral coercive measures, Republic of Belarus, Russian Federation, Union State, multilateral cooperation, Agenda 2030, sustainable development, sustainable development goals

Author

Oleg N. Leshenyuk,

Head of the Centre for International Studies,

Deputy Dean for International Affairs of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, 220004, Minsk, st. Leningradskaya, 20/1108.

e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Additional information

Received: January 19, 2023. Revised: February 1, 2023. Accepted: March 1, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Leshenyuk, Oleg N. "Impact of Unilateral Coercive Measures on Implementation of the 2030 Agenda in the Republic of Belarus." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 111–122. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-111-122>

Эффективность санкционной политики. Кейс Союзной Республики Югославии (1991–2001 гг.)

Екатерина Геннадьевна Энтина, НИУ ВШЭ, Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН, Москва, Россия
Александр Животич, Университет Белграда, Белград, Сербия

Контактный адрес: entinakat@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Санкционная проблематика, приобретая новое измерение в конце XX – начале XXI вв., выразившееся в рутинном применении односторонних ограничительных мер, из сугубо международно-правовой отрасли науки переросла в междисциплинарную и стала предметом политологических, социологических и прочих исследований. Кейс Югославии как один из первых примеров применения санкций в целях корректировки не только международных действий, но и политического режима, который в том числе в современной истории сформировал набирающий популярность феномен «культуры отмены» нации, представляет безусловный интерес. В еще большей степени его актуализирует внешняя схожесть процессов, протекавших на пространстве бывшей Югославии, в которые был вовлечен Белград, и на постсоветском пространстве. В статье в сопоставительном ключе по отношению к ситуации в современной России и санкционному режиму в ее отношении анализируются условия, в которых находилась экономика Югославии, ее реакция на режим всеобъемлющих ограничений, а также эффекты санкционной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Югославия, санкции, гражданская война, экономика, международное давление, ООН, демократизация

В академическом сообществе дискуссия об эффективности санкций продолжается длительное время. Вопросы эффективности санкций поднимали Д. Дрезнер и Т. Бирстекер¹; эффективность типов санкционного давления, в первую очередь всеобъемлющего и таргетированного, обсуждали Д. Стрендау, С. Эллисон, Д. Пексен²; вопрос непосредственного и отложенного действия санкций рассматривался в работах Т. Коля, С. Хейдаряна³. В западном академическом сообществе в целом сложился консенсус по югославским санкциям, которые, как указывают Р. Холбрук, Дж. Лион⁴, привели к прекращению поддержки Белградом Республики Сербской в Боснии и Герцеговине (БиГ) и стали ключевым фактором революции 2000 г., несмотря на то что многие научные работы непосредственно после завершения кризиса в БиГ и Косово говорили об обратном, в частности Дж. Драгович-Сосо⁵. Опыт «всеобъемлющих» югославских санкций был впоследствии использован в формировании санкционных режимов против Ливии, а затем – против России. Сравнение всеобъемлющих санкций против Югославии и современной России в контексте широкого политического давления на Белград и Москву, оказываемого западным сообществом, представляется актуальной темой для исследования.

В то же время необходимо нюансировать понимание эффекта антиюгославских санкций. В данном случае представляется, что санкции являлись частью общих усилий по свержению С. Милошевича. Однако, как указывает Й. Драгович, катализатором перемен стали не они, а сербский народ. Эта версия представляется несколько бинарной и нереалистичной. Цель данной статьи – показать, что санкции были не катализатором, но обязательным условием для смены политического режима в Сербии, поскольку вкупе с другими инструментами давления (военными, политическими) ослабляли источники легитимности режима С. Милошевича, сужая пространство маневра для президента Союзной Республики Югославии (СРЮ). Подобное понимание легитимности основывается на работах М. Зелдича⁶. В рамках этого концепта формулируется и тезис работы: санкции не оказывали непосредственного влияния на легитимность режима С. Милошевича, однако подрывали его стабильность, уместность (т.е. согласие населения с принимаемыми решениями), несмотря на то что на восприятие «обоснованности» таких решений это влияния не оказывало. Неприятие как обоснованности, так и уместности принятых политическим руководством решений существенно проявилось только в преддверии выборов 2000 г.

Экономическая и политическая ситуация в Югославии накануне введения санкций

С начала 1980-х гг. в социалистической Югославии (СФРЮ) выходят на первый план накопившиеся перекосы внутреннего развития государства, пытавшие-

1 Drezner 2011; Biersteker et al. 2016.

2 Strandow 2006; Heine-Ellison 2001; Peksen 2019.

3 Kohl 2021; Heydarian et al. 2021.

4 Holbrooke 2011; Lyon 2011.

5 Dragović - Soso 2003.

6 Zelditch 2018.

гося балансировать между Западом и Востоком и одновременно отстаивавшего внеблоковый статус. Во второй половине 1980-х гг. ситуация обостряется в связи с начавшимися в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) и СССР демократическими переменами. В Югославии на уровне республик (Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Хорватия, Словения и два автономных края в составе Сербии – Воеводина и Косово и Метохия) активно формируются этно-республиканские кланы, которые предсказуемо в условиях набиравшего обороты экономического кризиса и бесплодных попыток федерального правительства стабилизировать ситуацию усиливают борьбу за максимизацию принадлежащих им материальных и экономических ресурсов, чем фактически «хоронят» саму возможность сохранить федеративную Югославию.

На этом фоне в течение 1980-х гг. югославское руководство проводит несколько экономических реформ. Последняя из них – реформа правительства А. Марковича – была запущена, когда в конце 1989 г. инфляция в стране достигала 3000%. Ее суть заключалась в резкой смене курса в сторону рыночной экономики: превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, широкая приватизация, свободное формирование цен, сбалансирование бюджета. Западным инвесторам были гарантированы права собственности, в том числе право полной репатриации прибыли, что позволило стимулировать приток прямых иностранных инвестиций. К концу 1990 г. число совместных предприятий составило 2300 (как правило, торговля и туристский сектор)¹. Преобладали инвестиции из Германии, Италии и Австрии. При этом они направлялись, прежде всего, в Словению и Хорватию, бывшие «опорными» точками югославской экономической деятельности. В рамках политики правительства А. Марковича были сняты ограничения для вложений иностранного капитала в югославские банки, созданы свободные экономические зоны. Через эти зоны проходило до 70% импорта СФРЮ. Однако тактический успех реформы сопровождался формированием еще большего разрыва – как экономического, так и психологического – между Словенией и отчасти Хорватией как наиболее экономически развитыми и инвестиционно привлекательными республиками и всеми остальными.

На фоне усиливающейся дезинтеграции основные макроэкономические показатели Югославии в 1980-е гг. развивались следующим образом: темпы роста национального дохода снизились до критического уровня, и начиная с 1987 г. рост этого показателя практически прекратился. Незначительный рост производства имел место в это десятилетие лишь за счет экспорта. Личное потребление населения и капиталовложения снижались. Последнее говорит о том, что снижалась и норма валового накопления. Такая картина заметно хуже того, что происходило в те же годы в странах ЦВЕ. Там в среднем за 1980–1988 гг. национальный доход возрастал на 2,5% в год, затем рост прекратился, и с 1989 г. началось его падение (в 1989 г. – на 1,0% и в 1990 г. – на 7,9%). В 1990 г. ВВП Югославии сократился на 8%, промышленное производство – на 12%. В 1991 г. с началом гражданской войны ВВП упал на 12%².

1 Кудров 2002, 101.

2 Кудров 2002, 101–102.

Реформа правительства А. Марковича, направленная на удержание федеративного государства, показав первые успехи, в итоге провалилась, поскольку, с одной стороны, А. Маркович не нашел никакой поддержки, кроме словесной, в Вашингтоне и Брюсселе. С другой – республиканские политические элиты, особенно словенские и хорватские, не хотели работать на сохранение югославской федерации. Начался ее распад, сопровождавшийся военными действиями сначала в Словении, затем в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Провозглашение ими независимости во второй половине 1991 г. – первой половине 1992 г. и ее признание со стороны ЕС и США в апреле 1992 г. привели к образованию 27 апреля 1992 г. Союзной Республики Югославии (СРЮ), но в узком составе Сербии и Черногории.

Сокращение внутреннего рынка примерно на 60%, а также количества потребителей с 24 млн до 10,5 млн оказало огромное влияние на экономику. К моменту распада Югославии, вопреки внутренним тенденциям на формирование в течение 1980-х гг. экономически замкнутых в рамках республик производственных цепочек, сербский внутрифедеративный «экспорт и импорт» составлял более 40%. Экономическое развитие югославской федерации 1980-х гг., а также тот факт, что основная часть внешнеэкономической деятельности приходилась на Словению и Хорватию, привели к тому, что жители Словении и отчасти Хорватии становились богаче, а остальных республик, включая Сербию, – беднее. С распадом федерации югославские производители лишились поставщиков, оставшихся за пределами новой Югославии, замена недостающих материалов и энергоносителей была дорогостоящей и, следовательно, неэффективной. Это привело к резкому снижению уровня жизни, усугубленному расходами на ведение войны в других частях бывшей Югославии.

Таким образом, формально сравнивать экономическое положение и динамику развития двух стран – России и Югославии – накануне введения всеобъемлющих санкций нецелесообразно. СРЮ находилась в процессе плохо контролируемого и плохо проработанного распада, отсутствия альтернативных Западу торговых партнеров. Современная Россия встретила санкции в принципиально иных экономических условиях, как внутренних, так и внешних.

Однако даже потеряв более половины общего рынка, СРЮ оставалась по многим параметрам самостоятельным государством. В социалистической Югославии не проводилась коллективизация, и значительный объем пахотных площадей земли принадлежал сельским жителям. Сельскохозяйственная отрасль в своей основе критически не зависела от внешнего мира. Казалось, что, как в период кризисных 1980-х гг., так и в сложных внешних обстоятельствах граждане СРЮ смогут обеспечить прожиточный минимум и минимальную продуктовую корзину за счет ведения натурального хозяйства.

На территории Сербии оставались ряд электро- и гидростанций, что также позволяло рассчитывать на обеспечение энергетической безопасности на минимально достаточном уровне. В республике была и собственная фармацевтика. Наконец, у населения «под подушкой» хранилась солидная часть наличной валюты. Это было связано как с существованием в предшествующий период довольно тесных торговых связей с Западной Европой, так и с большим количеством югославских трудовых мигрантов там. Кроме того, в социалистические

времена немаловажную часть доходов населения составляла мелкая контрабанда товаров народного потребления и массовой культуры. Вероятно, на эту «базовую» самодостаточность страны рассчитывал С. Милошевич. Кроме того, югославское руководство, как и население считало, что санкционный режим не продлится долго и югославская экономика сможет его выдержать.

Реакция югославской экономики на санкции ООН

Вопреки ожиданиям югославского руководства, последствиями санкций стал глубокий экономический кризис. По общепринятым оценкам, прямой ущерб от санкций только за год их применения составил 10 млрд долл., за три года – 45,117 млрд. долл. Из-за отсутствия сырья, запчастей, рынков сбыта, прекращения капиталовложений окончательно встали или перешли на минимальный режим работы тысячи предприятий, более 900 тыс. рабочих были отправлены в вынужденные отпуска. Число безработных в январе 1994 г. составило 760 тыс. человек¹.

В 1992–1994 гг. в Югославии началась гиперинфляция, продолжавшаяся 22 месяца. Первые серьезные проблемы появились сразу после отделения Словении и Хорватии: уже в середине 1992 г. гиперинфляция превысила отметку в 50%². Следующий качественный скачок цен произошел в самом начале 1993 г. С января инфляция ускорялась практически каждый месяц и к июлю достигла 433%³. У этого ускорения было два внутренних механизма. Во-первых, население, имевшее большой опыт подобных катаклизмов, а потому сумевшее адаптироваться к инфляции, быстро избавлялось от «горячих денег». К концу периода гиперинфляции каждая банкнота в среднем дважды в день меняла своего «хозяина». Во-вторых, налогоплательщики совершали свои платежи уже совершенно обесценившимися деньгами.

В связи с ускорением денежной эмиссии правительством с августа 1993 г. ситуация перестала быть хоть сколько-то контролируемой. Правительству пришлось переходить к другой стратегии решения инфляционной проблемы. В этот момент оно попыталось остановить инфляцию чисто административным способом – посредством замораживания цен. Как и следовало ожидать, тут же возник дефицит, из-за чего руководству пришлось снова отпустить цены, но дефицит никуда не исчез. С этого момента в стране существовала одновременно и открытая, и скрытая инфляция. Производители не успевали адекватно переоценивать товар. Продавцы не могли выкупить на следующий день равноценный проданному объем. В итоге первые тормозили производства, вторые – устанавливали время отпуска товаров в произвольном порядке. К январю 1994 г. инфляция составила 313 млн процентов⁴.

В результате инфляции средняя зарплата опустилась ниже 6 долл. Было введено нормированное распределение продуктов, предметов первой необходимости. Село стало фактически изолированным от города, так как не было бензина, чтобы привезти товары на рынок. Начиная с 1992 г. ухудшились условия производства

1 Гуськова 1999.

2 Petrović et al. 1999.

3 Ibid.

4 Ibid.

сельскохозяйственной продукции. В два раза снизилось употребление минеральных удобрений, что привело к опасной нехватке продуктов питания для населения.

Серьезным образом пострадала система здравоохранения, что особенно больно отразилось на людях со специфическими заболеваниями. Комитет ООН по санкциям фактически блокировал доставку в страну лекарств и гуманитарной помощи. Из-за неоправданно длительной процедуры одобрения любого импорта в страну Комитетом по санкциям цикл производства лекарств в СРЮ был почти полностью остановлен. Уже в 1992 г. недоставало больше половины необходимых для первой медицинской помощи лекарственных препаратов: антибиотиков, препаратов для лечения гипертонии, заболеваний сердца, почек, а также лекарств в ампулах, средств для анестезии, трансфузии крови¹.

К началу 1994 г. Югославия по уровню жизни находилась на последнем месте в Европе и в последней десятке среди 170 стран мира. От экономического коллапса Югославию спасло то, что автодороги, связывающие СРЮ с соседними странами, не были заблокированы (в отличие от авиа-, ж/д и водного сообщения), что позволило развить контрабанду. Будучи фактически единственным источником выживания не только для граждан, но и для экономики государства, это привело к формированию объемного слоя «теневой экономики» и ее сращиванию с руководством страны. А благодаря трансграничному характеру – к усилению связей и с крупным западноевропейским бизнесом, который прежде работал с социалистической Югославией и не хотел терять ее рынок.

Важным фактором для сравнения логики введения санкций против СРЮ и сегодняшней России является их политическая мотивация. Косвенной целью санкций против СРЮ были или трансформация политического режима в Белграде, или, в случае ее неуспеха, – свержение. Расчет, как и в случае с Россией сегодня, делался на то, чтобы за счет прямого воздействия на население страны активизировать внутренние протестные настроения, запустить «революционную» волну и тем самым «демократизировать» общественно-политические процессы. В этом смысле санкции продемонстрировали свою неэффективность в краткосрочном периоде, но, вероятно, стали существенным фактором в накопившейся неудовлетворенности широких масс сербского населения, приведшей к революции 5 октября 2000 г.

Вместе с тем в первой половине 1990-х гг. ключевым упущением международного сообщества в случае с сербами стало непонимание их ожиданий хотя бы минимальной справедливости. Формально санкции вводились из-за вмешательства Югославской народной армии в конфликт в Боснии и Герцеговине. В Сербии тут же возник вопрос, почему по тому же поводу санкции не вводятся в отношении Хорватии, если доподлинно известно, что ее вооруженные силы и парамилитарные формирования «зачищают» сербские села в БиГ. В действительности Резолюция Совета Безопасности (СБ) ООН 752 от 15 мая 1992 г. предписывала «элементам хорватской армии» покинуть БиГ. Сама резолюция выдвигала тре-

1 Гуськова 1999.

бования для всех участников конфликта в Боснии и Герцеговине: прекращение боевых действий в Боснии и Герцеговине; прекращение вмешательства в ситуацию в БиГ Югославской народной армии и Вооруженных сил Хорватии; роспуск всех правоохранительных формирований на территории БиГ; прекращение переселений и этнических чисток; содействие конфликтующим сторонам в оказании гуманитарной помощи пострадавшим¹. 17 мая СБ ООН официально предложил принять Хорватию в члены ООН, и о том, что в резолюции выдвигались требования и к Хорватии, фактически предпочли забыть, а санкции в отношении хорватов не были введены.

30 мая 1992 г. Резолюцией 757 Совет Безопасности единогласно проголосовал за введение санкций против Югославии. В ответ Президиум СРЮ направил генеральному секретарю ООН телеграмму с просьбой созвать Международную конференцию по Югославии, на которой страна пошла бы на ряд уступок, включая и распределение миротворческих сил на границе между Югославией и Боснией и Герцеговиной. Однако ни данное обращение, ни последовавшие за ним не изменили ситуацию. Это стало значимым фактором, позволившим С. Милошевичу сохранять власть еще несколько лет при полной поддержке населением нарратива о том, что санкции несправедливы и по своей сути – *антисербские* (т.е. *антинародные*).

Уже в 1993 г. югославское руководство начало пересмотр прежней политики и постепенный отход от поддержки боснийских и краинских сербов. С. Милошевич согласился с планами мирного урегулирования сначала по модели Вэнса-Оуэна, а затем – с предложениями Контактной группы. Однако югославское общество раскололось в этом вопросе. Инициативы С. Милошевича прекратить помощь «братьям за Дриной» поддержала правящая Социалистическая партия, Сербское движение обновления и ряд небольших партий демократической направленности. Против них выступили Сербская радикальная партия, демократическая оппозиция Сербии в лице З. Джинджича и В. Коштуницы, Сербская православная церковь. Армейское руководство также не поддержало смену политического курса. После отказа руководства Республики Сербской от плана Контактной группы 4 августа 1994 г. Югославия прервала с ней все связи и ввела против нее экономическую блокаду².

Попытки реформирования югославской экономики под санкциями

С начала гражданской войны, по сути, Югославия оказалась перед выбором – перейти на режим военной экономики или сохранить рыночную систему хозяйствования. Примечательно, что, по свидетельствам Д. Аврамовича, такой вопрос никогда всерьез не обсуждался в руководстве СРЮ. Вероятно, это происходило вследствие того, что в предыдущий период СФРЮ одним из основных достижений своей социалистической модели считала существование элементов рыночной экономики, а поэтому отход к чисто административным рычагам даже

1 Никифоров et al. 2011.

2 Bulatović 2004, 324.

с психологической точки зрения казался политическим и экономическим элитам Югославии серьезным откатом¹.

Следует учитывать также и то, что как таковой трансформации отраслей реального сектора югославской экономики под влиянием санкций не проводилось. Во-первых, все предложения по экономическому реформированию объединяла убежденность в том, что санкции не будут длительными. И действительно, их существенная часть была снята в конце 1995–1996 гг. Во-вторых, в условиях гиперинфляции осуществлять переналадку реального сектора экономики не представлялось возможным. Прежние экономические связи и процессы, насколько возможно, были заменены «теневой экономикой» и квотированием импорта, доступ к которому получали наиболее лояльные политическому режиму структуры и люди.

Поэтому трансформировать сербскую экономику пытались через «Программу монетарной реконструкции и экономического оздоровления». Реформа осуществлялась под руководством главы Югославского национального банка – известного экономиста, профессора Д. Аврамовича.

Стоит отметить, что в период 1992–1993 гг. через банковские пирамиды фактически были изъяты все денежные накопления, находившиеся у населения «под подушкой». Потрясенные гиперинфляцией граждане искали возможность выживания. В складывающихся условиях такую «возможность» предоставили возникшие крупнейшие на Балканах финансовые пирамиды, основанные на банковской деятельности: сберегательные банки «Югоскандик», принадлежавшие Е. Василевичу, и «Дафимент», принадлежавший Д. Миланович². Банки предлагали вкладчикам феноменально привлекательные высокие процентные ставки: от 10 до 15% на депозиты в иностранной валюте и от 75 до 200% на депозиты в сербских динарах. Это позволяло вкладчикам не только опередить годовой уровень инфляции, но даже получать прибыль. Очевидно, что никакого реального обеспечения проектами у банков не было. «Югоскандик» и «Дафимент» просуществовали до конца 1993 г., после чего внезапно обанкротились. И тогда, и сейчас на пространстве бывшей Югославии было распространено мнение о том, что их деятельность осуществлялась с ведома политического руководства в Белграде и при его участии и была направлена на выемку денежной массы у населения и дальнейшее ее использование для поддержания экономической деятельности через офшоры³.

Д. Аврамович причислял себя к последователям экономической школы Дж. Кейнса, допускающей умеренную инфляцию для оживления производства. Однако в югославских условиях он был вынужден обратиться к идеям монетаристской школы М. Фридмана, хотя трактовал их творчески. Он пошел на закрепление курса динара при сохранении бюджетного дефицита.

В середине января 1994 г. в Югославии перестали печатать старые деньги: был введен в обращение «новый динар», жестко привязанный в соотношении 1:1 к немецкой марке. Новые динары печатались небольшими порциями, а их

1 Avramović 1994.

2 Йованович 2005.

3 Avramović 1994.

эмиссия была обеспечена валютными резервами. Примечательно, что валютные резервы СРЮ многократно превышали внутреннюю денежную массу. Это объяснялось целым рядом причин. Импорт в страну был, с одной стороны, ограничен санкциям. С другой – объективно катастрофическое обнищание значительной части населения вызвало падение покупательской способности. Вместе с тем экспорт неуклонно рос.

Некоторое время в обращении были и старые, и новые динары, но курс старой национальной валюты также был фиксированным. Характерно, что новые динары шли прежде всего на выплаты пенсий, пособий, зарплат бюджетникам. Получатели этих выплат находились в столь плачевном положении, что не могли конвертировать новые динары в марки, а сразу тратили их на приобретение самого необходимого, что стало одним из факторов обеспечения стабильности нового динара.

В этой ситуации существовала опасность, что привыкшие к инфляции люди будут тут же обменивать новый динар на немецкую марку и тем самым стимулировать инфляцию, но этого не произошло. Во-первых, по депозитам, размещаемым в новых динарах, была установлена ставка в размере 6%, что в условиях отсутствия инфляции означало реальные 6%. Поскольку марки население хранило «под подушкой», то держать сбережения в валюте оказалось значительно выгоднее.

Во-вторых, уже с февраля правительство стало активно собирать налоги, и поскольку платить их надо было в новых динарах, фирмы, ведущие свои операции в валюте, вынуждены были ее частично продавать.

Были предприняты и другие меры. В частности, крупные изменения претерпела налоговая система. Величина налоговых ставок была уменьшена при одновременном расширении налоговой базы и сокращении времени взимания налогов. Особенно заметно – на четверть – снижались налоги на оборот товаров, составлявших потребительскую корзину, и налоги на прибыль в случае ее реинвестирования. При этом были введены акцизы на нефть, алкоголь, табак, кофе, автомобили и предметы роскоши.

Реформа дала позитивный эффект, привела к росту заработной платы и, как следствие, повышению уровня жизни. Инфляцию в основном удалось остановить. В этих условиях Д. Аврамович хотел осуществить приватизацию и демонополизацию. К этому его подталкивало то, что после стабилизации цены на предприятиях-монополистах государственного сектора росли значительно быстрее, чем в конкурентной рыночной среде, и это создавало условия для сохранения инфляции издержек. Однако в мае 1996 г. Д. Аврамович был отправлен в отставку. К сожалению, экономический успех закрепить не удалось, однако и прежнего падения в СРЮ больше не наблюдалось. Центробанк отошел от последовательного проведения жесткой кредитно-денежной политики и вернулся к практике селективной раздачи кредитов. Основной причиной этого была необходимость власти в Белграде сохранить себя в условиях, когда после подписания Дейтонских мирных соглашений, окончивших вооруженное противостояние в Боснии и Герцеговине, С. Милошевич столкнулся, с одной стороны, с ростом оппозиционной активности на муниципальном уровне (больше всего в Белграде). С другой стороны, стала стремительно расти напряженность в Косово и Метохии.

Таким образом, югославская экономика оказалась заложником необходимости продолжать силовые меры по отстаиванию границ и защите «сербства» и во второй половине 1990-х гг., уже после завершения основного этапа распада Югославии.

Санкционные эффекты в гражданском секторе, механизмы выживания югославской экономики и политические последствия

Санкции критически отразились на всем гражданском секторе. И хотя они не распространялись на поставки медикаментов, получить лекарства из-за рубежа было очень трудно. Комитет по санкциям запретил импортировать в СРЮ исходные материалы для их производства (существенная часть исходных материалов производилась в бывших республиках Югославии, и до распада фармацевтическая отрасль, как и многие другие, составляла общий хозяйственный комплекс). Для производства медицинских и санитарных товаров приходилось импортировать 95% исходников, более 85% полуфабрикатов и свыше 90% медицинского оборудования. Ремонт сложной медицинской техники осуществлялся в Загребе. Этот сегмент восстановить не удалось. Уже в 1992 г. смертность от инфекционных заболеваний выросла на 37,5%, количество операций по пересадке почек снизилось вдвое, операций на открытом сердце – втрое¹.

Непосредственным результатом санкций стало уничтожение югославской гражданской авиации. За два года полного простоя эксплуатационные характеристики самолетов перестали соответствовать нормам. Когда небо открыли и восстановили маршрутные коридоры – пригодных к перелетам воздушных судов было крайне мало. Гражданская авиация приобрела конкурентоспособность уже только во второй половине 2010-х гг., когда «Югославские авиалинии» были выкуплены «Этихад» и представлены на мировой рынок под брендом «Эир Сербия».

Такой же эффект санкции оказали на тройку крупнейших внешнеторговых концернов Югославии – «Генекс», «Прогресс» и «Инекс» (де-факто представляли с середины 1950-х гг. югославский ВЭД), которые в течение нескольких лет были раздроблены на мелкие фирмы.

На югославские воздушные и морские суда, которые находились в момент введения санкций за границей, был наложен арест. Судоходство по Дунаю было ограничено. Наиболее важным стало то, что на основании специального решения Комитета по санкциям было запрещено использовать черногорский порт Бар для поставки гуманитарной помощи. Заблокированными оказались принадлежащие Югославии 20 морских, 43 речных судна и 6 самолетов. Общая стоимость – более 600 млн долл. Ничего из этого стране возвращено не было.

Отсутствие сырья, полуфабрикатов и топлива усугубило положение в промышленности в целом. В июне 1993 г. 73% предприятий испытывали нехватку сырья, а 92% вынуждены были на короткие и длительные сроки останавливать

1 Гуськова 1999.

производство. Это привело к тому, что население столкнулось с огромными проблемами в приобретении базовой продуктовой корзины: предприятия не могли сформировать адекватную отпускную цену и гарантировать бесперебойную поставку; магазины придерживали товар «под прилавком», понимая, что на следующий день не смогут выкупить проданный ранее объем продукции по прежней цене или выкупить вообще.

В сентябре 1993 г. Комитет по санкциям отклонил просьбу об импорте природного газа из России. По причине отсутствия удобрений резко снизился урожай зерновых. Отсутствие топлива не позволяло проводить полноценные посевные кампании. Частично этот эффект был преодолен через «серый» бартер и контрабанду.

Резкий скачок безработицы привел к тому, что 11 млн населения и 1 млн беженцев (из Сербской Краины в Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии) кормил 1 млн занятых на рынке человек.

Для обхода санкций преимущественно применялись бартерные схемы, перевозка и переброска наличной валюты через кипрский офшор, а также субрегиональные контрабандные схемы с активным участием Македонии, Албании, Румынии и Болгарии. Их посредническая роль в условиях международных санкций объяснялась прежде всего, тем, что эти страны превратились в место сосредоточения контрабандных операций и международного трафика, развившихся вследствие как региональных процессов глобализации преступности, так и перехода этих стран от государственного социализма к демократии и рыночной экономике.

Во внешнеторговой сфере либерализация означала разрушение советской модели государственной монополии на трансграничные торговые операции. Вместо традиционных, специализированных государственных компаний, которые до 1989 г. импортировали и экспортировали соответствующие группы товаров, появилось огромное количество частных компаний, чья импортно-экспортная деятельность была упрощена тотальной либерализацией торговых операций. На фоне крушения привычных, в том числе субрегиональных внешнеторговых связей и близости к зоне непосредственного конфликта на Балканах эти частные компании и стали основой контрабандного бизнеса.

Поддержка крупных югославских компаний, находившихся в «черном списке», осуществлялась через существование двух валютных курсов – «базового» для компаний, близких и лояльных политическому руководству, и «спекулятивного» – для всех остальных. Основная часть сделок осуществлялась внутри страны за наличный расчет, что позволяло избегать налогообложения.

Государство взяло на себя организацию каналов контрабанды. Сербский комитет госбезопасности контролировал каналы контрабанды топлива и нефти. Кроме топлива, вторым крупнейшим каналом контрабанды стали сигареты. Запчасти к станкам и медицинскому оборудованию по возможности завозили мелкие фирмы-однодневки через Австрию, Болгарию, Турцию, Словению и Македонию. Обходились и финансовые санкции. Против СРЮ были введены ограничения на перечисление пенсий и других социальных пособий из-за рубежа бенефициарам в Югославии. Таких на момент введения санкций было более 60 тыс. пенсионеров 19 стран мира, 40 тыс. детей, получающих алименты, и более полумиллиона

человек – членов семей людей, работающих за рубежом и получающих медицинское страхование. Перевод этих денег бенефициарам также приобрел полулегальный характер. Официально были подписаны соглашения почти со всеми странами, откуда проводились начисления, об их переводе в банки Австрии и Венгрии. Но их снятие в связи с малой мобильностью перечисленных выше категорий граждан осуществлялось через третьих лиц.

Далеко не весь иностранный бизнес покинул югославский рынок. Часть европейских и американских компаний оставалась, просто заменив некоторые буквы в названии и часть югославского топ-менеджмента на македонский и венгерский.

Соответственно, после введения санкций ни ЕС, ни США не оказывали дальнейшего давления на СРЮ по пресечению контрабандной деятельности, частично «покрывая» «серые» импортные схемы. При этом либерализации связей с «открытым» внешним миром не происходило, поскольку, например, Россия официально присоединилась к санкционному пакету, а азиатские страны заинтересованности не проявляли.

Заключение

Как видим, исследование кейса Югославии периода всеобъемлющих санкций представляется актуальным для России в силу следующих обстоятельств. Во-первых, положение СРЮ, ее встроенность в международную систему цепочек добавленной стоимости, а также география основных партнеров были структурно сопоставимы с российскими. Пользуясь выгодами внеблокового положения, значительную часть наиболее важных экономических контактов югославы поддерживали с ЕЭС/ЕС. Югославский бизнес, как и российский после распада СССР, выстраивал партнерские отношения преимущественно с западноевропейскими странами, кроме того, в значительной степени зависел от их инвестиций. Существенную часть «незападного» экспорта СРЮ составлял экспорт вооружений и сельхозпродукции.

Во-вторых, под санкциями Белград столкнулся со схожим с российским случаем типом военно-политических вызовов и угроз. В первую очередь к ним относилась гражданская война на территории Боснии и Герцеговины. Сразу же по ее завершении вскрылся и косовский вопрос. Текущие действия западных оппонентов в отношении России, направленные на провокации на Южном Кавказе, в Молдавии и на Балканах, свидетельствуют о возможностях повторения сценария. В-третьих, в значительной степени косвенной причиной санкционирования Югославии, особенно со стороны Запада, являлось недовольство «автократическим» политическим режимом С. Милошевича. При этом если на первом этапе санкций подобные действия в отношении сербов сплотили нацию, то к концу 1990-х гг. действия внесистемной оппозиции, активно поддерживаемой американскими и западноевропейскими фондами, привели к Октябрьской революции 2000 г. и свержению С. Милошевича.

Наконец, кейс подсанкционной Югославии релевантен также и тем, что последствием введения всеобъемлющих санкций стала попытка «отмены» сербского народа через его единоличное обвинение в развязывании этнических

конфликтов на территории бывшей Югославии. Санкции распространялись не только на финансово-экономическую, транспортную и военно-политическую сферы, но и на области культуры и научно-образовательного сотрудничества.

Вместе с тем очевидно, что Югославия в период 1990-х гг. и современная Россия находятся в принципиально отличных геополитических условиях. Доминирование концепции «конца истории» как монополизации управленческой модели и внутреннего развития по евроатлантическому образцу, нахождение Китая, Индии и других восточноазиатских «тигров» на периферии международных отношений в 1990-е гг. объективно не позволяли Югославии воспользоваться той международной партнерской базой, которая сложилась у Белграда в социалистический период в регионе Азии и Африки. В этом смысле положение России несопоставимо более выгодно. Однако ключевым параметром, не позволяющим напрямую сопоставлять российский санкционный кейс с любым другим (югославским, северокорейским, китайским, иранским), является то, что Россия представляет собой для Запада гигантское пространство санкционного эксперимента, в рамках которого отрабатывается механизм согласования и переформатирования международных союзнических связей Запада на основе дифференцированного экономического давления на все без исключения страны. Задачи санкционной политики в отношении Югославии и сегодняшней России принципиально различаются. Если в югославском случае их целью было изменение поведения и корректировка политического режима в фарватере других республик Центральной и Восточной Европы, то основная задача западных санкций в отношении России – пересборка механизмов взаимодействия Евро-Атлантики с внешним миром в рамках построения новой «стратегической глубины».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гуськова, Е.Ю. Последствия международных санкций для Югославии // Страны Центральной и Восточной Европы на пороге XXI века. – М.: ИНИОН, 1999. – С. 108–124. <https://www.guskova.info/w/wars/1999-may.html>.
- Guskova, E.Yu. "Posledstviya mezhdunarodnykh sanktsii dlya Yugoslavii." In *Strany Tsentral'noi i Vostochnoi. Evropy na poroge XXI veka*, 108–124. Moscow: INION, 1999 [In Russian].
- Иванович, М. Сербия о себе. М.: Европа, 2005.
- Ivanovich, M. *Serbiya o sebe*. M.: Evropa, 2005 [In Russian].
- Кудров, В.М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 90–105.
- Kudrov, V.M. "Yugoslaviya: proshchal'nyi ekonomicheskii i statisticheskii portret." *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no.1 (2002): 90–105 [In Russian].
- Никуфоров, К.В., Филимонова, А.И., Шемякин А.Л. Югославия в XX веке: очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. 840 с.
- Nikiforov, K.V., Filimonova, A.I., Shemyakin A.L. *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoi istorii*. M.: Indrik, 2011.
- Avramović, Dragoslav. *Rekonstrukcija monetarnog sistema Jugoslavije i pobeda nad inflacijom*. Belgrad: Evropski centar za mir i razvoj, 1994. http://www.ecpd.org.rs/pdf/2015/books/2007/2007_rekonstrukcija_monetarnog_sistema.pdf.
- Avramović, Dragoslav. *Reconstruction of the Monetary System of Yugoslavia and Victory over Inflation*. Belgrad: Evropski centar za mir i razvoj, 1994 [In Serbian].
- Biersteker, Thomas J., Eckert, Sue E., and Markos Tourinho. (Eds.). *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Bulatović, Momir. *Pravila ćutanja*. Belgrad: Narodna Knjiga, 2004.
- Bulatović, Momir. *The Rules of Silence*. Belgrad: Narodna Knjiga, 2004 [In Serbian].
- Dragović-Soso, Jasna. "The Impact of International Intervention on Domestic Political Outcomes Western Coercive Policies and the Milošević Regime." In *International Intervention in the Balkans since 1995*, edited by Peter Siani-Davies. London: Routledge, 2003. <https://doi.org/10.4324/9780203634028>.
- Drezner, Daniel W. "Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice." *International Studies Review* 13, no. 1 (2011): 96–108. <http://www.jstor.org/stable/23016144>.

Heine-Ellison, S. "The Impact and Effectiveness of Multilateral Economic Sanctions: A Comparative Study." *The International Journal of Human Rights*, no. 5 (2001): 81–112. <https://doi.org/10.1080/714003707>.

Heydarian, Samira, Pahlavani, Mosayeb, and Seyed Hossein Mirjalili. "Financial Sanctions and Economic Growth: An Intervention Time-series Approach." *International Economics Studies* 51, no. 1 (2021): 1–14. <https://doi.org/10.22108/ies.2020.122915.1083>.

Holbrooke, Richard. *To End a War: The Conflict in Yugoslavia. America's Inside Story. Negotiating with Milosevic*. New York: Modern Library, 2011.

Kohl, Tristan. "In and Out of the Penalty Box: US Sanctions and Their Effects on International Trade." In *Research Handbook on Economic Sanctions*, edited by Peter a.G. van Bergeijk, 388–410. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781839102721.00030>.

Lyon, James B. *Serbia Since 1989: Politics and Society under Milosevic and After*. Seattle: University of Washington Press, 2005.

Peksen, Dursun. "When do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature." *Defence and Peace Economics*, 30, no. 6 (2019): 635–647. <https://doi.org/10.1080/10242694.2019.1625250>

Petrović, Pavle, Bogetić, Željko, and Zorica Vujošević. "The Yugoslav Hyperinflation of 1992–1994: Causes, Dynamics, and Money Supply Process." *Journal of Comparative Economics* 27, no. 2 (1999): 335–353.

Strandow, Daniel. *Sanctions and Civil War: Targeted Measures for Conflict Resolution*. Uppsala: Uppsala University, 2006.

Zelditch, Morris Jr. "Legitimacy Theory." In *Contemporary Social Psychological Theories*, edited by P.J. Burke, 340–371. Redwood City: Stanford University Press, 2018.

Сведения об авторах

Энтина Екатерина Геннадьевна,

к.полит.н., профессор, Департамент зарубежного регионоведения Факультета мировой политики и мировой экономики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1,
Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований,
Институт Европы Российской академии наук,
Россия, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3.

e-mail: entinakat@gmail.com

Александр Животич,

к.и.н., профессор, кафедра истории Югославии исторического отделения
Философского факультета, Университет Белграда,
Сербия, Белград, ул. Чика-Любина, 18-20.

e-mail: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 19 января 2023.

Переработана: 1 марта 2023.

Принята к публикации: 5 марта 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г., Животич А. Эффективность санкционной политики. Кейс Союзной Республики Югославии (1991–2001 гг.) // Международная аналитика. – 2023. – Том 14 (1). – С. 123–137.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-123-137>

The Efficiency of Sanctions Policy. The Case of the Federal Republic of Yugoslavia (1991-2001)

ABSTRACT

The issue of sanctions, which has acquired a new dimension in the contemporary era, has transformed from a subject area in International Law into an interdisciplinary one, and has been widely analyzed in political science, sociology, and other fields. The case of Yugoslavia, which represents one of the earliest examples of the application of sanctions as a means to modify not only international actions, but also a political regime, has formed, among other things in modern history, the increasingly popular phenomenon of "cancelling" a nation. Given the external similarity of the processes that took place in the former Yugoslavia, in which Belgrade was involved, and in the post-Soviet space, it is of undisputed interest. This article delves into the situation of the Yugoslav economy, its reaction to the regime of comprehensive restrictions, as well as the effects of the sanctions policy in a comparative relation to the situation in modern Russia and the anti-Russian sanctions regime.

KEYWORDS

Yugoslavia, sanctions, civil war, economy, international pressure, UN, democratization

Authors

Ekaterina G. Entina,

PhD in Political sciences, Professor at the School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow, Malaya Ordynka Street, 17/1;

Department of Black and Mediterranean Sea, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, Mokhovaya street, 11-3.

e-mail: entinakat@gmail.com

Aleksandar Životić,

PhD in Historical sciences, Professor at the Yugoslav History Department, Faculty of Philosophy, University of Belgrade,

Serbia, Belgrade, Čika Ljubina street, 18-20.

e-mail: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

Additional information

Received: January 19, 2023. Revised: March 1, 2023. Accepted: March 5, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Entina Ekaterina G., and Životić Aleksandar. "The Efficiency of Sanctions Policy.

The Case of the Federal Republic of Yugoslavia (1991-2001)."

Journal of International Analytics 14, no. 1 (2023): 123-137.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-123-137>

BRICS-Plus: the New Force in Global Governance

Yaroslav D. Lissovolik, RIAC, Moscow, Russia

Correspondence: ylisovol1@mail.ru

ABSTRACT

The global economy is currently experiencing unprecedented changes as the BRICS nations establish themselves as a significant power center and a crucial factor in the transformation of the international economic framework. Following China's chairmanship of BRICS, which culminated in the BRICS+ meetings with a diverse range of emerging market economies, these and other countries have expressed their desire to join the BRICS group. The expansion process was largely catalyzed by the openness exhibited by BRICS through the BRICS+ format. The main question at this juncture is how the BRICS+ format will develop and whether it can enhance the position of BRICS in the global arena and among the Global South. This paper explores some of the opportunities presented by the BRICS+ concept in the creation of new global governance, particularly through the establishment of platforms – including those in the real sector and financial platforms aimed at promoting greater cooperation among the sovereign wealth funds and regional development banks of the Global South. Another critical area is the launch of a new reserve currency that could serve as the foundation for greater economic integration across the broad platform of the developing world.

KEYWORDS

BRICS+, Global South, R5, BEAMS, African Union

What is BRICS+?

Despite the fact that the BRICS+ initiative was first proposed in 2017, there is still hardly any concrete framework or overarching concept advanced by any of the BRICS countries. The main theoretical forays into the BRICS+ concept have been undertaken by E. Arapova and Y. Lissovlik, with particular emphasis being placed on the possibilities of a format based on cooperation among the regional integration arrangements in which BRICS countries are members¹. Some of Russia's prominent scholars have noted both the possibilities as well as the challenges of implementing such a format,² as well as the leading role of China in the bloc in realizing its key initiatives.³ Another strand of research has focused on the relationship between BRICS and G20 in the context of the evolving transformation of global governance.⁴ Still, other theoretical studies have evaluated the prospects of expanded BRICS cooperation via the expansion of the operations of the New Development Bank.⁵ Overall, however, the theme of BRICS+ remains heavily under-researched and in need of more perspectives coming from all of the members of BRICS / BRICS+.

In practical terms, the implementation of the BRICS+ framework has taken the form of BRICS+ summits (in 2017 (China), 2018 (South Africa), and 2022 (China)) that involve the invitation of a number of developing economies outside of the BRICS core. Brazil, Russia, and India opted not to conduct BRICS+ summits altogether. Despite the lack of clarity and detail on the exact modalities of BRICS+, there are some clues that may be gleaned from the statements of officials from BRICS countries. In fact, it could be the case that the BRICS+ space is intentionally left blank to leave open the scope for multiple formats to be pursued in the coming years.

One insight into how BRICS countries are looking at the BRICS+ format came from Russia. In the beginning of 2018, Russia's Deputy Foreign Minister S. Ryabkov declared, "We suggest that our partners consider BRICS+ as a platform for developing what could be termed an 'integration of integrations'." In other words, Russia's Foreign Ministry called for the BRICS+ platform to follow the route of cooperation among the regional integration blocks in which BRICS countries are members. This path leaves substantial scope for innovative undertakings in bringing closer together not only the regional integration arrangements of the respective BRICS countries but also their regional development institutions (development banks and funds as well as regional financing arrangements).

China's approach, as judged by the summits conducted during its chairmanship in 2017 and 2022, appears to aim for greater breadth and weight in choosing countries that are invited to BRICS+ leaders' meetings. This involves inviting heavyweight developing countries that are members of the G20, as well as countries that are leaders or that hold chairmanship in their respective regional integration blocks. The latter aspect partly overlaps with the Russian approach described above and suggests that there may be possibilities for a harmonized regionalistic approach to emerge from the BRICS+ summits in the coming years.

1 Arapova 2019; Arapova, Lissovlik 2021.

2 Лагутина 2022.

3 Лексютин 2017.

4 Larionova, Shelepov 2022.

5 Hooijmaaijers 2022.

Indeed, one more member of the BRICS circle, namely South Africa, after conducting a BRICS+ summit in 2018, may choose to hold it again in 2023 during its chairmanship. Judging by the countries and groups invited to the BRICS+ summit, South Africa may be leaning closer to a regionalistic approach towards BRICS+, given that in the past it has invited representatives of regional integration groups and associations. A regional approach to BRICS+ coming from South Africa may make sense also due to the country's efforts to promote Africa globally as well as within BRICS.

In practice, the BRICS+ initiative presents multiple dimensions and possible formats. One of these involves a regional approach, which entails bringing together regional organizations / regional integration blocks where BRICS countries are members. Another approach is to establish a pool of heavyweights among developing economies, which could potentially be part of BRICS+ and the BRICS core. Alternatively, the expansion of the ranks of members of the New Development Bank, which can also be considered as part of a financial track of BRICS+, presents yet another possible avenue.

These various formats of the BRICS+ initiative have the potential to impact global governance, particularly considering that in the coming years, BRICS countries are set to lead some of the key global fora. From 2023 to 2025, three BRICS countries are to chair the G20, which opens up the possibility of advancing common BRICS initiatives on the global stage. South Africa is set to chair both the G20 and the BRICS grouping in 2025, while Brazil will chair the G20 in 2024 and the BRICS in 2025, and India chairs the G20 in 2023. These opportunities on the global stage provide the BRICS grouping with tremendous potential for advancing common initiatives and for advancing BRICS+ cooperation on a broader, more inclusive scale. This, in turn, is likely to be undertaken via the creation of platforms for economic cooperation in spheres ranging from the real sector of the economy to the financial sector.

BRICS+ in the Future Platform World

There is an argument that the world is moving towards an increasingly platform-based *modus operandi* where micro-level companies offer platforms to customers, making goods and services more accessible. At the macro-level, these platforms are formed based on regional integration arrangements that bring together not only national economies but also regional economic blocks. The African Continental Free Trade Area is an example of a macro-regional platform in the Global South that subsumes the effects of regional integration arrangements operating in Africa.

The BRICS+ regional format presents an opportunity to introduce a platform that encompasses the majority of the Global South, thus creating integration platforms in the global economy. One proposal in this regard has been the BEAMS platform, which brings together the primary regional integration blocks of the BRICS countries, namely BIMSTEC (India), Eurasian Economic Union (Russia), African Union (South Africa), MERCOSUR (Brazil), and SCO (China). The benefits of creating such a BRICS+ platform are manifold, including the multiplier effect that this format achieves with regard to the outreach of BRICS to the remainder of the developing world. Moreover, this format enables BRICS to progress with trade liberalization across the Global South and establish inclusive cooperation platforms in both the financial and real sectors.

The financial sector can potentially benefit from the establishment of a BRICS+ platform of cooperation among regional development banks where BRICS countries are members. This platform could facilitate cooperation between development banks and other development institutions formed by BRICS+ economies, such as the Eurasian Development Bank (EDB), the Development Bank of South Africa (DBSA), the SAARC Development Fund (SDF), Mercosur Structural Convergence Fund (FOCEM), China Development Bank (CDB), China-ASEAN Investment Cooperation Fund (CAF), and the New Development Bank (NDB). Within this network of regional development institutions, the NDB could potentially serve as a coordinating body with respect to BRICS+ initiatives. Such cooperation could be targeted at co-financing investment projects, as well as initiatives and programs aimed at promoting the attainment of key development goals, such as human capital development, ecology, and financial sector integration and cooperation.¹

One of the important financial tracks of BRICS+ involves cooperation among the regional financing arrangements (RFAs) where both BRICS and BRICS+ countries are members. These RFAs with BRICS participation include the Eurasian Fund for Stabilisation and Development (EFSD), BRICS Contingency Reserve Arrangement (BRICS CRA), and CMIM – Chiang Mai Initiative Multilateralisation. This platform may have the option of financing stabilization programs and investment projects in national currencies. The BRICS Contingent Reserve Arrangement, which became operational in 2015, is a critical element in the BRICS cooperation in the sphere of financial and macroeconomic stability. In accordance with Article 2 of the BRICS CRA Treaty, the initial committed resources of the CRA stand at USD 100 billion, with individual commitments ranging from USD 41 billion for China to USD 5 billion for South Africa².

Other possible platforms that could be created based on BRICS+ include:

- a strategic alliance between high-tech companies in BRICS;
- a digital platform for BRICS economies;
- a coordination mechanism among the central banks of the BRICS economies.

Apart from creating new regional blocks and financial platforms, the greater activism on the part of developing countries in building alliances was also reflected in the creation of platforms / clubs that bring together the largest producers of mineral resources. This, in turn, reflects the increasing role of “resource ownership” in the world economy and the preponderant role played by developing countries in supplying the world economy with natural resources.

One of the sectoral alliances recently promoted by developing economies is a platform to protect the world’s rainforests, uniting Brazil, the Democratic Republic of the Congo, and Indonesia – the countries that account for 52% of the world’s tropical rainforests. Similar green alliances have been formed by other developing nations. In 2021, Suriname, Panama, and Bhutan formed an alliance envisioning trade liberalization, carbon pricing, and other policies to support the progression of their economies along the “carbon-negative path.”

1 Lissovolik, Vinokurov 2019.

2 Ibid.

This year, discussions of sectoral alliances included the alliance of lithium producers, which seeks to unite the members of the “Lithium Triangle” – Argentina, Chile, and Bolivia. These countries hold the majority of reserves in Latin America, which accounts for almost 60% of global reserves. Additionally, Indonesia is exploring the creation of an OPEC-like cartel for nickel and other battery metals. In particular, B. Lahadalia, Indonesia’s investment minister, declared: “I do see the merit of creating OPEC to manage the governance of oil trade to ensure predictability for potential investors and consumers. Indonesia is studying the possibility to form a similar governance structure with regard to the minerals we have, including nickel, cobalt and manganese.”¹

These new sectoral platforms are in addition to the existing arrangements that have already proven to be effective in regulating supply and commodity price dynamics. This is the case with the OPEC+ arrangement that coordinated the oil supply policies of some of the key suppliers from the developing world and Russia. Essentially, the formation of such platforms will involve greater market power and higher prices that are likely to be passed on to consumers. This pro-inflationary factor will add to some of the potent drivers of higher prices, including the effects of monetary policy loosening in the US, surges in electricity / food prices, labor shortages, disruptions in global supply chains, etc. This may be the price that the world economy pays for the “overshooting of globalization” in the preceding decades and the political expediency of developing nations translating their increasing economic clout into greater market and geopolitical capital.

Looking ahead, it is plausible that several sectoral platforms with dominant participation of developing economies will emerge in the near future. These may include rare-earth metals, producers of key food staples and fertilizers, potable water and water preservation, a “gas OPEC,” and green platforms uniting countries around the goal of lowering net emissions.

Some of these tracks have already been explored – in the case of “Gas OPEC,” there is already a grouping of countries that brings together some of the main gas producers, namely the Gas Exporting Countries Forum (GECF). There have been suggestions that the GECF could perform a role on the gas market similar to the one played by OPEC in the oil sector. Russia’s Deputy Prime Minister, A. Novak, declared, however, that the GECF does not currently have the authority to regulate the gas market and primarily deals with information exchange and joint research. Novak further noted that there were also inherent difficulties with gas market regulation given that it is not as well-developed as the oil market in terms of production, supply, and spot trade². Accordingly, with time, conditions may improve for gas market coordination mechanisms to be created among the main gas producers from the developing world.

The proliferation of sectoral cartels is poised to intensify in the years to come as countries endeavor to offset inflationary pressures with the greater proceeds from increased market power and prices across various commodity segments. This cartelization of the global economy may represent a response from developing

1 Harry Dempsey, “Indonesia considers Opec-style cartel for battery metals,” *Financial Times*, October 20, 2022, accessed March 16, 2023, <https://www.ft.com/content/0990f663-19ae-4744-828f-1bd659697468>.

2 Vitaly Sokolov, “Mission Impossible: ‘Gas Opec’ Not Happening, Says Russian Deputy PM,” *Energy Intelligence*, December 29, 2021, accessed March 16, 2023, <https://www.energyintel.com/0000017e-05a9-d2ba-adfe-0da966110000>.

economies to the undermining of universal rules and norms in the economic sphere, particularly the principles of fair and open competition. Against the backdrop of the escalating protectionism of advanced economies and the reconfiguration of supply chains predicated on friend-shoring, developing countries will be increasingly motivated to establish their own platforms, regional groupings, development institutions, sectoral cartels, and secure their equitable share of market power.

The BRICS+ platform can serve as an important instrument of mobilizing efforts and resources of the developing countries in reshaping global governance in such a way that the growing economic role of the Global South is duly reflected in the greater voice of developing nations on the international arena. In this respect perhaps one of the BRICS+ platforms with the most significant potential could be a platform for sovereign wealth funds (SWFs) – in fact such a platform is likely to be effective only in a BRICS+ format.

A BRICS+ platform for sovereign wealth funds

A potential avenue for cooperation in the financial sphere among the BRICS+ economies is the establishment of a common platform for their sovereign wealth funds. According to the Sovereign Wealth Fund Institute, a staggering nine out of the ten largest sovereign wealth funds (by assets under management (AUM)) are from developing economies of the Global South. Leaders from this region include the China Investment Corporation (CIC), which boasts USD 1.35 trillion in assets under management, and the Abu Dhabi Investment Authority (ADIA), which manages nearly 0.8 trillion in AUM. Notably, the total amount of assets managed by the top ten SWFs from the Global South exceeds USD 6 trillion, a figure greater than the combined GDP of the United Kingdom and France in 2022 (see *Table 1*).

In addition to Russia and China, which have a number of large sovereign wealth funds (SWFs), India also possesses a sovereign wealth fund called the National Investment and Infrastructure Fund (NIIF). Among the BRICS countries, apart from Russia and China which have a number of large SWFs, India also has a sovereign wealth fund called the National Investment and Infrastructure Fund (NIIF). Brazil discontinued the operations of its SWF in 2019 but is considering its relaunch. Importantly, there are already linkages built between the BRICS financial institutions and some of the sovereign wealth funds of the BRICS economies – in particular NIIF's Fund of Funds is a USD 600 million fund with investors including the BRICS' New Development Bank as well as the Asian Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank. However, South Africa is the only BRICS country that has yet to establish its own sovereign wealth fund, despite arguments in favor of such a mechanism.

Table 1.

A RANKING OF SOVEREIGN WEALTH FUNDS BY AUM РЕЙТИНГ СУВЕРЕННЫХ ФОНДОВ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Rank	Profile	Total Assets	Region
1	China Investment Corporation	USD 1,35 trn	Asia
2	Norway Government Pension Fund Global	USD 1,3 trn	Europe

Rank	Profile	Total Assets	Region
3	Abu Dhabi Investment Authority	USD 0,79 trn	Middle East
4	Kuwait Investment Authority	USD 0,75 trn	Middle East
5	GIC Private Limited	USD 0,69 trn	Asia
6	Public Investment Fund	USD 0,61 trn	Middle East
7	Hong Kong Monetary Authority Investment Portfolio	USD 0,51 trn	Asia
8	Temasek Holdings	USD 0,5 trn	Asia
9	Qatar Investment Authority	USD 0,48 trn	Middle East
10	National Council for Social Security Fund	USD 0,47 trn	Asia

Source: “Rankings by Total Assets,” SWFI, accessed March 16, 2023, <https://www.swfinstitute.org/fund-rankings/sovereign-wealth-fund>.

The platform for sovereign wealth funds could potentially facilitate greater coordination in the development and deepening of local and regional financial markets, while also promoting the increased use of national currencies in long-term investments and investment projects. Similar to the co-investment efforts between development banks such as NDB or the regional development banks where BRICS countries are members and the BRICS sovereign wealth funds, the inverse is also possible – sovereign wealth funds may co-invest in long-term real sector projects undertaken by national or regional development banks and NDB. Consequently, the platform of sovereign wealth funds could serve as a crucial instrument in advancing another pivotal BRICS+ project, namely the launch of a new reserve currency based on the currencies of the BRICS+ members.

**A BRICS+ reserve currency:
what are the possibilities?**

The creation of a new reserve currency could be a potentially significant catalyst for the development of BRICS+ and the transformation of global governance more broadly. The proposal to create a new reserve currency based on a basket of currencies from BRICS countries was initially formulated by the Valdai Club in 2018. The concept was to create a currency basket, similar to the Special Drawing Rights (SDR), composed of national currencies from BRICS countries, as well as potentially some of the other currencies of BRICS+ circle economies. The selection of BRICS national currencies was due to their status as some of the most liquid currencies across emerging markets. The new reserve currency was proposed to be called R5 or R5+ based on the first letter of the BRICS currencies, each of which begins with the letter R (*Real, Rouble, Rupee, Renminbi, Rand*).

What is clear at this stage is that the BRICS reserve currency will not be created to replace the national reserve currencies of the BRICS economies – rather it will complement these national currencies and will serve to improve the possibilities for more EM currencies to attain reserve status. Accordingly, the attainment of high trading shares among the BRICS economies is a desirable but not altogether an indispensable condition for launching the new reserve currency. In fact, the new BRICS currency does not have to service all trade transactions among BRICS economies in

the very near term. Initially, the new BRICS currency could perform the role of an accounting unit to facilitate transactions in national currencies. In the longer run, the R5 BRICS currency could start to perform the role of settlements / payments as well as the store of value / reserves for the central banks of emerging market economies.

Within the composition of the R5 currency basket, the share of the Chinese renminbi may initially be set at a relatively high level in order to take advantage of the already advanced reserve status of the Chinese currency. This share may be progressively reduced in stages later on, along with the inclusion of new EM national currencies. Outside of the BRICS economies, some of the potential candidates that could be included in the R5+ currency basket over time may feature the Singaporean dollar or the UAE's dirham.

One of the potential risks associated with the use of EM currencies in reserves is their high volatility. The basket mechanism of the BRICS reserve currency will allow for reducing some of this volatility by averaging out the exchange rate dynamics of currencies that follow different market trends. If the currencies of Russia, South Africa, and Brazil follow the commodity cycle, the opposite is true with respect to commodity importers such as India and China.

The potential for utilizing the new reserve currency in the global economy is considerable, particularly given the enormous potential for de-dollarization. The newly established BRICS reserve currency can collaborate with the increased role played by BRICS national currencies to acquire a greater share of the total currency transactions in the global economy. This greater role can be gradually extended from servicing foreign trade transactions to investment flows across the developing world. In line with the original R5 concept developed by Valdai club in 2018 one of the possible venues for boosting the use of national currencies and the BRICS reserve currency could be the creation of a platform for regional development banks in which BRICS economies are members. Such a platform could develop a portfolio of common / integration projects that may be financed in national currencies.

The creation of the R5 reserve currency will be facilitated through its implementation on the basis of a broad BRICS+ regional format, whereby the regional partners of core BRICS countries start to use national currencies and R5 instead of the dollar for the purpose of boosting mutual trade. Furthermore, the R5 basket of currencies could include some of the currencies from outside of the BRICS core – in particular, the most liquid currencies from the BRICS+ circle.

In the end, the launching of a new reserve currency, if successful, will have a transformational effect on the international financial system. The central banks in the global economy are experiencing a notable shortage of reserve currencies in managing their reserve holdings. In this respect, the emergence of additional reserve currencies from among the emerging market economies will serve to expand the possibilities for diversifying reserve holdings and reducing the vulnerabilities associated with the dependence on a narrow range of currencies. The R5+ project can thus become one of the most important contributions of emerging markets to building a more secure international financial system.

Conclusion: taking BRICS+ to the next level – what are the new horizons for the Global South?

For the BRICS+ initiative to achieve significant progress, it is imperative to reinforce the pragmatic aspect of the platform. This can be accomplished by concluding breakthrough economic agreements based on the Global South platforms. To that end, the following key measures could be implemented:

- The signing of key trade and investment agreements between developing economies or their regional blocks at the BRICS / BRICS+ summits.

- Using the BRICS / BRICS+ platforms for dispute settlement and resolution. This can include trade and investment disputes (which should involve the creation of relevant arbitration bodies and procedures) as well as international conflicts. The BRICS platform could play a particularly important role in resolving conflicts in the Global South, i.e. between developing countries. Importantly, analytical work on the creation of a BRICS+ arbitration is already underway and is actively being advanced.

- A platform for regional integration arrangements where BRICS countries are members. Such a platform needs to involve the principle of rotation in conducting the main events and initiatives, with the BRICS+ summits used as a platform to present the main achievements and results of such initiatives.

- The formation of a platform of investment cooperation among the regional development institutions in which BRICS countries are members. The BRICS New Development Bank can play a coordinating role in working with the relevant banks and funds. The New Development Bank could participate in the BRICS / BRICS+ summits with the announcement of some of the key agreements, including on financing of green and sustainable development in the developing world.

- Creation of a platform for cooperation among the sovereign wealth funds of BRICS+ countries. One of the key areas of cooperation could be the coordinated initiatives directed at developing and deepening local financial markets.

- The possibility for the New Development Bank to participate in the G20 summits alongside the main MDBs such as the Asian Development Bank or the African Development Bank.

- More active involvement of the BRICS CRA in the BRICS / BRICS+ summits: the presentation of an annual report on the macroeconomic trends in BRICS / BRICS+; presentation on the state of the world economy; quantitative assessments on the potential effects of de-dollarization.

- Regular discussions in the BRICS+ summits on the transformation of the global monetary system, including a review of the progress of moving towards the creation of new regional and global reserve currencies.

- Presentation of the 3-5 main technological breakthroughs of the Global South at the annual BRICS+ summits.

It is through the building of a sizable pragmatic agenda at the BRICS+ summits that there could be a critical impetus delivered to the South-South economic cooperation. In this respect, it is important that the aforementioned initiatives contain algorithms for scaling these achievements and agreements across the rest of the Global South / BRICS+ platform.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лагутина, М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. – 2022. – Том 13. – № 1. – С. 66–82. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>.
- Lagutina, Maria L. "Regional Dimensions of BRICS Cooperation." *Journal of International Analytics* 13, no. 1 (2022): 66–82 [In Russian].
- Лексюткина, Я.В. Лидерство в БРИКС: прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Том 61. – № 5. – С. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-25-33>.
- Leksyutina, Yana. V. "Leadership in BRICS: Forecasts and Reality." *World Economy and International Relations* 61, no. 5 (2017): 25–33 [In Russian].
- Arapova, Ekaterina Y. "The 'BRICS Plus' as the first international platform connecting regional trade agreements." *Asia-Pacific Social Science Review* 19, no. 2 (June 2019): 30–46.
- Arapova, Ekaterina Y, and Yaroslav D. Lissovolik. "BRICS: The Global South Responds to New Challenges (In the Context of China's BRICS Chairmanship)." *SSRN Electronic Journal* (2022). <https://doi.org/10.2139/ssrn.4301141>.
- Arapova, Ekaterina Y., and Yaroslav D. Lissovolik. "The BRICS Plus Cooperation in International Organizations: Prospects for Reshaping the Global Agenda." *Asia-Pacific Social Science Review* 21, no. 4 (December 2021): 192–206.
- Duggan, Niall, Bas Hooijmaaijers, Marek Rewizorski, and Ekaterina Arapova. "Introduction: The BRICS, Global Governance, and Challenges for South–South Cooperation in a Post-Western World." *International Political Science Review* 43, no. 4 (2022): 469–80. <https://doi.org/10.1177/01925121211052211>.
- Hooijmaaijers, Bas. "China, the BRICS, and the Limitations of Reshaping Global Economic Governance." *The Pacific Review* 34, no. 1 (2021): 29–55. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1649298>.
- Hooijmaaijers, Bas. "The Internal and External Institutionalization of the BRICS Countries: The Case of the New Development Bank." *International Political Science Review* 43, no. 4 (2022): 481–494. <https://doi.org/10.1177/01925121211024159>.
- Larionova, Marina, and John J. Kirton (eds.). *BRICS and Global Governance*. New York: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315569925>.
- Lagutina, Maria L. "BRICS in a World of Regions." *Third World Thematics: A TWQ Journal* 4, no. 6 (2019): 442–458. <https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1643781>.
- Larionova, Marina, and Andrey Shelepov. "Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness?" In *The European Union and the BRICS*, edited by Marek Rewizorski, 39–55. Cham: Springer International Publishing, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-319-19099-0_4.
- Larionova, Marina, and Andrey Shelepov. "BRICS, G20 and Global Economic Governance Reform." *International Political Science Review* 43, no. 4 (2022): 512–530. <https://doi.org/10.1177/01925121211035122>.
- Larionova, Marina. "Role of BRICS in the Global Economy," in "BRICS: Russian Chairmanship 2020," special issue, *International Affairs* (June 2020): 54–59.
- Lissovolik, Yaroslav, and Evgeny Vinokurov. "Extending BRICS to BRICS+: The Potential for Development Finance, Connectivity and Financial Stability." *Area Development and Policy* 4, no. 2 (2019): 117–133. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1535246>.
- O'Neill, Jim. "Building Better Global Economic BRICS." *Global Economics Paper*, no. 6 (November 30, 2001).
- Vazquez, Karin C. 2022. *South-South Ideas: Catalyzing the Contribution of the New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank to the Sustainable Development Goals*. United Nations Office for South-South Cooperation, 2022.
- Vazquez, Karin C. "Brazil and BRICS Multilateralism à La Carte: From Bilateralism to Community Interest." *Global Policy* 12, no. 4 (2021): 534–538. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12969>.

Author

Yaroslav D. Lissovolik,

PhD in Economics, member of the Russian International Affairs Council, 8, 4th Dobryninsky Pereulok,
Moscow, 119049.

e-mail: ylisovol1@mail.ru

Additional information

Received: February 28, 2023. Revised: March 10, 2023. Accepted: March 20, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Lissovolik, Yaroslav D. "BRICS-plus: the New Force in Global Governance." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 138–148.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148>

БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении

АННОТАЦИЯ

На фоне масштабных изменений в мировой экономике государства-участники объединения БРИКС становятся значительным центром силы и крайне важным фактором трансформации международной экономической системы. После председательства Китая в БРИКС, одним из главных результатов которого стали встречи с широким кругом быстроразвивающихся рыночных экономик, многие государства выразили желание присоединиться к группе БРИКС. Катализатором процесса расширения во многом стала открытость, демонстрируемая БРИКС посредством формата БРИКС+. На данном этапе ключевой вопрос касается траектории развития формата БРИКС+ и его способности усилить позиции БРИКС на мировой арене в целом и среди стран «Глобального Юга» в частности. В данной работе анализируются некоторые из возможностей создания новой структуры глобального управления в рамках формата БРИКС+, в частности посредством организации платформ (в том числе в сфере финансов и в реальном секторе) с целью содействия сотрудничеству между суверенными фондами благосостояния и региональными банками развития «Глобального Юга». В числе важнейших областей можно отметить также запуск новой резервной валюты, которая могла бы послужить основанием для более глубокой экономической интеграции на базе широкой платформы, включающей развивающиеся страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

БРИКС+, Глобальный Юг, R5, BEAMS, Африканский Союз

Сведения об авторе

Ярослав Дмитриевич Лисоволик,
д.э.н., член Российского совета по международным делам,
119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, дом 8.
e-mail: ylisovol1@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 28 февраля 2023.
Переработана: 10 марта 2023.
Принята к публикации: 20 марта 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лисоволик, Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Международная аналитика. – 2023. – Том 14 (1). – С. 138–148.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-1-138-148>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья даёт другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б, Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал «Международная аналитика» можно:
в почтовом отделении по каталогу «Пресса России» подписной индекс 38777;
по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2023. – 14(1). – С. 1-148.

Подписано к печати: 28.03.23.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 9,25. Тираж 200 экземпляров. Заказ

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники
МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.